К. ЗАЙЦЕВЪ

И. А. БУНИНЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ПАРАБОЛА

(10. XI. 1933 г.)

К. ЗАЙЦЕВЪ

И. А. БУНИНЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАРАБОЛА»

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

I

РОДНОЙ ЧЕРНОЗЕМЪ

И вижу я себя ребенкомъ; а кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Лермонтовъ.

Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель.

Боратынскій.

Что за звуки! Неподвиженъ внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю вѣчность, небо, землю,
Самаго себя.

Лермонтовъ.

Бунинъ не засталъ крѣпостного права, — оно было отмѣнено за девять лѣтъ до его рожденія, — но окружавшій его бытъ еще полонъ былъ воспоминаніями о немъ и хранилъ многія его черты.

Буйная, праздная жизнь русскаго богатаго помѣщика! Ея угасавшій духъ поддерживала охота.

«. . . Я вижу себя въ усадьбѣ Арсенія Семеновича, читаемъ мы въ одномъ раннемъ произведеніи Бунина, въ большемъ домѣ, въ залѣ, полной солнца и дыма отъ трубокъ и папиросъ. Народу много. . . На дворѣ трубитъ рогъ и завываютъ на разные голоса собаки. Черный борзой взлѣзаетъ среди гостей на столъ и начинаетъ пожирать съ блюда остатки зайца подъ соусомъ. Но вдругъ онъ испускаетъ страшый визгъ и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсеній Семенычъ, вышедшій изъ кабинета съ арапникомъ и револьверомъ, внезапно оглушаетъ залу выстрѣломъ. Зала еще болѣе наполняется дымомъ, а Арсеній Семенычъ стоитъ и смѣется. . . Онъ высокъ ростомъ, худощавъ, но широкоплечъ и строенъ, а лицомъ — красавецъ-цыганъ. Глаза у него блестятъ дико, онъ очень ловокъ, въ шелковой малиновой рубахѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и длинныхъ сапогахъ. . .»

«Я сейчасъ еще чувствую, какъ жадно и емко дышала молодая грудь холодомъ яснаго и сырого дня подъ вечеръ, когда, бывало, ѣдешь съ шумной ватагой Арсенія Семеныча возбужденный музыкальнымъ гамомъ собакъ, брошенныхъ въ чернолѣсье. . . — Береги-и! — завопилъ кто то отчаяннымъ голосомъ на весь лѣсъ. — «А, береги!» — мелькнетъ въ головѣ опъяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, какъ сор-

вавшійся съ цѣпи, помчишься по лѣсу, уже ничего не разбирая по пути. . .»

«Уже совсѣмъ въ темнотѣ вваливается ватага охотниковъ въ усадьбу какого нибудь почти незнакомаго холостяка-помѣщика и наполняетъ шумомъ весь дворъ усадьбы, которая озаряется фонарями, свѣчами, лампами, вынесенными навстрѣчу гостямъ изъ дому. . .»

«Всѣ ходятъ изъ комнаты въ комнату въ разстегнутыхъ поддевкахъ, безпорядочно пьютъ и ѣдятъ, шумно передавая другъ другу свои впечатлѣнія надъ убитымъ матерымъ волкомъ, который, оскаливъ зубы, закативъ глаза, лежитъ съ откинутымъ на сторону пушистымъ хвостомъ среди залы и окрашиваетъ своей блѣдной и уже холодной кровью полъ. . .»

Въ своей семьѣ Бунинъ засталъ лишь закатный отблескъ подобной размашистой жизни: отецъ его быстро и неуклонно разорялся, расточая и свое, и женино, и въ наслѣдство отъ своихъ и жениныхъ родственниковъ достававшееся ему немалое имущество.

Родъ Буниныхъ испыталъ судьбу многихъ дворянскихъ родовъ — судьбу печальную, судьбу роковую для всего русскаго дворянства вообще.

Бунины были родовиты — они записаны были въ знаменитую шестую книгу, то есть принадлежали къ тѣмъ дворянскимъ родамъ, которые наряду со старинными княжескими родами составляли подлинную аристократію Россіи: сверху внизъ смотрѣли такіе дворяне на своихъ собратій, даже титулованныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ, вышедшихъ въ дворяне на памяти у всѣхъ въ порядкѣ царскаго пожалованія и служилой выслуги.

Родъ Буниныхъ восходитъ къ нѣкоему Симеону Буйновскому, мужу знатному, выѣхавшему въ XV вѣкѣ изъ Литвы къ Великому Князю Василію Васильевичу. Изъ дворянскихъ актовъ извѣстно, что одинъ изъ Буниныхъ погибъ при взятіи Казани, другой былъ стольникомъ при Иванѣ Грозномъ и по преданію былъ къ нему приближенъ.

Ближайшіе предки И. А. Бунина были еще очень богаты. Но на нихъ легла печать времени: люди иногда большой культуры, они, не находя примѣненія своимъ незауряднымъ силамъ и способностямъ, превращались порой въ чудаковъ и самодуровъ, которые уже какъ бы съ недоумѣніемъ воспринимали власть свою надъ многочисленными «подданными» (или «рабами»), имъ въ безграничное обладаніе отданными и не знали, что съ собой и съ этой властью начать, куда себя и ее употребить. Въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ произведеній — въ «Суходолѣ» — Бунинъ далъ картину такой помѣщичьей усадьбы во всемъ ея трагическомъ своеобразіи, носящемъ иногда черты неприкрытаго сходства съ жизнью и судьбой родной его семьи.

Дѣдъ Бунина былъ человѣкъ необыкновенный. Стройный, черноволосый, романтически настроенный, онъ сталъ жертвой любви къ своей юной красавицѣ-женѣ. Она рано умерла, едва успѣвъ дать ему трехъ дѣтей — Николая, Алексѣя (отца поэта) и Варвару. Николай Дмитріевичъ былъ сраженъ этой утратой — онъ отдался безъ остатка болѣзненно-экстатической любви къ своей отнятой у него смертью подругѣ. Въ одномъ своемъ позднѣйшемъ разсказѣ Бунинъ описалъ подобное душевное состояніе примѣнительно къ нѣкоему помѣщику Хвощинскому, помѣшавшемуся на

любви къ умершей въ ранней молодости горничной Лушкѣ.

«Что за человѣкъ былъ этотъ Хвощинскій? — спрашиваетъ себя писатель. Сумасшедшій, или просто какая то ошеломленная, вся въ одномъ сосредоточенная душа?»

«По разсказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвощинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкого умницу. И вдругъ на него свалилась эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея — и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати — не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрасъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ — это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война — значитъ, такъ Лушка рѣшила, неурожай случился — не угодили мужики Лукшѣ. . .»

Въ семьѣ Буниныхъ сохранилось преданіе, что окончательная утрата дѣдомъ его душевнаго равновѣсія вызвана была событіемъ незначительнымъ: онъ расположился послѣ обѣда отдыхать въ саду подъ яблоней, когда внезапно поднявшійся грозовой вихрь низринулъ на него цѣлый градъ яблокъ. Николай Дмитріевичъ былъ этимъ пробужденіемъ приведенъ въ состояніе мистическаго испуга, отъ котораго онъ уже никогда не оправился. Онъ прожилъ весь свой вѣкъ въ состояніи безпричиннаго безпокойства, въ мукахъ ожиданія неотвратимо наступающихъ бѣдъ. Онъ не просидѣлъ, подобно Хвощинскому, остатокъ жизни недвижимо —

напротивъ, его постоянно что-то гнало съ мѣста на мѣсто. Онъ непрестанно передвигался самъ по дому, передвигалъ безъ всякаго видимаго повода мебель, задавалъ своимъ близкимъ въ самый неурочный часъ неустанные вопросы, имѣющіе единственной цѣлью и смысломъ удостовѣриться въ томъ, все ли у нихъ благополучно — будилъ ихъ для этого по ночамъ. . . Существо деликатное и кроткое, онъ становился источникомъ постояннаго раздраженія для окружающихъ. Онъ не дожилъ до сорока лѣтъ, успѣвъ до послѣдней степени разстроить свое состояніе — точнѣе, попустить его расточеніе.

Николай Николаевичъ внѣшностью пошелъ въ отца — такой же онъ былъ черноволосый и стройный. Пошелъ онъ въ него и нѣкоторыми свойствами характера — и сына снѣдало какое то внутреннеее безпокойство. Только было оно совершенно другого порядка: Николай жаждалъ какихъ то внѣшнихъ оказательствъ — богатства, власти, карьеры. Начавъ съ военной службы, онъ быстро отъ нея отказался, вернулся въ деревню, все, было, забралъ въ свои руки — но рано скончался, ни въ чемъ не успѣвъ себя проявить.

Варвара пошла по пути своего несчастнаго отца. Съ тѣми же задатками экстатической любви, она сама для себя изобрѣла лютую казнь: влюбившись въ заѣзжаго офицера, она въ припадкѣ гордыни и самоистязанія отвергла его и обрекла себя на муки безисходнаго сожалѣнія, низведшія ее до состоянія почти дикаго. Она прожила дѣвственницей до 83 лѣтъ, ведя нищее, уединенное существованіе. Обликъ ея, сливаясь съ другимъ — тоже до глубокой старости дожившей сестры Николая Дмитріевича, Ольги, обрекшей себя Богу дѣв-

ственницы, вскакивавшей по ночамъ, приказывавшей зажигать во всемъ домѣ свѣчи и вспіявшей о томъ, какъ «змій эдемскій, іерусалимскій входитъ въ нее» — достигаетъ въ образѣ тети Тони въ «Суходолѣ» яркой портретной изобразительности.

Совсѣмъ другого склада былъ Алексѣй Николаевичъ, отецъ поэта. Онъ и внѣшностью пошелъ въ мать и характеромъ не походилъ на отца. Вотъ какъ описываетъ Бунинъ съ «Суходолѣ» Хрущева, владѣльца Суходола.

«Въ суходольскомъ домѣ изъ всѣхъ выдѣлялся онъ. Даже обликомъ непохожъ онъ былъ на прочихъ Хрущевыхъ. Но поистине суходольская непригодность къ человѣческому существованію отличала и его. . . Послѣднюю рубашку готовъ онъ былъ снять для другого; да былъ ли хоть одинъ случай, когда не пропала бы она даромъ, а пошла въ путныя, дѣловыя руки? Добръ онъ былъ какъ ребенокъ. Бѣшено вспыльчивъ, какъ звѣрь... Порой онъ могъ полѣзть съ голыми руками на толпу съ рогатинами. И остротой и живостью ума обладалъ онъ отъ природы. Но какъ то такъ случалось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными. Твердо сказавъ себѣ и окружающимъ: «вотъ такъ то долженъ сдѣлать я», — въ ту же минуту дѣлалъ онъ какъ разъ обратное. Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ. Бодрость, пылкія мечты поминутно уступали въ его душѣ полной безнадежности. Когда дѣла его запутывались, завязывались крѣпчайшимъ узломъ, онъ, сдѣлавъ нѣсколько внезапныхъ, отчаянныхъ усилій развязать его, неуклонно кончалъ тѣмь, что отбрасывалъ его въ руки судьбѣ, случаю. До тридцати лѣтъ капли вина, чубука трубочнаго

не бралъ онъ въ ротъ. Съ тридцати сталъ и пить и курить такъ, что равнаго не зналъ себѣ въ уѣздѣ. Сколь мелочно-жаденъ и подозрителенъ былъ Петръ Петровичъ, столь же нелѣпо-щедръ и довѣрчивъ былъ отецъ. И вся жизнь его кажется на то только и была направлена, чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ подъ старость и намъ на молодость нищенскую суму...»

Въ этомъ портретѣ только одна черта не отвѣчаетъ Алексѣю Николаевичу: ему органически чуждо было унынiе и безнадежность. Основнымъ его свойствомъ была безпечность, безсознательная уклончивость всей его натуры отъ всякой печали, заботы, постоянная самозащита ото всего для нея вредоноснаго.

Алексѣя Николаевича обуревали многiя страсти, но онъ не сталъ рабомъ ни одной изъ нихъ. Во время Крымской кампанiи, — куда онъ отправился охотникомъ, истративъ значительную часть своего состоянiя на снаряженiе цѣлой дружины, которую на пути встрѣчали колокольнымъ звономъ, — онъ не только прiучился пить и курить, но и началъ играть въ карты. Страсть къ картамъ осталась у него на всю жизнь. Онъ былъ способенъ не моргнувъ глазомъ проигрывать огромныя по его состоянiю суммы. Пока онъ жилъ въ Воронежѣ — куда семья было переѣхала для того, чтобы дать образованiе подрастающимъ старшимъ братьямъ Ивана, Евгенiю и Юлiю — онъ былъ завсегдатаемъ клуба. И тѣмъ не менѣе безъ всякаго насилiя надъ собой онъ могъ годами не притрагиваться къ картамъ. Даже по отношенiю къ вину, котораго онъ поглощалъ громадное количество въ тѣ перiоды, когда на него находили припадки запоя, онъ не утрачивалъ

окончательно внутренней свободы. Бывали долгіе промежутки, тянувшіеся иногда по шести лѣтъ — въ одинъ изъ такихъ промежутковъ и родился Иванъ — когда онъ не пилъ вовсе. Впрочемъ, одна страсть все же какъ будто неизмѣнно владѣла имъ — охота. Но и здѣсь, повидимому, первое мѣсто занималъ не непобѣдимый охотничій порывъ, а потребность въ воздухѣ и волѣ, физическая радость бытія, которой жаждало его могучее тѣло.

Сила и отважность его были легендарны. Однажды стало извѣстно, что онъ возвращается къ себѣ въ деревню послѣ большаго выигрыша въ клубѣ. Шестеро крестьянъ подкараулили его съ дубинами. Алексѣй Николаевичъ, завидя ихъ, остановилъ лошадь и, какъ былъ, съ голыми руками пошелъ имъ навстрѣчу. Крестьяне оцѣпенѣли. Трое, получивъ по удару на отмашь, упали замертво. Остальные бѣжали...

Въ общемъ, Алексѣй Николаевичъ едва-ли не былъ въ своемъ родѣ счастливѣйшимъ человѣкомъ. Онъ былъ здоровъ и жизнерадостенъ, исполненъ силъ физическихъ и душевныхъ. Онъ не зналъ отравы сомнѣній и тоски. Гнѣвъ его былъ необузданъ, но мимолетенъ. Сознательно онъ никому не сдѣлалъ зла. Про него крѣпостные говорили: «во всемъ свѣтѣ нѣтъ проще и добрѣе его». Женился онъ по любви и прожилъ съ женой долгую жизнь,順 приживъ съ нею девять человѣкъ дѣтей. Правда, по несчастному стеченію обстоятельствъ пятеро изъ нихъ скончались въ раннемъ возрастѣ — но не было ли это единственнымъ его настоящимъ горемъ? Жизнь всегда сохраняла для него свою прелесть. Въ глубокой старости (онъ умеръ 82 лѣтъ), когда годы и бѣдность лишили его всѣхъ почти радо-

стей, — онъ обрѣлъ новый источникъ ихъ — чтеніе. И на всю жизнь остались въ памяти сына Ивана нѣкоторыя замѣчанія отца о прочитанномъ, свидѣтельствовавшія объ умѣ широкомъ и свободномъ.

Свобода была его природой. Даже бѣдность, лишившая его своего угла — онъ послѣдніе годы жизни не имѣлъ буквально ничего и жилъ у сына Евгенія — не смогла наложить на него принижающаго отпечатка. Онъ несъ ее съ спокойствіемъ, съ достоинствомъ, даже съ своего рода величавостью. Онъ не стѣснялся ее показывать и о ней говорить. Онъ такъ наивно-твердо былъ увѣренъ въ своемъ барствѣ, что никакія внѣшнія условія не способны были поколебать его въ этой увѣренности. И даже въ тѣ годы, когда онъ, не имѣя буквально ничего за душой и живя у своего сына, принималъ, бывало, пріѣхавшихъ навѣстить его гостей, онъ оставался все тѣмъ же большимъ бариномъ, и въ самомъ внѣшнемъ видѣ его, несмотря на распахнутый рваный архалукъ, надѣтый прямо на бѣлье, сохранялась импонирующая каждому, никогда его не покидавшая осанистость.

Жена его была тоже помѣщица, изъ хорошаго дворянскаго рода Чубаровыхъ, утратившаго лѣтъ за сто передъ тѣмъ княжескій титулъ. По воспитанію и по образованію она была выше своего мужа, но его природный и большой умъ и талантливость всей его натуры легко стирали эту разницу. Людмила Александровна ни въ чемъ не могла стать поперекъ своему мужу. Ея безмѣрная доброта и кротость не позволяли ей роптать на мужа даже тогда, когда его поведеніе давало ей къ тому всѣ основанія — вѣдь онъ расточилъ не только свое имѣніе, но и ея.

И ей Богъ далъ здоровье необыкновенное. Но еще болѣе необыкновенными были ея духовныя силы, ея душевная твердость. Она жизнь несла, какъ крестъ. Вся жизнь ея была въ дѣтяхъ, которыхъ она любила сосредоточенной и страстной любовью. Много горестей выпало на ея долю — достаточно вспомнить, что она потеряла пять человѣкъ дѣтей. Она молилась, налагала на себя подвиги аскезы. Она много плакала — но слезы ея были неизмѣнно свѣтлы, ибо проливались онѣ человѣкомъ глубоко и тепло вѣрующимъ. Въ одномъ изъ своихъ наиболѣе мягкихъ разсказовъ Бунинъ даетъ образъ стараго слуги, повѣствующаго дѣтямъ-барчукамъ о разныхъ случаяхъ изъ жизни святыхъ. Про себя этотъ ясный, тихій, часто и легко плачущій старецъ говоритъ: «Душа у меня не нонѣшняго вѣка. . . Мнѣ Господь не по заслугамъ великій даръ далъ. Этого дара старцы валаамскіе только при великой древности, да и то не всѣ домогаются. Этотъ прелестный даръ слезный даръ называется. А какъ я ужъ стихи, напримѣръ, люблю, того и сказать даже невозможно». Что-то отъ этого «прелестнаго слезнаго дара» было у матери Бунина, кстати сказать любившей также стихи чрезвычайно.

«Не разъ видѣлъ я, говоритъ о своей матери герой «Жизни Арсеньева», съ какимъ горестнымъ восторгомъ молилась мать, оставшись одна въ залѣ и опустившись на колѣни передъ лампадкой, крестомъ и иконами. . . О чемъ скорбѣла она? И о чемъ всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночамъ, плакала порой въ самые прекрасные лѣтніе дни, сидя у окна и глядя въ поле? . . О чемъ? О томъ, что душа

ея полна любви ко всему и ко всѣмъ и особенно къ намъ, ея близкимъ и кровнымъ, и о томъ, что все проходитъ и пройдетъ навсегда и безъ возврата, что въ мірѣ есть разлуки, болѣзни, горести, несбыточныя мечты, неосуществимыя надежды, невыразимыя или невыраженныя, нераздѣленныя чувства — и смерть. . .» Эти прекрасныя слова, конечно, могутъ быть отнесены полностью къ матери Бунина.

При всей мягкости своей души, при всей нѣжности своего характера Людмила Александровна могла проявлять твердость и выдержку изумительныя. Она была больна астмой въ очень мучительной формѣ, — съ такой жуткой правдивостью изображенной Бунинымъ въ его разсказѣ «Астма» — и въ теченіи долгихъ лѣтъ не могла почти совсѣмъ спать. Каждую ночь располагалась она на креслахъ, не будучи въ состояніи выдержать лежанія на постели. Въ эти же годы она выдерживала строгій постъ, наложенный ею на себя въ моментъ ареста ея сына — это былъ ея обѣтъ Богу.

У колыбели маленькаго Бунина стояла ея свѣтлая тѣнь, и это онъ запомнилъ на всю жизнь:

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый кроткій голосъ твой:
«Ангелъ-хранитель надъ тобой».

Бывало, раздѣваетъ няня
И полушопотомъ бранитъ,
А сладкій сонъ, глаза туманя,
Къ ея плечу меня клонитъ.

Ты перекрестишь, поцѣлуешь,
Напомнишь мнѣ, что Онъ со мной,
И вѣрой въ счастье очаруешь...
Я помню, помню голосъ твой.

Я помню ночь, тепло кроватки,
Лампадку въ сумракѣ угла
И тѣни отъ цѣпей лампадки...
Не ты ли ангеломъ была?

Было въ душѣ ребенка что то созвучное той печали, которая владѣла всѣмъ существомъ его матери: не даромъ слово «печаль» не сходитъ съ устъ поэта. Поистинѣ было что то сосредоточенно-страстное и горестное и въ чувствѣ, которое питалъ впечатлительный ребенокъ къ той, кто дала ему жизнь:

«Съ матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Все и всѣ, кого мы любимъ, есть наша мука, пусть сладкая и радостная, но все же мука, — что стоитъ одинъ этотъ вѣчный страхъ потери любимаго существа! А я съ младенчества несъ великое бремя моей неизмѣнной любви къ ней, къ той, которая, давши мнѣ жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тѣмъ болѣе, что въ силу любви, изъ коей состояла вся ея душа, была она и воплощенной печалью...»

Кто знаетъ — не придавило ли бы бремя этой сладкой муки душевную жизнь открывающаго глаза на Божій свѣтъ поэта, если бы онъ тутъ же «не только замѣтилъ и почувствовалъ отца, его родное существованіе, но и разглядѣлъ его, сильнаго, бодраго, безпечнаго, вспыльчиваго и временами даже страшнаго, но

2

необыкновенно отходчиваго, въ общемъ очень добраго, великодушнаго, терпѣть не могшаго людей злыхъ, злопамятныхъ и чудесно непослѣдовательнаго. . .» Чувство горделиваго восхищенія передъ этимъ отважнымъ, большимъ человѣкомъ, удивительномъ стрѣлкомъ, всегда веселымъ, такъ чудесно разсказывавшимъ, такъ подмывающе пѣвшимъ подъ гитару счастливыя дѣдовскія пѣсни, было спасительнымъ противовѣсомъ материнскому вліянію, будило въ раскрывающейся душѣ ребенка другія силы. И отецъ чувствовалъ въ сынѣ Иванѣ себѣ подобнаго. Онъ выдѣлялъ его изъ всей семьи. Вообще никто не пойметъ своеобразной остроты бунинскаго міроощущенія, если онъ не учтетъ всего значенія исходной двойственности душевнаго уклада, которая дана была у Бунина наслѣдственностью и паралельнымъ и перекрещивающимся вліяніемъ матери и отца. Огромная жизненная сила, чудесно обновляющаяся въ самомъ процессѣ безпечнаго расточенія ея — и сосредоточенно - скорбное, религіозно - просвѣтленное, благостно-печальное, завороженное мыслью о смерти взираніе на міръ — не въ сочетаніи ли этихъ двухъ началъ состоитъ характерное для Бунина, все его творчество пронизывающее умоначертаніе?

Младенчество Бунина протекало на хуторѣ Бутыркахъ Елецкаго уѣзда. «Тутъ, говоритъ поэтъ въ автобіографической замѣткѣ, давно составленной имъ для одного литературнаго изданія, тутъ, въ глубочайшей полевой тишинѣ, среди богатѣйшей по чернозему и бѣдной по виду природы, лѣтомъ среди хлѣбовъ, подступавшихъ къ самымъ порогамъ, а зимой среди сугробовъ, и прошло мое дѣтство, полное поэзіи печальной и своеобразной».

«Край безъ исторіи, безъ всякихъ слѣдовъ былой жизни, какъ и почти вся безмѣрная равнина наша, вспоминаетъ о томъ же Арсеньевъ. Ни горъ, ни рѣкъ, ни озеръ, ни лѣсовъ — только кустарники въ лощинахъ, кое-гдѣ перелѣски и лишь изрѣдка подобіе лѣса... а то все поля, поля, безпредѣльный океанъ хлѣбовъ. Это не югъ, не степь, гдѣ на сотни верстъ — даль, гдѣ пасутся овечьи отары въ десятки тысячъ головъ, гдѣ по часу ѣдешь по селу, по станицѣ, дивясь ихъ бѣлизнѣ, чистотѣ, многолюдству, богатству... Это только Подстепье, гдѣ поля волнисты, гдѣ все буераки да косогоры, неглубокіе луга, чаще всего каменистые, гдѣ деревушки и лапотные ихъ обитатели кажутся забытыми Богомъ — такъ они неприхотливы, первобытно-просты, родственны своимъ лозинамъ и соломѣ».

Бунины были очень бѣдны въ эту эпоху. Въ одномъ отношеніи это послужило на великую пользу будущему изобразителю русскаго крестьянства. При крѣпостномъ правѣ тысячи нитей вели отъ барской усадьбы не только къ дворнѣ, но и къ пашеннымъ крестьянамъ. Эти нити были почти безъ остатка порваны при проведеніи Великой Реформы. Наступило жестокое отчужденіе между русскимъ крестьянствомъ и русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ. Дворяне побогаче искали часто спасенія въ малодушномъ бѣгствѣ отъ земли. Оскудѣніе, силой вещей, приблизило маленькаго Бунина къ крестьянскому быту — онъ былъ свой среди крестьянъ. «Лѣтъ съ семи, говоритъ Бунинъ въ той же своей автобіографической замѣткѣ, началась для меня жизнь, тѣсно связанная въ моихъ воспоминаніяхъ съ полемъ, съ мужицкими избами... Чуть не все свободное отъ ученія время... я провелъ въ ближайшихъ отъ Буты-

рокъ деревушкахъ у нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ и однодворцевъ. Явились друзья, и порой я по цѣлымъ днямъ стерегъ съ ними въ полѣ скотину. . .»

Да и когда маленькаго Бунина, на одиннадцатомъ году его жизни, повезли въ уѣздный городъ Елецъ и отдали тамъ въ мѣстную гимназію, не было ли удачей то, что пришлось мальчика отдать въ нахлѣбники къ небогатому мѣщанину Бякину — литературному двойнику описаннаго въ «Жизни Арсеньева» Ростовцева — и тѣмъ пріобщить будущаго поэта «къ тяжкому быту мѣщанскихъ и купеческихъ домовъ», о которомъ онъ получилъ бы самое поверхностное представленіе, будь онъ богатымъ дворянскимъ сыномъ? За Бякинымъ послѣдовалъ ваятель кладбищенскихъ памятниковъ, тощій, длинный мастеровой, нѣкое подобіе уѣзднаго Донъ-Кихота съ печально висящими усами, пристрастившій было мальчика къ своему ремеслу, а послѣ работы занимавшій его непритязательными разсказами, неизмѣнно требовавшими «товарищеской» рюмки водки, закусываемой селедкой. За домомъ мастерового послѣдовалъ домъ двоюродной сестры Бунина, которая, продавъ имѣніе, къ этому времени перебралась въ Елецъ. Въ этомъ безалаберномъ домѣ Бунинъ тоже не мало чего насмотрѣлся: онъ былъ всегда полонъ гостей—чиновниковъ, офицеровъ, актеровъ. Хотя Бунинъ никогда не увлекался театромъ, но почему то на него особенно сильное, на всю жизнь оставшееся, впечатлѣніе произвела встрѣча его съ первымъ актеромъ — встрѣча въ обыденной жизни того, кого онъ только что видѣлъ въ такомъ измѣненномъ видѣ на сценѣ. . .

Гимназія мало что дала Бунину. Учился онъ сначала хорошо — ему давалось это легко, если не считать ма-

тематики, къ которой у него никогда не было охоты. Но сухой формализмъ провинціальной казенной учебы давилъ его. Быстро гимназія, да и вся жизнь въ Ельцѣ, стала ему постылой. Безпечная рѣшимость отца сказалась въ сынѣ: какъ и тотъ, онъ, не долго думая, бросилъ гимназію, едва дойдя до четвертаго класса, и вернулся въ деревню.

Къ этому времени матеріальное положеніе Буниныхъ рѣзко измѣнилось на нѣкоторое время къ лучшему. Скончалась бабка Чубарова — хуторъ былъ покинутъ и проданъ для того, чтобы переѣхать въ доставшееся по наслѣдству имѣніе Озерки. Тутъ, въ условіяхъ свободной и достаточной помѣщичьей жизни провелъ юный Бунинъ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ, быстро развиваясь и физически и духовно.

Здѣсь же въ деревнѣ, а не въ городѣ, не въ гимназіи, пріобрѣлъ Бунинъ и свое первоначальное очень широкое и въ отдѣльныхъ направленіяхъ даже углубленное образованіе. И пріобрѣлъ онъ его не изъ книгъ. Для Бунина было и осталось характернымъ на всю жизнь, что черпалъ онъ знанія не изъ школьной учебы и не только изъ книгъ — а прежде всего изъ жизни и изъ общенія съ людьми. Міръ для него былъ нѣчто зримое и ощущаемое, а не въ логическомъ процессѣ познаваемое и усвояемое. Отсюда и особыя свойства памяти: «память у меня вообще хорошая, — то, что интересуетъ, запоминаю крѣпко, — но насилія не терпитъ», читаемъ мы въ упомянутой уже автобіографической замѣткѣ. На счастье, было у кого поучиться въ деревенскомъ окруженіи Бунина. Еще до гимназіи, въ младенчествѣ, у него оказался воспитатель, его достойный. Тотъ, кто читалъ «Жизнь Арсеньева» помнитъ не-

обыкновенную фигуру «человѣка въ сюртучкѣ», какъ то неожиданно появившагося на хуторѣ и тамъ оставшагося, привязавшагося къ маленькому Ивану и ставшаго его первымъ учителемъ. Вѣроятно, такія фигуры были рождаемы только русской жизнью. Богатый, знатный, талантливый, образованный, умный — Баскаковъ, какъ назвалъ учителя Бунинъ въ «Жизни Арсеньева», по свойствамъ своего сумасброднаго характера ничего не кончилъ, ничего не достигъ, порвалъ со всѣми и превратился въ восторженно-озлобленнаго нищаго чудака, поддерживавшаго свое существованіе табакомъ и водкой. Баскаковъ—точный двойникъ подлиннаго учителя Бунина, Ромашкова, съ только той разницей, что Ромашковъ успѣлъ кончить Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ и побывать въ университетѣ.

Конечно, онъ систематическаго образованія не могъ дать своему питомцу — но въ этомъ ли было дѣло? Онъ зналъ три языка, былъ влюбленъ въ русскую литературу, игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью, много видѣлъ и прекрасно разсказывалъ — можно легко представить, какую богатую пищу это все давало уму и воображенію его воспитанника! Читать Бунинъ выучился по «Одиссеѣ» Гомера, настольной его книгой былъ «Донъ Кихотъ» Сервантеса, близкими и родными на всю жизнь стали повѣсти Гоголя.

Такъ было въ Бутыркахъ. Въ Озеркахъ наперстникомъ Бунина оказался его старшій братъ, сосланный какъ разъ въ это время на жительство въ деревню за политическую неблагонадежность. Юлій былъ на цѣлыхъ тринадцать лѣтъ старше Ивана. Онъ успѣлъ уже кончить университетъ и пріобрѣсти большую начитан-

ность, какъ въ естествознанія, такъ и наукахъ гуманитарнымъ. Въ бесѣдахъ съ Юліемъ — бесѣдахъ, ставшихъ привычными для обоихъ братьевъ на всю послѣдующую жизнь — Иванъ прошелъ многое не только изъ курса гимназіи, но и университета. Съ недоумѣніемъ говорилъ потомъ братъ Юлій, какъ онъ незамѣтно для себя перешелъ почти сразу на положеніе равнаго съ братомъ Иваномъ: такъ быстро схватывалъ тотъ и такъ цѣпко удерживалъ схваченное. Но, конечно, главной темой безконечныхъ бесѣдъ была литература — ею къ этому времени былъ Иванъ порабощенъ уже навсегда.

Бунинъ не первый вписалъ свое родовое имя въ исторію русскаго искусства. Не даромъ въ раннемъ дѣтствѣ онъ съ такой страстью увлекался живописью, рисовалъ, не разгибаясь, по цѣлымъ днямъ и «на всю жизнь запомнилъ то несказанное счастье, которое принесъ ему первый коробокъ красокъ». Не даромъ, живя въ Ельцѣ у мастерового ваятеля, онъ, какъ еще недавно вспоминалъ самъ поэтъ, «цѣлую зиму каждую свободную минуту мялъ глину, лѣпилъ изъ нея то ликъ Христа, то черепъ Адама, и даже достигъ вскорѣ такихъ успѣховъ, что хозяинъ иногда пользовался черепами, и онѣ попадали на чугунные кладбищенскіе кресты въ изножья Распятій, гдѣ вѣрно и теперь еще пребываютъ. . .» Въ роду Буниныхъ были художники. Въ тѣ отдаленныя времена, когда не было еще никакой на Руси иной живописи, кромѣ писанія иконъ, извѣстность пріобрѣлъ граверъ Леонтій Бунинъ. Знаменитый букварь, составленный монахомъ Каріономъ для обученія грамотѣ царевича Алексѣя, сына Петра Великаго, на послѣднемъ листѣноситъ надпись: «Сіи букварь счини

Іеромонахъ Каріонъ, а знаменилъ и рѣзалъ Леонтій Бунинъ». Этотъ же Леонтій Бунинъ напечаталъ на собственномъ желѣзномъ станѣ съ точеными желѣзными валами первыя русскія гравюры. Знаменитъ былъ и сынъ Леонтія, Петръ, тоже бывшій граверомъ; отъ него сохранились гравированные по мѣди снимки съ Альбрехта Дюрера...

Но подлинной знаменитости достигло имя Буниныхъ значительно позже, на порогѣ девятнадцатаго столѣтія и уже на поприщѣ изящной литературы. Первая русская поэтесса, общепризнанная «Россійская Сафо», имя которой, по свидѣтельству одной русской писательницы, повторялось нашими прабабушками «съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ самыя пламенныя поклонницы Тургенева и Некрасова не произносили ихъ именъ» — была Анна Петровна Бунина. Карамзинъ говорилъ о ней, что «ни одна женщина не писала у насъ такъ сильно, какъ Бунина». Ея портретъ повѣшенъ былъ въ Академіи наукъ — можетъ, виситъ онъ тамъ и понынѣ: она удостоилась чести быть членомъ Академіи! Ее знала вся образованная Россія, ее ласкалъ дворъ. Это была подлинная и большая литературная слава.

Никто сейчасъ не читаетъ стиховъ Анны Буниной — ихъ слѣда не найдешь даже въ христоматіяхъ. Зато другой русскій поэтъ, въ жилахъ котораго течетъ бунинская кровь, остается до настоящаго времени однимъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей, и нѣтъ русскаго ребенка, не оторваннаго коммунистами отъ русскаго прошлаго, который не повторялъ бы его стиховъ. Это — Жуковскій, сынъ Афанасія Ивановича Бунина, прижитый этимъ богатымъ и знатнымъ бариномъ отъ

плѣнной турчанки, привезенной имъ изъ турецкаго похода, и принятый въ его семью, какъ родной. Другъ и учитель Пушкина, воспитатель Императора Александра II, Жуковскій — одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій русской литературы. Есть что то въ высокой степени поэтическое въ самой личности этого поэта и переводчика, открывшаго для русскаго читателя неисчерпаемое богатство западныхъ литературъ. На всемъ обликѣ его лежитъ отсвѣтъ любимаго поэта его — Шиллера. Не было въ Жуковскомъ, по слову Тютчева, ни лжи, ни раздвоенія, и сіялъ въ немъ духъ чистоголубиный.

Призваніе Ивана Алексѣевича обозначилось съ естественностью органической. Замѣчательно первое его обнаруженіе. Всю жизнь чувство правды, потребность въ правдѣ, отвращеніе ко всякой лжи было органическимъ свойствомъ Бунина. Но въ раннемъ дѣтствѣ, когда ему было лѣтъ семь, восемь, онъ одно время, самъ этимъ страшно смущаясь, неудержимо лгалъ — вѣрнѣе сочинялъ, фантазировалъ. Прибѣжитъ къ матери и съ волненіемъ чрезвычайнымъ разсказываетъ ей: «мама, мама, изба Ваньки горитъ!» Потомъ это прошло такъ же неожиданно, какъ и пришло. Ребенокъ какъ бы освоился съ своимъ воображеніемъ, съ его необузданной силой. Сила эта была, дѣйствительно, совершенно необыкновенна. Однообразіе окружавшей Бунина жизни своимъ контрастомъ какъ бы только способствовало самовозгоранію этого воображенія. «Все, помню, дѣйствовало на меня, пишетъ Бунинъ въ своей автобіографической замѣткѣ: новое лицо, какое нибудь событіе, пѣсня въ полѣ, разсказъ странника, таинственныя лощины за хуторомъ, легенда о какомъ то

бѣгломъ солдатѣ, будто скрывавшемся въ нашихъ хлѣбахъ, воронъ, все прилѣтавшій къ намъ на ограду и поразившій мое воображеніе тѣмъ, что онъ жилъ, какъ сказала мнѣ мать, еще, можетъ быть, при Иванѣ Грозномъ, предвечернее солнце въ тѣхъ комнатахъ, что глядѣли за вишневый садъ, на западъ. . .»

Все кругомъ было таинственно, все чудно. . . «Вотъ вечерѣетъ прекрасный лѣтній день. Солнце уже за домомъ, за садомъ. . . Плыветъ и круглясь медленно мѣняетъ свои очертанія, таетъ въ вогнутой синей безднѣ высокое бѣлое облако. . . Какая томящая красота! Сѣсть бы на это облако и плыть, плыть на немъ въ этой жуткой высотѣ, въ поднебесномъ просторѣ, въ близости съ Богомъ и бѣлокрылыми ангелами, обитающими гдѣ то тамъ, въ этомъ горнемъ мірѣ. . .»

А сельскій храмъ — какъ потрясено было воображеніе ребенка пріобщеніемъ къ тому таинственному и чудному, что въ немъ происходило! А первое посѣщеніе города — уѣзднаго захолустія, которое, однако, своимъ величіемъ буквально обрушилось на привыкшаго къ безкрайному простору полей ребенка? «Я висѣлъ надъ пропастью, въ узкомъ ущельи изъ огромныхъ, никогда мною не виданныхъ домовъ, и меня ослѣплялъ блескъ солнца, стеколъ, вывѣсокъ, нарядность толпы, которой была залита улица внизу, а надо мной, вокругъ меня, на весь міръ разливался какой то дивный музыкальный кавардакъ: звонъ, гулъ колоколовъ съ колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся въ такомъ величіи, въ такой роскоши, какія и не снились римскому Петру и Павлу, и такой громадой, что уже никакъ не могла меня поразить впослѣдствіи пирамида Хеопса».

А чтеніе? Какъ легко было вообразить себя рыцаремъ и пережить всѣ приключенія Донъ-Кихота! Но не только даръ перевоплощенія сказался въ мальчикѣ — онъ способенъ былъ мигомъ перенестись въ любую обстановку, которая навѣяна была ему чтеніемъ. Вотъ онъ сидитъ въ мѣщанской квартирѣ Бякина, читаетъ повѣсть, ничѣмъ особенно неинтересную — внезапно слово «морозъ» завораживаетъ его, и въ одно мгновеніе передъ умственнымъ взоромъ мальчика встаетъ картина такой выпуклости и яркости, которая ни въ чемъ не уступаетъ реальному воспріятію — нѣчто, близкое къ ясновиденію.

Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ воспринимать Бунинъ прозябаніе въ уѣздномъ мѣщанскомъ быту, и можно себя спросить—не было ли, пусть смутнымъ и подсознательнымъ, но инстинктивно вѣрнымъ и спасительнымъ актомъ самосохраненія бѣгство его изъ гимназіи въ деревню? Не случайно здоровый и живой мальчикъ сталъ въ Ельцѣ хирѣть, даже иногда переживать обмороки.

«Теперь дѣтство кажется мнѣ далекимъ сномъ, писалъ онъ впослѣдствіи, но до сихъ поръ мнѣ пріятно думать, что хоть иногда подымались мы надъ мѣщанскимъ захолустіемъ, которое угнетало насъ длинными, длинными днями и вечерами, хожденіемъ въ училище, гдѣ гибло наше дѣтство, полное мечтами о путешествіяхъ, о героизмѣ, о самоотверженной дружбѣ, о птицахъ, растеніяхъ и животныхъ, о завѣтныхъ книгахъ. Птицы любятъ высоту — и мы стремились къ ней. Матери говорили, что мы растемъ, когда видимъ во снѣ, что летаемъ — и на колокольнѣ мы росли, чувствовали за своими плечами крылья. . . Когда мы, запыхав-

шись, одолѣвали, наконецъ, послѣдній ярусъ колокольни, мы видѣли вокругъ себя только лазурь да волнистую степь. Городъ какъ пестрый планъ лежалъ далеко подъ нами, маленькій и скученный, а въ сердцахъ у насъ было то, что должны были испытывать на полетѣ ласточки. Въ ожиданіи Васьки затѣвали мы драки, бѣгали другъ за другомъ, стуча сапогами подъ мѣдными шлемами колоколовъ и громко кричали въ нихъ, возбуждая въ мѣди эхо. Пробираясь по лѣстницѣ среди веревокъ, привязанныхъ за колокольные языки, къ главному колоколу, украшенному барельефами херувимовъ и надписью, какой купецъ отливалъ его, мы по очереди ударяли въ края колокола: ударишь и слушаешь — и кажется, что гдѣ то далеко идетъ пѣвучій благовѣстъ къ ранней обѣднѣ. И однажды поднявшись на верхнюю ступеньку, вдругъ увидѣлъ я на колоколѣ барельефный ликъ строгаго и прекраснаго Ангела Великаго Совѣта и прочиталъ сильное и краткое веленіе: «Благовѣствуй землѣ радость велію. . .»

Когда эта тяга ввысь, это смутное поэтическое чувство, это возбужденіе воображенія, жаждущее воплощенія, вылилось впервые въ формы художественнаго творчества?

Воспитатель Бунина не только игралъ на скрипкѣ и писалъ акварелью — онъ писалъ и стихи — сатирическіе вирши на злобу дня: «и вотъ, говоритъ Бунинъ въ своемъ автобіографическомъ отрывкѣ, написалъ стихотвореніе и я, но совсѣмъ не злободневное, а о какихъ то духахъ въ горной долинѣ, въ лунную полночь. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, но я до сихъ поръ такъ ясно помню эту долину, точно я вчера ее видѣлъ наяву».

Съ этого момента поэтическое творчество стало второй жизнью мальчика. Онъ не завелъ альбома, какъ то дѣлали гимназисты, и даже не очень много писалъ, но и онъ самъ и члены его семьи постепенно освоились съ мыслью о томъ, что быть поэтомъ Ивану написано на роду. Особенно глубоко ощутила это мать. Но и отецъ склоненъ былъ такъ же смотрѣть на своего сына. Когда тотъ бросилъ гимназію и пріѣхалъ въ деревню, отецъ побранилъ его «своенравнымъ недорослемъ», но тутъ же говорилъ и другое (какъ объ этомъ намъ разсказываетъ авторъ «Жизни Арсеньева»): «Нѣтъ, призваніе Алексѣя не гражданское поприще, не мундиръ и не хозяйство, а поэзія души и жизни. Да и хозяйствовать то, слава Богу, уже не надъ чѣмъ. А тутъ, кто знаетъ, можетъ, вторымъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ станетъ. . .» Впрочемъ, для отца, съ его характеромъ, не было вообще особыхъ основаній уже очень попрекать сына — съ его точки зрѣнія никому ни въ чемъ не надо было мѣшать устраивать жизнь, какъ ему заблагоразсудится: если бы Иванъ захотѣлъ стать не поэтомъ, а бродягой, или монахомъ, и тогда Алексѣй Николаевичъ едва ли бы сталъ ему поперекъ дороги.

Годы, проведенные Бунинымъ въ Озеркахъ, были годами быстраго и сильнаго духовнаго роста — можно больше сказать: перелома.

«Удивителенъ весенній расцвѣтъ дерева, говоритъ по этому поводу Бунинъ въ «Жизни Арсеньева». А какъ онъ удивителенъ, если весна дружная, счастливая. Тогда то незримое, что неустанно идетъ въ немъ, проявляется, дѣлается зримымъ особенно чудесно. Взглянувъ на дерево однажды утромъ, поражаешься обилію почекъ, покрывшихъ его за ночь. А еще черезъ нѣкій

срокъ внезапно лопаются почки — и черный узоръ сучьевъ сразу осыпаютъ несмѣтныя ярко-зеленыя мушки. А тамъ надвигается первая туча, гремитъ первый громъ, свергается первый теплый ливень — и опять еще разъ совершается диво: дерево стало уже такъ темно, такъ пышно по сравненію со своей вчерашней голой снастью, раскинулось крупной и блестящей зеленью такъ густо и широко, стоитъ въ такой красѣ и силѣ, что просто глазамъ не вѣришь... Нѣчто подобное произошло и со мной въ то время...»

Въ это время Бунинъ сталъ поэтомъ, писателемъ. Какъ и когда это случилось — онъ и самъ не могъ никогда опредѣлить. «Отвѣтить на это для меня такъ же невозможно какъ на то, съ какихъ поръ я сталъ тѣмъ, что я есть», сказалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Толстомъ. Но одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: въ эту эпоху подъ обличьемъ полудѣтской безпечности и деревенскаго бездѣлія не только скрывался процессъ внутренняго созрѣванія, но происходила и упорная, полусознательная, ибо носящая еще во многомъ характеръ дѣтской игры, внѣшняя тренировка на писателя, на поэта. Бунинъ много пишетъ и еще больше читаетъ и изучаетъ — по преимуществу русскихъ писателей и поэтовъ. Онъ увлекается Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ — онъ подражаетъ даже пушкинскому почерку. Пока онъ пишетъ подъ Пушкина или Лермонтова — письмо ему дается легко. Дѣло мѣняется, когда онъ пытается писать «свое» — пусть это «свое» еще часто наносно, пусть оно выражается еще «чужими словами», какъ несказанно трудно, почти невозможно все же его выразить! Начинается подлинная писательская страда. Но уже сейчасъ это

исканіе формъ, какъ это всегда будетъ у Бунина, неотрывно отъ процесса внутренняго созрѣванія. Бунинъ насквозь органиченъ — для него внѣшняя тренировка есть только оборотная сторона какихъ то подспудныхъ, въ его внутреннемъ мірѣ роящихся явленій.

Въ одно прекрасное утро — прекрасное буквально — произошло событіе, которое составляетъ рубежъ въ жизни каждаго писателя: Бунинъ получилъ номеръ еженедѣльнаго журнала «Родина», въ которомъ стояло напечатаннымъ его стихотвореніе. Это было 17 мая 1887 года. «Утро, когда я шелъ съ этимъ номеромъ съ почты въ Озерки, рвалъ по лѣсамъ росистые ландыши и поминутно перечитывалъ свое произведеніе, никогда не забуду», говоритъ Бунинъ въ своей автобіографической замѣткѣ. «Писалъ и читалъ я въ то лѣто особенно много, а чтобы ничто не мѣшало мнѣ въ этомъ и съ цѣлью наблюденія таинственной ночной жизни мѣсяца на два прекратилъ ночной сонъ, спалъ только днемъ».

Это была пора первыхъ любовныхъ волненій, которыя и давали главныя темы для творческаго вдохновенія. Но и въ эту пору обозначились съ полной явственностью и другіе основные мотивы бунинской музы — лирическій восторгъ передъ красотой мірозданія и жалость къ ничтожеству человѣческой природы. Въ первомъ напечатанномъ бунинскомъ стихотвореніи эта жалость, въ характерной для той эпохи формѣ воспѣванія народной бѣдности, принимаетъ оттѣнокъ соціально-политическій и патріотически-обличительный. Это «чужія слова», отъ которыхъ постепенно и очень быстро будетъ отучаться молодой поэтъ. Но уже находятся у него и сейчасъ «свои слова», когда онъ

поетъ близкую его душѣ природу — эту «таинственную ночную жизнь», которую онъ съ такой страстью наблюдалъ.

Какая теплая и темная заря!
Давнымъ-давно закатъ, чуть тлѣя, чуть горя,
Померкъ надъ сонными весенними полями,
И мягкими на все ложится ночь тѣнями,
Въ вечернія мечты, въ раздумье погрузивъ
Все, отъ затихшихъ рощъ до придорожныхъ ивъ,
И только вдалекѣ вечерней тьмой не скрыты
На горизонтѣ грустныя ракиты.
Надъ садомъ облака нахмурившись стоятъ;
Весенней сыростью наполненъ тихій садъ;
Надъ лугомъ, надъ прудомъ, куда ведутъ аллеи,
Ночныя облака немного посвѣтлѣе,
Но въ чаще, гдѣ сокрывъ весенніе цвѣты,
Склонились кущами зеленые кусты,
И темь, и теплота...

II

МІРЪ РАЗДВИГАЕТСЯ.

Нѣтъ женскаго взора, который бы я не забылъ при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Лермонтовъ.

Откуда, какъ разладъ возникъ
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ?

Тютчевъ.

Въ чужомъ мнѣ мірѣ, сложномъ и огромномъ,
Я молодъ былъ, безвѣстенъ, одинокъ.

Бунинъ.

Была весна. Какъ медъ въ незримыхъ сотахъ,
Я въ сердцѣ жадно, радостно копилъ
Избытокъ силъ. . .

Бунинъ.

Время идетъ. Молодому поэту становится тѣсно въ деревенской глуши. Все испробовано. Съ тяжкимъ напряженіемъ втянулся, было, юноша въ полевыя работы — окрѣпъ физически и душевно, еще больше сблизился съ крестьянами. Со страстью отдавался охотѣ. И однако все съ большей отчетливостью какой то внутренній голосъ говоритъ ему — «пора». «Развѣ не сознавалъ я порой, пишетъ Алексѣй Арсеньевъ, что еще никогда не ступала моя нога дальше уѣзднаго города и нѣсколькихъ окрестныхъ деревушекъ, что весь міръ еще замкнутъ для меня давно привычными полями и косогорами, что вижу я только мужиковъ и бабъ, что весь кругъ нашихъ знакомствъ ограничивается двумя-тремя мелкопомѣстными усадьбами, а пріютъ моихъ мечтаній — моей старой угловой комнатой съ гніющими подъемными рамами и цвѣтными стеклами двухъ оконъ въ садъ?» Это сознаніе все крѣпнетъ. Работа падаетъ изъ рукъ.

Наконецъ оно сгущается въ рѣшеніе — уѣхать. Это тѣмъ болѣе необходимо, что матеріальное положеніе семьи все ухудшается и надо уже серьезно думать о томъ, какъ устраивать жизнь.

Куда ѣхать? Что дѣлать?

Братъ Юлій къ этому времени былъ уже освобожденъ отъ обязательства жить въ деревнѣ и служилъ по земству въ Харьковѣ. Туда и направился Иванъ весной 1889 года.

Начались для Бунина годы провинціальной службы то въ земствѣ, то при редакціяхъ провинціальныхъ газетъ — службы, прерываемой поѣздками въ деревню, первыми путешествіями — въ Крымъ, по Малороссіи...

Жилъ Бунинъ въ Харьковѣ, жилъ въ Орлѣ, наконецъ, осѣлъ въ Полтавѣ, гдѣ сначала служилъ въ статистическомъ отдѣленіи земской управы, а потомъ былъ ея библіотекаремъ, сотрудничая одновременно въ провинціальныхъ газетахъ. Все это было, конечно, не очень серьезно. Впрочемъ, газетная работа въ какомъ-то отношеніи увлекала начинающаго писателя. Съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ онъ корресподенціи въ газету Пихно «Кіевлянинъ» — вліятельнѣйшую и крупнѣйшую провинціальную газету того времени. Если бы кто пересмотрѣлъ комплектъ этой газеты начала девяностыхъ годовъ, то наткнулся бы на частыя, подробныя письма «собственнаго корреспондента» изъ Полтавы: онѣ писаны Бунинымъ.

Земская служба не обременяла Бунина. «Я сидѣлъ въ сводчатомъ полуподвальномъ залѣ въ глубокія окна котораго глядѣлъ старый садъ управы, вспоминалъ недавно писатель. Тамъ я въ свободное время — а свободенъ я былъ всегда — читалъ, писалъ стихи, порой работалъ надъ составленіемъ очерковъ, которые мнѣ поручало статистическое бюро... и составилъ, кстати сказать, столько, что если бы собрать ихъ теперь, къ сочиненіямъ моимъ еще бы прибавилось 3-4 тома...» «Я вызывалъ у большинства своихъ сослуживцевъ расположеніе, на меня, какъ на работника, смотрѣли ласково-насмѣшливо, вспоминаетъ Арсеньевъ о времени нѣсколько болѣе раннемъ, когда Бунинъ сидѣлъ еще въ статистическомъ отдѣленіи. Я сидѣлъ и не спѣша подсчитывалъ, составлялъ сводки, сколько въ такой то волости такого то уѣзда засѣяно табаку, свекловицы, какія предпринимались тамъ мѣры по борьбѣ съ жучками и кобылками, вредящими этой свекловицѣ,

иногда просто читалъ что нибудь вслухъ, не обращая вниманія на разговоры и занятія вокругъ. Меня радовало, что у меня есть свой столъ и то, что я могъ въ любомъ количествѣ требовать изъ канцеляріи новенькія перья, карандаши, отличную писчую бумагу». «Я уже тогда, прибавляетъ Бунинъ сталъ слагаться въ того бодраго, общительнаго и расточительно-веселаго человѣка, какимъ почти всегда былъ впослѣдствіи на людяхъ». Это не была маска: не нужно было притворяться Бунину, чтобы быть веселымъ и общительнымъ, — это была своеобразная завѣса, которая прикрывала отъ посторонняго взора внутренній міръ поэта. Было ли это слѣдствіемъ присущей многимъ глубокимъ натурамъ застѣнчивой скрытности въ отношеніи подлинной ихъ сути? Отчасти да. Но была причина и болѣе простая, для этой эпохи, быть можетъ, основная: Бунинъ былъ далекъ отъ интересовъ, которыми жила окружавшая его среда.

Чѣмъ жили всѣ эти люди, даже самые близкіе къ Бунину, начиная съ брата Юлія, въ хвостѣ котораго онъ шелъ въ своей земской и газетно-публицистической карьерѣ? Они жили политикой, мечтами о конституціи, республикѣ, соціализмѣ, ненавистью къ правительству и къ его представителямъ, которые казались имъ какъ бы даже особымъ отъ нихъ племенемъ; жили книжной жалостью къ русскому народу и столь же книжнымъ преклоненіемъ передъ нимъ... Чѣмъ жилъ Бунинъ? Онъ былъ молодъ, онъ любилъ, онъ жадно впитывалъ въ себя впечатлѣнія бытія и, прежде всего, онъ упивался воздухомъ новаго для него края — прекрасной Малороссіи.

«Былъ конецъ августа; въ малорусскомъ городѣ, гдѣ я жилъ стояло знойное затишье. . . въ соборѣ звонили къ вечернѣ, отъ домовъ ложились длинныя тѣни. . . вокругъ меня все замирало отъ полноты счастья — въ садахъ, въ степи, на баштанахъ и даже въ самомъ воздухѣ и густомъ солнечномъ блескѣ. . .»

«На пыльной площади, у водопровода стояла красивая большая хохлушка въ расшитой бѣлой сорочкѣ и черной плахтѣ, плотно обтягивавшей ей бедра, въ башмакахъ съ подковами на босую ногу. . . Наполнивъ ведра, она положила коромысло на плечо и пошла прямо навстрѣчу мнѣ — стройная, несмотря на тяжесть плескавшейся воды, слегка покачивая станомъ и постукивая башмаками по деревянному тротутару. . . Я помню, какъ почтительно я посторонился, давая ей дорогу и какъ долго, долго смотрѣлъ за нею. А въ улицу, которая шла съ площади подъ гору, на Подолъ, видна была огромная, мягко синѣющая долина рѣки, луга, лѣса, смуглые золотистые пески за ними и даль, нѣжная южная даль. . .»

Много позже, уже въ расцвѣтѣ своего творчества, Бунинъ опять вспоминалъ: «Я въ тѣ годы былъ влюбленъ въ Малороссію, въ ея рѣки, въ ея села и степи, жадно искалъ сближенія съ ея прелестнымъ народомъ, жадно слушалъ пѣсни, душу его. Пѣлъ онъ чаще всего меланхолически, какъ и подобаетъ сыну степей и славнаго прошлаго: пѣлъ на церковный ладъ, какъ и долженъ пѣть тотъ, кто помнитъ не дни и не годы, а цѣлые вѣка и чье рожденіе, трудъ, любовь, семья, старость и смерть — служеніе; пѣлъ то гордо, то строго, какъ потомокъ героевъ, а порой съ такой глубокой сдержанностью, которая дается только силой. Въ людныхъ сте-

піяхъ, на ярмаркахъ, въ передвиженіяхъ гуртами на работы еще сопровождали его бандуристы и лирники, наводившіе мужчинъ на воспоминанія о былой вольности, о казацкихъ походахъ, о чумакахъ и Азовѣ, а женщинъ — на пѣвучія думы о разлукѣ съ сыновьями, съ мужьями, съ любимыми. Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть и слышать многихъ изъ этихъ странниковъ, вся жизнь которыхъ была мечтой и пѣсней. . .»

Съ этими настроеніями былъ естественно чужимъ среди своихъ Бунинъ въ статистическомъ отдѣленіи земской управы — вѣдь не случайно земскій статистикъ слылъ наиболѣе чистымъ воплощеніемъ русскаго интеллигента-революціонера, способнаго думать о народѣ лишь въ планѣ его соціально-политическаго благополучія, да и то по особому рецепту устроеннаго. . .

Бунинъ жилъ среди этихъ людей, общался съ ними, внѣшне ничѣмъ особенно не выдѣлялся среди нихъ, но душой былъ далекъ отъ нихъ, оставаясь въ какихъ то отношеніяхъ непроницаемымъ и одинокимъ. Въ немъ снова идетъ напряженная внутренняя работа: съ одной стороны продолжается, съ такимъ рвеніемъ начатая еще въ деревнѣ тренировка на писателя, съ другой, все съ большимъ постоянствомъ и все съ большей требовательностью становятся передъ Бунинымъ вопросы основные, конечные: к а к ъ   ж и т ь?

Онъ продолжаетъ писать и печатать стихи. Онъ попадаетъ въ столичную печать. Его замѣчаютъ. Онъ издаетъ провинціальный сборникъ стихотвореній. Но все болѣе и болѣе въ немъ просыпается тяга къ писанію прозы. Онъ, впрочемъ не столько пишетъ, сколько готовится къ писанію — учится видѣть и запоминать. Въ немъ обозначается то свойство, которое станетъ его вто-

рой природой и, въ извѣстномъ смыслѣ, его крестомъ на всю жизнь: способность все зримое и переживаемое, какъ бы оно интимно ни было, воспринимать такъ сказать утилитарно, «корыстно», какъ матеріалъ для дальнѣйшаго творческаго процесса.

«Я опять сталъ кое-что писать — теперь больше въ прозѣ — и опять сталъ печатать написанное. Но я думалъ не о томъ, что я писалъ и печаталъ. Я мучился желаніемъ писать что то совсѣмъ другое... Образовать въ себѣ изъ даваемого жизнью нѣчто истинно достойное писанія — какое это рѣдкое счастье, какой душевный трудъ! И вотъ моя жизнь стала все больше и больше превращаться въ эту борьбу съ «неосуществимостью», въ поиски и уловленіе этого неуловимаго счастья, въ преслѣдованіе его, въ постоянное думаніе о немъ...»

«По снѣгу мимо меня безшумно летѣлъ беззаботный, только что должно быть, гдѣ нибудь, на скорую руку выпившій, бодрый, какъ бы весь готовый къ чему то хорошему, ладному извощикъ... Что, казалось бы, обыкновеннѣе? Но теперь чуть не все меня ранило — чуть не всякое мимолетное впечатлѣніе — и, ранивъ, мгновенно рождало порывъ не дать ему, этому впечатлѣнію, пропасть даромъ, исчезнуть безслѣдно, молнію корыстнаго стремленія тотчасъ захватить его въ свою собственность и что то извлечь изъ него... Дальше — богатый подъѣздъ, возлѣ тротуара передъ нимъ чернѣетъ сквозь бѣлые хлопья лаковый кузовъ кареты... за стеклянной дверцей кареты, въ ея атласной бонбоньеркѣ, сидитъ, дрожитъ и такъ пристально смотритъ, точно вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь, какая то премилая собачка, уши которой совсѣмъ, какъ завязанный бантъ.

И опять, точно молнія, радость и боль: ахъ не забыть — настоящій бантъ. Только что дѣлать съ нимъ? Что извлечь изъ него? Господи, что? .. Зажигались фонари, тепло освѣщались окна магазиновъ, чернѣли фигуры идущихъ по тротуарамъ, вечеръ синѣлъ, какъ синька, въ городѣ становилось сладко, уютно... Я, какъ сыщикъ, преслѣдовалъ то одного, то другого прохожаго, глядя на его спину, на его калоши, стараясь что-то понять, поймать въ немъ, войти въ него... Писать! Вотъ о крышахъ ,о калошахъ, о спинахъ надо писать, а вовсе не затѣмъ, чтобы «бороться съ произволомъ, съ насиліемъ, защищать угнетенныхъ и обездоленныхъ, давать яркіе типы, рисовать широкія картины общественности, современности, ея настроеній и теченій».

Значитъ ли это — быть безразличнымъ къ жизни? Нѣтъ. «Вѣрою повиновался Авраамъ призванію итти въ страну, обѣщанную ему въ наслѣдіе, и пошелъ, не зная куда онъ идетъ». Эти библейскія слова вспомнилъ Бунинъ сорокъ лѣтъ спустя, когда въ «Жизни Арсеньева» захотѣлъ осознать заднимъ числомъ устремленія начинающаго писателя, являющагося его литературнымъ двойникомъ. «Да, не зная! Вотъ такъ же, какъ я! .. «Вѣрою повиновался призванію...» Вѣрой во что? Въ любовную благость Божьяго велѣнія! «И пошелъ не зная куда...» Нѣтъ, зная: къ какому то счастью, то есть къ тому, что будетъ мило, хорошо, дастъ радость, то есть чувство любви — жизнь... Такъ и я жилъ всегда, продолжаетъ Бунинъ — только тѣмъ, что вызывало любовь, радость отъ чего нибудь. Такъ шелъ я къ ней — для радости любви и только оттого такъ и мучился — отъ тщетнаго желанія полноты любви, совершенства радостного... А что такое — писать?

Это непрестанно и наиболѣе напряженно узнавать и чувствовать жизнь, ища въ ней радующаго, то есть дающаго любовь. . . страдать всѣмъ, что мѣшаетъ любви, оскорбляетъ ее. . .»

Къ этой философіи жизни, къ этому самоутвержденію писательскому, къ этому пріятію своего призванія, какъ исполненнаго творческой любви дѣла жизни, шелъ Бунинъ и пришелъ къ нему — но въ ту эпоху, о которой мы сейчасъ говоримъ, это была лишь смутная тяга, повелительная, неотвратимая, но далеко не осознанная. Напротивъ, въ душѣ Бунина тогда шла борьба, далеко не сразу поэтъ въ ней остался побѣдителемъ. Для поэта не были опасными его товарищи по земской службѣ, жившіе въ земномъ дѣлѣ «революціи». Соблазнъ шелъ съ другой стороны — отъ властителя умовъ тогдашней Россіи, который съ одинаковымъ презрѣніемъ взиралъ и на правительство и на боровшихся съ нимъ революціонеровъ, отъ писателя, который, какъ никто въ свѣтѣ, былъ близокъ душѣ Бунина, отъ человѣка, единственнаго въ мірѣ, передъ которымъ онъ готовъ былъ склониться до земли, которому способенъ былъ цѣловать руки.

«Я почти весь свой вѣкъ прожилъ въ страстной любви къ нему» — еще совсѣмъ недавно сказалъ о Толстомъ Бунинъ. «Не помню, когда именно началъ я читать Толстого и какъ случилось, что я выдѣлилъ его изъ всѣхъ прочихъ. Бываетъ, что человѣкъ открываетъ что нибудь прекрасное и дорогое для него внезапно, съ изумленіемъ. Этого по отношенію къ Толстому не было, такой минуты я не помню. Вообще все прекрасное, что я встрѣчалъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ, молодости, кажется, никогда не удивляло меня — напротивъ,

у меня было всегда такое чувство, точно я зналъ его уже давно, такъ что мнѣ оставалось только радоваться встрѣчѣ съ нимъ. Такова была, напримѣръ моя первая встрѣча съ горами, съ моремъ: первый взглядъ на великолѣпно синій дышавшій утренними парами морской заливъ, внезапно ударившій мнѣ въ глаза въ Севастополѣ, въ окно вагона, захватилъ, помню, всю душу, потрясъ меня радостью. Но радость эта ничуть не была смѣшана съ изумленіемъ, — это, повторяю, была только радость встрѣчи съ чѣмъ-то давно знакомымъ и любимымъ, съ частью моего собственнаго существа и существованія. И такъ-же встрѣтился я и съ произведеніями Толстого, при первомъ ихъ чтеніи».

Увидѣть Толстого! Это была съ дѣтства завѣтная мечта Бунина. Однажды онъ рѣшился ѣхать верхомъ въ Ясную Поляну — это отъ Буниныхъ было не больше ста верстъ. Въ нерѣшительности юный пилигримъ остановился однако на полъ дорогѣ, заночевалъ, не спалъ ночь и вернулся во свояси, загнавъ понапрасну своего «киргиза».

Не малую роль сыграло какъ увлеченіе Толстымъ-художникомъ, такъ и увлеченіе его личностью, желаніе къ ней приблизиться, и въ томъ интересѣ, который проявилъ молодой Бунинъ, въ свой малороссійскій період, къ «толстовству», какъ моральному ученію. Но тутъ было и нѣчто болѣе серьезное: какими то своими сторонами толстовство задѣвало очень глубокія струны бунинской души. Пусть по прошествіи долгихъ лѣтъ это увлеченіе покажется поэту не только наивнымъ, но и наноснымъ — не только влюбленность въ Толстого обусловило то, что Бунинъ впослѣдствіи назвалъ не безъ ироніи своимъ «толстовскимъ послушаніемъ». Не

только смѣшными казались ему тогда, можетъ быть по существу и смѣшныя и не заслуживающія ничего, кромѣ ироніи, отдѣльныя фигуры толстовцевъ, оказавшіяся на его пути.

Слѣды «толстовскаго послушанія» остались въ художественной прозѣ Бунина. То, что мы оттуда почерпаемъ, отнюдь не вызываетъ у читателя чувство ироніи.

«Вотъ и келья подъ елью- — усмѣхнулся Гриша, взглянувъ на хижину Каменскаго. . . Онъ уже представилъ себѣ, какъ Каменскій начнетъ поучать его, спасать его душу, и заранѣе вооружился враждебностью. Однако, Каменскій только показалъ ему, какъ надо распиливать доски; и это даже обидило Гришу: «не хочетъ снизойти до меня», думалъ онъ, искоса поглядывая на работающаго учителя и стараясь подавить въ себѣ чувство невольнаго почтенія къ нему. . .»

«Сегодня онъ подходилъ къ этой кельѣ въ девятомъ часу. Обыкновенно въ это время Каменскій работалъ. Но теперь въ сѣнцахъ, гдѣ стоялъ верстакъ, никого не было. . . Въ сѣнцахъ. . . было прохладно. . . въ сумракѣ стоялъ уксусный запахъ стружекъ и столярнаго клея. . . Близъ порога валялся топоръ. На верстакѣ среди инструментовъ, въ бѣлой пыли пиленаго дерева, лежали двѣ обгорѣлыя печеныя картошки и книга въ покоробленномъ переплетѣ. Гриша развернулъ Евангеліе. На заглавномъ листѣ его было написано: «Боже мой. Я стыжусь и боюсь поднять лицо мое на Тебя. Боже мой, ибо беззаконія наши стали выше головы и вина наша возросла до небесъ. . .»

«Ласточка съ щебетаніемъ влетѣла въ сѣнцы и опять унеслась стрѣлой на воздухъ. Гриша вздрогнулъ и долго слѣдилъ за ней въ небѣ. Вспомнилось нынѣшнее ут-

ро, купальня, балконъ, теплица — и все это показалось вдругъ чужимъ и далекимъ... Онъ постоялъ передъ дверью въ избу, тихо отворилъ ее... Въ передней узкой комнатѣ загудѣли мухи; воздухъ въ ней былъ душный, обстановка мрачная, почти нищенская, почернѣвшія бревенчатыя стѣны, развалившаяся кирпичная печка, маленькое, тусклое окошечко. Постель была сдѣлана изъ обрубковъ полѣнъ и досокъ; въ головахъ лежалъ свернутый полушубокъ, а вмѣсто одѣяла — старое драповое пальто... Зачѣмъ это самоистязаніе? — Странный человѣкъ! — повторилъ Гриша, хмурясь на темную фототипію висѣвшую надъ кроватью — снимокъ съ картины знаменитаго художника. Это было жестокое изображеніе крестной смерти, написанное рѣзко, съ болью сердца, почти съ озлобленіемъ... Гриша отворилъ дверь въ другую комнату... Тутъ было очень свѣтло отъ солнца, совершенно пусто и пахло закромомъ... У одного окна, на которомъ грудами лежали литографированныя тетрадки, учебникъ «эсперанто», изреченія Эпиктета, Марка Аврелія и Паскаля, стоялъ стулъ. На немъ Каменскій должно быть отдыхалъ и читалъ. На простѣнкѣ были приклеены хлѣбомъ печатныя разсужденія подъ разными заглавіями: «О Словѣ», «О любви», «О плотской жизни»... Ниже изъ псалмовъ Давида: «Ты далъ мнѣ познать путь жизни; Ты исполнишь меня радостью передъ лицомъ Твоимъ...» Какъ это было странно и ново для Гриши! Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ кругомъ, прислушивался къ тишинѣ этого заглохшаго помѣстья и къ тому, что пробуждалось въ его сердцѣ, долго ходилъ изъ угла въ уголъ... Потомъ вернулся въ полутемную комнату, вышелъ въ сѣни, снова развернулъ Еванге-

ліе... «Ты исполнишь меня радостью передъ лицомъ Твоимъ!» — вспомнилъ онъ и почувствовалъ, какъ у него самого радостно и жутко затрепетало сердце и глаза наполнились слезами непонятнаго восторга...»

Гриша уходитъ отъ Каменскаго, съ удовольствіемъ обѣщавъ, что онъ придетъ завтра же читать вмѣстѣ пророка Исаію... «За мельницей Гриша вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ взволнованъ, ему хотѣлось подумать о чемъ то, но онъ ничего не думалъ и только шелъ все дальше въ степь... Онъ постоялъ, подумалъ, послушалъ жаворонковъ: «Ты исполнишь меня радостью передъ лицомъ Твоимъ». Потомъ легъ на межу: — «Какъ жить? думалъ онъ. Какъ жить, чтобы всегда было хорошо, легко, свободно, просто? И чтобы и другимъ было также? Какъ жить?»

Этотъ вопросъ и влекъ къ Толстому Бунина. Онъ дѣйствительно близокъ былъ къ тому, чтобы стать толстовцемъ — выучился бондарному ремеслу, занимался распространеніемъ толстовскихъ брошюрокъ — сумѣлъ даже навлечь этимъ на себя взысканіе и только всемилостивѣйшій манифестъ освободилъ его, къ его великому огорченію, отъ отбытія наказанія.

«Совершенно забылъ, никогда за всю жизнь не вспомнилъ — и вотъ вдругъ вспомнилъ, писалъ недавно Бунинъ: давнымъ давно, безконечно давно была въ Полтавѣ лавочка, внутри которой очень хорошо пахло тесовыми полками и лежащими на нихъ новыми книжками и брошюрками толстовскаго «Посредника», а надъ входомъ висѣла небольшая вывѣска съ моимъ именемъ: книжный магазинъ такого то... Очень странно, но такъ: у меня былъ когда-то книжный магазинъ! Я считалъ себя тогда толстовцемъ... Послѣ обѣда я шелъ

въ книжный магазинъ и ждалъ тамъ покупателей, жаждущихъ толстовскаго благого просвѣщенія. Покупателей однако не было и вотъ я, чтобы хоть какъ нибудь способствовать распространенію этого просвѣщенія, сталъ безплатно раздавать нѣкоторыя брошюрки «Посредника» управскимъ сторожамъ. Когда же и изъ этого ничего путнаго не вышло — напримѣръ, одинъ сторожъ, которому я далъ брошюрку о вредѣ куренія, сказалъ мнѣ вскорѣ послѣ того, что вся брошюрка пошла у него на тютюнъ, — я рѣшился на болѣе смѣлое дѣло: сталъ иногда, пользуясь свободой своей службы, отправляться въ странствія по губерніи, торговать «Посредникомъ» по ярмаркамъ, по базарамъ, гдѣ и былъ однажды подъ Кобеляками задержанъ урядникомъ «на предметъ составленія протокола за торговлю безъ законнаго на то разрѣшенія», каковой протоколъ, конечно, повлекъ за собой черезъ нѣкоторое время судебное преслѣдованіе. Преслѣдованіе оказалось довольно сурово: меня приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, и я былъ понятно очень радъ, что наконецъ и мнѣ удастся пострадать». Однако, какъ мы знаемъ, и тутъ не повезло — помѣшалъ всемилостивѣйшій манифестъ.

Тѣмъ, что Бунинъ все же не сталъ толстовцемъ, онъ, конечно, больше всего обязанъ своей природѣ, никакъ не способной ни къ какому сектантству, но надо отдать справедливость и Толстому: «великій писатель земли русской» все свое личное вліяніе употребилъ на то, чтобы отвлечь Бунина отъ этой затѣи.

По своимъ связямъ съ толстовцами Бунинъ попалъ, наконецъ, къ Толстому. Это было въ январѣ 1894 г.

Вотъ онъ въ залѣ его дома въ Москвѣ...

«Едва я вхожу, какъ въ глубинѣ его, налѣво, тотчасъ же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка и изъ-за нея быстро, съ неуклюжей ловкостью выдергиваетъ ноги, выныриваетъ, — ибо за этой дверью было двѣ три ступеньки въ корридоръ, — большой сѣдобородый, слегла кривоногій старикъ въ широкой, по домашнему сшитой блузѣ изъ сѣрой бумазеи, въ такихъ же штанахъ, больше похожихъ на шаровары, и въ тупоносыхъ башмакахъ. Быстрый, легкій, страшный, остроглазый, съ насупленными бровями. И быстро идетъ прямо на меня, — межъ тѣмъ, какъ я все таки успѣваю замѣтить что въ его походкѣ, вообще во всей посадкѣ есть большое сходство съ моимъ отцомъ — быстро (и немного присѣдая) подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ, вѣрнѣе, ладонью вверхъ бросаетъ большую руку, забираетъ въ нее всю мою, мягко жметъ и неожиданно улыбается очаровательнѣйшей улыбкой, ласковой и какой-то вмѣстѣ съ тѣмъ горестной, даже какъ бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькіе глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звѣриному зоркіе, хотя и въ нихъ есть что-то жалостное и горестное. Легкіе и жидкіе остатки сѣрыхъ, на концахъ слегка завивающихся волосъ по крестьянски раздѣлены на прямой проборъ. большія уши сидятъ необычайно высоко, бугры бровныхъ дугъ надвинуты на глаза, борода сухая, легкая, неровная, сквозная, позволяетъ видѣть немного выступающую нижнюю челюсть.

— Бунинъ? Это съ вашимъ батюшкой я встрѣчался въ Крыму? Вы что-же, надолго въ Москву? Зачѣмъ? Ко мнѣ? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется писать, только помните, что это никакъ

не можетъ быть цѣлью жизни... Садитесь, пожалуйста, и разскажите мнѣ о себѣ...

Онъ и заговорилъ также поспѣшно, какъ вошелъ, мгновенно сдѣлавъ видъ, будто не замѣтилъ полной моей потерянности, и торопясь вывести меня изъ нея, отвлечь отъ нея меня. Что онъ еще говорилъ? Все разспрашивалъ.

— Холосты? Женаты? Съ женщиной можно жить только какъ съ женой и не оставлять ее никогда... Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не дѣлайте себѣ мундира изъ нея, во всякой жизни можно быть хорошимъ человѣкомъ.

Мы сидѣли возлѣ маленькаго столика. Довольно высокая старинная фаянсовая лампа мягко горѣла подъ розовымъ абажуромъ. Лицо его было за лампой, въ легкой тѣни, я видѣлъ только очень мягкую сѣрую матерію его блузы, да его крупную руку, къ которой мнѣ хотѣлось припасть съ восторженной, истинно сыновней нѣжностью, да слышалъ его старческій слегка альтовый голосъ съ характернымъ звукомъ выдающейся челюсти... Вдругъ зашуршалъ шелкъ, я взглянулъ, вздрогнулъ, поднялся: — изъ гостиной плавно шла крупная и нарядная, сіяющая нарряднымъ чернымъ платьемъ, чудесно убранными волосами и живыми, сплошь темными глазами дама:

— Léon, сказала она, ты забылъ, что тебя ждутъ...

И онъ тоже поднялся и съ извиняющейся, даже какъ бы чуть виноватой улыбкой, съ поднятыми бровями, глядя мнѣ прямо въ лицо своими маленькими глазами, въ которыхъ все была какая то темная грусть, опять забралъ мою руку въ свою:

(1889 г.)

— Ну, до свиданія, до свиданія, дай вамъ Богъ, приходите ко мнѣ, когда опять будете въ Москвѣ... Не ждите многаго отъ жизни, лучшаго времени, чѣмъ теперь, у васъ не будетъ... Счастья въ жизни нѣтъ, есть только зарницы его — цѣните ихъ, живите ими.

И я ушелъ, убѣжалъ, совершенно внѣ себя, и провелъ вполнѣ сумасшедшую ночь, непрерывно видѣлъ его во снѣ съ такой разительной яркостью и въ такой дикой путаницѣ, что и теперь жутко вспомнить, захватывалъ себя, просыпаясь, на томъ, что я что-то бормочку, брежу...

Возвратясь въ Полтаву, я писалъ ему и получилъ отъ него нѣсколько ласковыхъ отвѣтныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ опять далъ мнѣ понять, что не стоитъ мнѣ такъ уже стараться быть толстовцемъ...»

Среди недавнихъ замѣтокъ Бунина находимъ слѣдующую:

«Бывало, кричитъ гимназическій учитель, желая поразить твое воображеніе ужасомъ:

— Ты опять, Бунинъ, не знаешь урока? Ты что-жъ, пастухомъ хочешь быть?

Онъ и не подозрѣвалъ, какой сладкой мечты касался.

— Быть пастухомъ! — думалъ я. — Да что же можетъ быть чудеснѣе?

Смущала только мысль:

— А можетъ быть, все таки, лучше стать писателемъ?»

Мечта объ опрощеніи глубоко жила въ бунинской душѣ. Вотъ онъ на охотѣ съ отцомъ. Чудесно описаніе молодымъ писателемъ девятилѣтняго Или, поѣздки на дрожкахъ, дорожныхъ встрѣчъ, собаки Джальмы,

знойнаго полдня въ болотѣ... Вотъ Иля опять на дрожкахъ, усталый, счастливый — онъ уже не замѣчаетъ того, что кругомъ... «Ахъ, когда онъ выраститъ, онъ будетъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ поселится на хуторѣ, будетъ каждый день чистить кирпичемъ и промывать свое ружье, будетъ варить себѣ кулешъ, спать прямо возлѣ порога флигеля на войлокѣ, а просыпаться еще въ ту пору, когда едва, едва брезжитъ зелено-серебристый разсвѣтъ...»

Близка была Бунину и поэзія крестьянскаго труда.

Легко и блѣдно небо голубое,
Поля въ весеней дымкѣ. Влажный паръ
Взрѣзаю я — и лѣзутъ на подвои
Пласты земли, безцѣнный Божій даръ.

По бороздѣ спѣша за сошниками,
Я оставляю мягкіе слѣды —
Такъ хорошо разутыми ногами
Ступать на бархатъ теплой борозды.

Въ лилово-синемъ морѣ чернозема
Затерянъ я. И далеко за мной,
Гдѣ тусклый блескъ лежитъ на кровлѣ дома,
Струится первый зной.

Надо ли удивляться, что попавъ подъ благословенное небо Украины, вступивъ въ общеніе съ ея «прелестнымъ народомъ» у Бунина раждалось совершенно серьезное желаніе свить постоянное гнѣздо въ малороссійской мазанкѣ и жить, какъ птица небесная, въ непосредственной близости къ землѣ и къ небу? «Было мнѣ

тогда девятнадцать лѣтъ,вспомнитъ впослѣдствіи еще молодой Бунинъ это время, все умиляло меня: лѣсъ, небо, дубовая караулка, пучки какихъ то травъ и вѣнички въ сѣнцахъ подъ крышей, между сухой листвой рѣшетника... На ногахъ старика лыковые лапти, на тѣлѣ — чистая замашная рубаха... Какъ хорошо прожить такую же чистую и простую жизнь («Скитъ»). А тутъ еще увлеченіе толстовствомъ! Дѣйствительно, дилемма, о которой въ шутливо-угрожающей формѣ говорилъ гимназическій учитель, становилась почти реальностью...

«Писатель» побѣдилъ «пастуха», но тѣмъ сильнѣе, такъ же, какъ, не такъ уже давно, это было въ деревнѣ, Бунинъ ощутилъ внутренній голосъ: «пора!»

Вся жизнь Бунина въ какомъ то непрестанномъ неудержимомъ и неутомимомъ движеніи: онъ не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, осѣсть. Отъ юности для него характерны какіе-то непрестанные срывы, стремительные отъѣзды въ самыхъ неожиданныхъ направленіяхъ, по мгновенному движенію сердца. «Иди, юноша, въ молодости твоей, куда ведетъ тебя сердце твое и куда глядятъ глаза твои» — отвѣчалъ полушутливо Алексѣй Арсеньевъ брату на вопросъ объ его «дальнѣйшихъ намѣреніяхъ». Теперь для Бунина наступаетъ періодъ скитаній — предѣлами которыхъ постепенно становится весь бѣлый свѣтъ. Въ 1895 году, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, Бунинъ бросаетъ окончательно службу и ѣдетъ въ Петербургъ.

Начинаются и все больше укрѣпляются и расширяются связи и знакомства его въ литературномъ мірѣ. Бунина печатаютъ первоклассные толстые журналы. Выходитъ первый его сборникъ разсказовъ. Его узна-

етъ публика: на общественныхъ собраніяхъ онъ читаетъ свои произведенія наряду съ «знаменитостями». Онъ погружается въ литературную богему. Больше, чѣмъ когда нибудь, однако, онъ замыкается въ себѣ. На людяхъ онъ, какъ и раньше, веселъ и общителенъ. Замѣчательный разсказчикъ и имитаторъ, Божіей милостью актеръ, обладатель памяти безошибочной и зрѣнія такого, какимъ только обладалъ въ Россіи Толстой, мѣткій и рѣзкій остросовъ, Бунинъ скоро становится центральной фигурой литературныхъ кружковъ, пріобрѣтаетъ многочисленныхъ друзей. Однако, даже литературно Бунинъ остается одинокъ. Онъ не примкнулъ ни къ одному изъ литературныхъ движеній — къ инымъ кружкамъ и людямъ былъ близокъ, но связанъ былъ съ ними связями житейскими, бытовыми, въ извѣстномъ отношеніи даже побочными, ибо братъ Юлій вскорѣ перебрался въ Москву и тамъ занялъ очень по существу крупное, хотя внѣшне и не замѣтное литературно-общественное положеніе. Какъ и въ Полтавѣ, среди своихъ товарищей по службѣ, Бунинъ и въ столицахъ соприкасался съ людьми только какой то одной стороной своей души, оставаясь непроницаемъ и одинокъ въ другихъ, наиболѣе для него существенныхъ. При первомъ знакомствѣ съ Чеховымъ тотъ спросилъ однажды Бунина — «Вы много пишите?», и на его отвѣтъ, что мало, сказалъ почти угрюмо, своимъ низкимъ груднымъ баритономъ: «Напрасно. Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.» Не могъ объяснить Бунинъ даже Чехову, что для него въ данный періодъ его жизни вопросъ шелъ не о томъ, что онъ слишкомъ мало пишетъ, а о томъ — не перестать ли совсѣмъ писать, — такъ его начинало неудовлетво-

рять его собственное писанiе. Не могъ онъ объяснить даже этому знатоку человѣческаго сердца, что для него дѣло идетъ о какой то огромной внутренней работѣ, а не о писанiи и писанiи. Не могъ впрочемъ объяснить не только потому, что этого, можетъ быть, не понялъ бы его собесѣдникъ, но, прежде всего, потому, что и самъ не могъ бы, вѣроятно, этого вразумительно истолковать. Ставъ признаннымъ писателемъ, Бунинъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, почувствовалъ себя ученикомъ, который еще долженъ выработать изъ себя писателя.

«— Вотъ у насъ въ городѣ бѣгаетъ по улицамъ дурачекъ — все размахиваетъ руками, дирижируетъ воображаемымъ оркестромъ, дудитъ въ слюнявыя губы. Вотъ и я такъ. Потомъ вотъ въ Батуринѣ у насъ дочь лавочника, — уже потеряла надежду выйти замужъ и потому живетъ только злой и острой наблюдательностью. Вотъ и я въ этомъ родѣ».

Такъ, съ злобнымъ чувствомъ, говоритъ о себѣ Арсеньевъ и на реплику его собесѣдницы: «какой еще ребенокъ», въ свою очередь рипостируетъ: «быстро развиваются только низшiе организмы».

Это сознанiе огромныхъ силъ и возможностей, таящихся въ его природѣ, еще находящихся подъ спудомъ, внѣ его обладанiя, составляло сладкую отраву бунинской жизни этой эпохи. Онъ все не на мѣстѣ — между Петербургомъ, Москвой, Малороссiей, Крымомъ; мало пишетъ; еще меньше печатаетъ; занимается переводами; чувствуетъ, что въ немъ крѣпнетъ мастеръ... И вмѣстѣ съ тѣмъ съ какой-то чисто бунинской безпечностью отдается радости жить.

Вотъ онъ, уже зарубежомъ, вспоминаетъ Москву то-

го времени («Далекое»). «Я былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ участниковъ ея весенней жизни, жилъ всѣми ея запахами, звуками, всей ея суетой, встрѣчами, дѣлами, покупками, бралъ извощиковъ, входилъ съ пріятелями въ кафе Трамбле, заказывалъ въ Эрмитажѣ ботвинью, закусывалъ рюмку холодной водки свѣжимъ огурчикомъ...» Съ такимъ же ощущеніемъ счастья покидалъ онъ ее, «сіяющій, бодрый, во всемъ новенькомъ, смутно ждущій какой то чудесной встрѣчи въ вагонѣ, въ пути... Помню какъ сейчасъ: ѣхалъ я къ Кремлю, а Кремль былъ мирно и радостно озаренъ въ упоръ вечернимъ солнцемъ, ѣхалъ черезъ Кремль, мимо соборовъ — акъ, какъ хороши они были, Боже мой — потомъ по пахучей отъ всякой москатели Ильинкѣ, гдѣ уже была вечерняя тѣнь, потомъ по Покровкѣ, еще людной и шумной, но уже осѣняемой звономъ и гуломъ колоколовъ, благословляющихъ счастливо кончившійся суетный день, — ѣхалъ и не просто радовался и самому себѣ и всему міру, а истинно тонулъ въ радости существованія...»

Въ 1898 году онъ женился на А. Н. Цакни, гречанкѣ, дочери извѣстнаго революціонера и эмигранта Н. П. Цакни. Женившись, года полтора прожилъ въ Одессѣ (гдѣ сблизился съ кружомъ южно-русскихъ художниковъ). Затѣмъ «разошелся съ женой и установилъ въ своихъ скитаніяхъ, уже не мѣшавшихъ работать въ извѣстной мѣрѣ правильно, нѣкоторый порядокъ: зимой столицы и деревня, иногда поѣздка за границу, весной югъ Россіи, лѣтомъ преимущественно деревня». Отъ брака съ А. Н. Цакни у Бунина былъ сынъ. Онъ остался у матери, когда бракъ былъ расторгнутъ, и очень скоро скончался.

Здѣсь попутно отмѣчены два обстоятельства, которыя заслуживаютъ каждое спеціальнаго вниманія.

Бунинъ сблизился въ Одессѣ съ кружкомъ южнорусскихъ художниковъ. Чѣмъ опредѣлялась эта связь? Едва-ли есть другой художникъ слова, который такъ бы чувствовалъ краски, какъ Бунинъ. Его чувственное воспріятіе міра вообще до послѣдней степени обострено: міръ для него наполненъ милліонами звуковъ, запаховъ, красокъ. Даже вкусовыя ощущенія входятъ замѣтнымъ элементомъ въ эту чувственную симфонію. «Когда мы входили въ нашъ дворъ, пишетъ Арсеньевъ, особенность нашей тогдашней кухни охватывала меня восторгомъ: сколько въ ней было Малороссіи! Этотъ восторгъ всю жизнь сопровождалъ меня впослѣдствіи во всѣхъ скитаніяхъ по всѣмъ странамъ земли — какъ пріобщался я къ каждой изъ нихъ черезъ особенности всего того, что она ѣла и пила. Каждый нашъ обѣдъ былъ для меня праздникомъ».

А запахи!

Поэтъ вспоминаетъ старую помѣщичью усадьбу. Почему? Въ ящикахъ его письменнаго стола — антоновскія яблоки, и «здоровый ароматъ ихъ — запахъ меда и осенней свѣжести — переноситъ меня въ помѣщичьи усадьбы». Такъ и называетъ Бунинъ свой разсказъ: «Антоновскія яблоки». «Войдешь и прежде всего услышишь запахъ яблокъ, а потомъ ужъ другіе: старой мебели краснаго дерева, сушенаго липоваго цвѣта, который съ іюня лежитъ на окнахъ». А въ саду? Тамъ пахнетъ собираемыми яблоками, но рядомъ съ ихъ запахомъ въ воспоминаніяхъ поэта встаютъ и другіе запахи — сарафаны дѣвокъ сильно пахнутъ краской, на гумнѣ ржаной ароматъ новой соломы, ночью въ

саду костеръ и «крѣпко тянетъ душистымъ дымомъ вишневыхъ сучьевъ».

Но особенно, кажется, была обострена воспріимчивость писателя къ краскамъ. Это сказалось, напримѣръ, въ томъ, какъ увидѣлъ и запомнилъ внѣшній міръ маленькій Арсеньевъ. Каково первое его воспоминаніе? «Я помню большую, освѣщенную предъосеннимъ солнцемъ комнату, его сухой блескъ надъ косогоромъ, надъ сухимъ золотистымъ жнивьемъ, виднымъ въ окно, выходящее на югъ... Только и всего, только одно мгновеніе».

А вотъ какъ уже нѣсколько подросшій ребенокъ воспринимаетъ все окружающее: «Зеленая холодѣющая мурава... бездонное синее небо... высокое бѣлое облако... даль, что-то смутно-голубое, чуть-чуть сиреневое... сѣро-зеленая лебеда... блѣдно-розовая повилика... рыжій жучекъ... изъ подъ его жесткихъ надкрыльевъ выпущено что то тончайшее, палевое... червонная пыль по верхушкамъ сада, краснѣющій лучъ на паркетѣ, ночная чернота...» Мальчика везутъ въ городъ — «подъ городомъ ярко ударили мнѣ въ глаза какія то воликолѣпныя желтыя скалы, ихъ слоистые обрывы, въ упоръ озаренные предзакатнымъ солнцемъ...» Когда извѣстный намъ «человѣкъ въ сюртучкѣ» вошелъ въ жизнь мальчика, онъ надолго плѣнилъ его страстной мечтой стать живописцемъ. «Я долгое время весь дрожалъ при одномъ взглядѣ на ящикъ съ красками, пачкалъ бумагу съ утра до вечера, часами простаивалъ, глядя на цвѣты, на солнечный свѣтъ и тѣни, на ту дивную, переходящую въ лиловое, синеву неба, которая сквозитъ въ жаркій день противъ солнца въ верхушкахъ деревьевъ, какъ бы ку-

пающихся въ этой синевѣ —, и навсегда проникся глубочайшимъ чувствомъ и сознанiемъ истинно-божественнаго смысла и значенiя земныхъ и небесныхъ красокъ. Подводя итоги того, что дала мнѣ жизнь, я вижу, что это одинъ изъ важнѣйшихъ итоговъ. Эту лиловую синеву, налитую, сквозящую въ вѣтвяхъ и листвѣ, я и умирая вспомню. . .»

Въ свѣтѣ этихъ замѣчанiй мы оцѣнимъ по достоинству бѣглое замѣчанiе о томъ, что поэтъ сблизился съ кружкомъ художниковъ — это была тоже своего рода «академiя», которую прошелъ онъ въ дружескомъ, безпечномъ, порой разгульномъ общенiи съ этими артистами. Не случайностью является и тотъ фактъ, что первое путешествiе за границу было совершено Бунинымъ въ эту эпоху и въ сопровожденiи одного изъ членовъ этого кружка. Это путешествiе и есть то второе обстоятельство, о которомъ бѣгло говоритъ Бунинъ въ приведенномъ только что отрывкѣ, но которое было событiемъ весьма значительнымъ.

Сила воображенiя Бунина была тоже необычайна. Онъ все, о чемъ ему приходилось узнать, реально воссоздавалъ силой этого творческаго воображенiя. Поэтому, можетъ быть, и слагалось у него впечатлѣнiе, когда онъ что либо видѣлъ впервые, что онъ встрѣчается съ чѣмъ то уже ранѣе имъ виденнымъ, знакомымъ, близкимъ. Какъ мы знаемъ, таково было его впечатлѣнiе, когда онъ впервые въ окнѣ вагона увидѣлъ панораму Чернаго моря. Узнавъ и полюбивъ это море, Бунинъ уже воображаетъ и моря сѣверныя и океанъ — мы имѣемъ поэтическiя описанiя ихъ. Никогда Бунинъ до его поѣздки за границу не видалъ настоящихъ горъ — но онъ давно знаетъ ихъ, видитъ ихъ какъ бы

наяву, совершаетъ переходы черезъ нихъ! Полное собраніе сочиненій, изданное въ Россіи въ 1915 году, начинается въ отдѣлѣ прозы отрывкомъ «Перевалъ», помѣченнымъ годами 1892-1898, то есть представляющимъ результатъ долголѣтней переработки первоначальнаго текста, относящагося къ 1892 году. Каково содержаніе этого отрывка? Оно носитъ условный, символическій характеръ: авторъ идетъ съ лошадью черезъ горный хребетъ, изнемогая отъ усталости, въ бурю и въ холодъ — это образъ его восхожденія къ счастью, въ жуткомъ одиночествѣ. Однако, это описаніе носитъ вполнѣ реальный, живописно-осязательный характеръ:

«Ночь давно, а я все еще бреду по горамъ къ перевалу, бреду подъ вѣтромъ, среди холоднаго тумана, и безнадежно, но покорно идетъ за мной въ поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стременами... Въ сумерки, отдыхая у подножья сосновыхъ лѣсовъ, за которыми начинается этотъ голый пустынный подъемъ, я смотрю въ необъятную глубину подо мною съ тѣмъ особымъ сознаніемъ гордости и силы, съ которымъ всегда смотришь съ высоты. Еще можно было различить огоньки въ темнѣющей долинѣ далеко внизу, на прибрежьѣ тѣснаго залива, который уходя къ востоку все расширялся и поднимаясь туманно-голубой стѣной занималъ полъ неба. Но въ горахъ уже наступала ночь. Темнѣло быстро, я шелъ, приближался къ лѣсамъ — и горы выростали все мрачнѣе и величавѣе, а въ пролеты между ихъ отрогами съ бурной стремительностью валился косыми, длинными облаками густой туманъ, гонимый бурей сверху. Онъ срывался съ плоскогорья, которое окутывалъ гигант-

ской рыхлой грядой, и своимъ паденіемъ какъ бы увеличивалъ хмурую глубину пропастей между горами. Онъ задымилъ лѣсъ, надвигаясь на меня вмѣстѣ съ глухимъ, глубокимъ и нелюдимымъ гуломъ сосенъ. Повѣяло зимней свѣжестью, понесло снѣгомъ и вѣтромъ... Наступала ночь, и я долго шелъ подъ темными, гудящими въ туманѣ сводами горнаго бора, склонивъ голову отъ вѣтра».

Чего только ни было пережито поэтомъ еще въ младенческихъ думахъ и мечтахъ! Рыцарскіе замки... прекрасные храмы... картинки изъ книги «Земля и люди», особенно тѣ, которые изображали верблюда, финиковую пальму, пирамиду, жираффу, льва.... «Сколько сухого зноя, сколько солнца не только видѣлъ, но и всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ я, глядя на эту синь и эту охру, замирая отъ какой то истинно эдемской радости. Въ тамбовскомъ полѣ, подъ тамбовскимъ небомъ надъ лубочной книжкой, съ такой необыкновенной силой вспомнилъ я все, что я видѣлъ, чѣмъ жилъ когда то, въ своихъ прежнихъ, незапамятныхъ существованіяхъ, что впослѣдствіи, въ Египтѣ, въ Нубіи, мнѣ оставалось только говорить себѣ: да, да, все это именно такъ, какъ я впервые «вспомнилъ» тридцать лѣтъ тому назадъ».

И вотъ Бунинъ первый разъ заграницей. Онъ ходитъ по самымъ славнымъ замкамъ Европы — ходитъ и дивится: «какъ могъ я, будучи ребенкомъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ любого мальчишки изъ Выселокъ, какъ я могъ, глядя на книжныя картинки и слушая полоумнаго скитальца, курившаго махорку, такъ вѣрно чувствовать древнюю жизнь этихъ замковъ и такъ точно рисовать себѣ ихъ? Да, я когда

то къ этому міру принадлежалъ! И даже былъ пламеннымъ католикомъ. Ни Аѳинскій Акрополь, ни Баальбекъ, ни Ѳивы, ни Пестумъ, ни Святая Софія, ни старыя церкви въ Русскихъ Кремляхъ и до нынѣ несравнимы для меня съ готическими соборами. Какъ потрясъ меня органъ, когда я впервые (въ юношескіе годы) вошелъ въ костелъ, хотя это былъ всего на всего костелъ въ Витебскѣ. Мнѣ показалось тогда, что нѣтъ на землѣ болѣе дивныхъ звуковъ, чѣмъ эти грозные, скрежещущіе раскаты, гулъ и громы, среди которыхъ и наперекоръ которымъ вопіютъ и ликуютъ въ разверстыхъ небесахъ ангельскіе гласы...»

Теперь Бунинъ въ обществѣ человѣка, ему дорогого и близкаго, видитъ всѣ чудеса Европы наяву.

— Знаешь, — говорилъ мнѣ онъ на Женевскомъ озерѣ: — мнѣ часто не вѣрится, что я дѣйствительно, въ этихъ мѣстахъ, о которыхъ, бывало, только мечталъ, глядя на карту, и все хочется напомнить себѣ объ этомъ. Чувствуешь ты, что вотъ за этими горами, такъ близко отъ насъ — Италія? Чувствуешь ты югъ въ этой удивительной осени? А вонъ Савойя — родина тѣхъ самыхъ мальчиковъ-савояровъ съ обезьянками, о которыхъ читалъ въ дѣтствѣ такія трогательныя исторіи...»

«Не спѣша работая веслами... мы говорили о путешествіи въ Савойю, о томъ, сколько времени мы можемъ пробыть тамъ-то и тамъ-то, но мысли наши снова невольно возвращались къ мечтамъ о счастьѣ. Красота новой для насъ природы, красота искусства и религіи всюду волновала насъ юношеской жаждой возвысить до нея нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и раздѣлить эти радости съ людьми...»

Какъ то по новому увидалъ за границей Бунинъ и Россію.

«Весь, до послѣдняго нищенскаго угла, заснулъ Парижъ... Очнувшись, открывъ глаза я увидалъ себя въ тихомъ и свѣтломъ царствѣ ночи... Я неслышно ходилъ по ковру въ своей комнатѣ на пятомъ этажѣ и подошелъ къ одному изъ оконъ... Да, поздно, — вся пятиэтажная стѣна противоположныхъ домовъ темна. Окна тамъ чернѣютъ, какъ слѣпыя глаза. Я заглянулъ внизъ, — узкій и глубокій коридоръ улицы тоже теменъ и пустъ. И такъ во всемъ городѣ. Только блѣдный сіяющій мѣсяцъ, слегка наклоненный, катится и въ то же время остается недвижимымъ среди дымчатыхъ бѣгущихъ облаковъ, одиноко бодрствуя надъ городомъ... И вотъ мысли мои опять возвратились къ дѣтскимъ, почти забытымъ осеннимъ ночамъ, которыя видѣлъ я когда то въ дѣтствѣ, среди холмистой и скудной степи средней Россіи. Тамъ мѣсяцъ глядѣлъ подъ мою кровлю, и тамъ впервые узналъ я и полюбилъ его кроткое и блѣдное лицо. Я мысленно покинулъ Парижъ, и на мгновеніе померещилась мнѣ вся Россія, точно съ возвышенности взглянулъ я на огромную низменность. Вотъ золотисто-блестящая пустынная ширь Балтійскаго моря. Вотъ — хмурыя страны сосенъ, уходящія къ востоку, — вотъ — рѣдкіе лѣса, болота и перелѣски, ниже которыхъ, къ югу, начинаются безконечныя поля и равнины. На сотни верстъ скользятъ по лѣсамъ рельсы желѣзныхъ дорогъ, тускло поблескивая при мѣсяцѣ. Сонные разноцвѣтные огоньки мерцаютъ вдоль путей и одинъ за другимъ убѣгаютъ на мою родину. Передо мной слегка холмистыя поля, а среди нихъ — старый, сѣрый помѣщичій

домъ, ветхій и кроткій при мѣсячномъ свѣтѣ... Неужели это тотъ самый мѣсяцъ, который когда-то глядѣлъ въ мою дѣтскую комнату, который видѣлъ меня потомъ юношей и который теперь грустить вмѣстѣ со мной...»

Первая поѣздка въ Европу еще больше разбудила въ Бунинѣ страсть къ путешествіямъ. Не даромъ родъ Буниныхъ — этихъ какъ бы вѣками приросшихъ къ землѣ среднерусскихъ помѣщиковъ — далъ цѣлую плеяду моряковъ: портретъ одного изъ нихъ, брата извѣстной намъ Анны Петровны Буниной, до большевицкой революціи можно было видѣть въ Кронштадскомъ морскомъ собраніи, его трудами созданномъ.

«Какъ прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себѣ чеканъ души своей и обозрѣть красоту міра... Много странствовалъ я въ дальнихъ краяхъ земли... Я короталъ дни съ людьми всѣхъ народовъ и срывалъ по колоску съ каждой нивы... Ибо лучше ходить босикомъ, чѣмъ въ узкой обуви, лучше терпѣть всѣ невзгоды пути, чѣмъ сидѣть дома».

Эти изреченія Саади Ширазскаго становятся какъ бы завѣтомъ Бунина.

«Съ 1907 года, читаемъ мы въ автобіографической замѣткѣ Бунина, жизнь со мной дѣлитъ В. Н. Муромцева. Съ этой поры жажда странствовать и работать овладѣла мною съ особенной силой. За послѣднія восемь лѣтъ (замѣтка написана в 1915 г.) я написалъ двѣ трети всего изданнаго мною. Видѣлъ же я за эти годы особенно много. Неизмѣнно проводя лѣто въ деревнѣ, мы почти все остальное время отдали чужимъ краямъ. Я не разъ бывалъ въ Турціи, по берегамъ

Малой Азіи, въ Греціи, въ Египтѣ вплоть до Нубіи, странствовалъ по Сиріи и Палестинѣ, былъ въ Оранѣ, Алжирѣ, Константинѣ, Тунисѣ и на окраинахъ Сахары, плавалъ на Цейлонъ, изъѣздилъ почти всю Европу, особенно Сицилію и Италію (гдѣ три послѣднихъ зимы мы провели на Капри), былъ въ нѣкоторыхъ городахъ Румыніи, Сербіи — и, говоря словами Баратынскаго, отовсюду — «къ вамъ приходилъ, родныя степи, моя начальная любовь» — и снова «по свѣту бродилъ и наблюдалъ людское племя»...

Въ этой серіи странствованій совершенно особое мѣсто занимаютъ путешествія на Востокъ.

III

НА РОДИНАХЪ БОГА.

... Все, что отражалось,
Что было въ зеркалѣ, померкло, потерялось...
Вотъ такъ и смерть, да, можетъ быть, вотъ такъ.

Бунинъ.

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла — и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь...

Тютчевъ.

О гдѣ вы, древніе народы?
Вашъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ.

Тютчевъ.

Мысль о тайнѣ міровозданія сопутствуетъ Бунину почти съ колыбели. Въ одномъ примѣчательномъ очеркѣ, который является какъ бы раннимъ эскизомъ къ

«Жизни Арсеньева» и носитъ даже заглавіе, близкое къ подзаголовку этого величественнаго творенія, Бунинъ въ той же своеобразной біографически-символической формѣ, которая впослѣдствіи составитъ особенность письма его художественной автобіографіи, изображаетъ возникновеніе въ его сознаніи этой мысли и ея укороненіе въ немъ.

«Зеркало... Я хорошо помню, какъ поразило оно меня... Съ него начинаются смутныя, не связанныя другъ съ другомъ воспоминанія моего младенчества... Ранѣе нѣтъ ничего: пустота, несуществованіе.

Ни мое сердце, ни мой разумъ никогда не могли и до сихъ поръ не могутъ примириться съ этой пустотой. Но, покоряясь неизбѣжности, я принимаю за начало моего бытія этотъ августовскій день... — и зеркало... Я видалъ его и ранѣе. Видѣлъ и отраженія въ немъ. Но изумило оно меня только теперь, когда мои воспріятія вдругъ озарились первымъ проблескомъ сознанія, когда я раздѣлился на воспринимающаго и сознающаго. И все вокругъ меня внезапно измѣнилось, ожило, — пріобрѣло свой собственный ликъ, полный непонятнаго».

Ребенокъ изумленъ очарованъ — онъ охваченъ одной мыслью: разгадать чудо зеркала. Сколько лукавствъ и ухищреній. Тайна, соединяющая мальчика съ зеркаломъ, длится много лѣтъ: «отраженная комната все такъ же заманчива, притягательна... сто кратъ заманчивѣй той, въ которой былъ я. И сладко было снова и снова тѣшить себя несбыточной мечтой побывать, пожить въ этой отраженной комнатѣ. Только существуетъ ли она и тогда, когда не смотришь на нее?...»

Мальчикъ ищетъ разрѣшенія тайны въ поискахъ че-

го-то за зеркаломъ... Онъ слышалъ что-то о ртути, которая якобы находится за стекломъ... «А главное почему поспѣшили закутать это что-то, намазанное ртутью и называемое зеркаломъ, въ черный коленкоръ, какъ только умерла маленькая Надя? Въ эту страшную ночь, когда въ домѣ свершилось что то невыразимое, наполнившее весь домъ сперва таинственной суматохой, испуганными голосами, а потомъ страстными криками матери, — зеркало завѣсили чернымъ коленкоромъ. Я, спавшій въ въ угловой комнатѣ на широкой постели, въ ужасѣ вскочилъ на колѣни, когда тишину ночи прорѣзали эти крики. А затѣмъ въ комнату быстро вошла заплаканная нянька и накинула на зеркало кусокъ черной матеріи. И какъ внезапный вѣтеръ по затрепетавшимъ листьямъ дерева, по всему моему тѣлу прошла одна мысль, одно сознаніе: въ домѣ смерть!»

«Что это случилось съ милой веселой дѣвочкой, которая такъ звонко выкрикивала когда то свое имя, а теперь лежитъ въ селѣ на погостѣ, въ могилѣ? Откуда пришла она? Зачѣмъ росла, прыгала, радовалась? Вотъ идутъ дни за днями, а ея все нѣтъ — и никогда не будетъ...»

«Говорятъ, что она на погостѣ... Но вся ли? То живое, прекрасное, что было въ ней, не тамъ, а гдѣ то далеко... въ раю, въ небѣ... Когда... въ зеленоватомъ небѣ вспыхивало серебристое зерно первой звѣзды, нянька говорила мнѣ: — Вонъ душенька нашей барышни... Но это такъ же ничего не объясняло, какъ и то, что зеркало есть стекло, намазаннне ртутью... И велико было мое недоумѣніе, когда я въ этомъ убѣдился. Не разъ отодвигалъ я зеркало отъ стѣны и не разъ убѣждался въ томъ, что ничего-то нѣтъ за нимъ, кро-

мѣ бревенъ, паутины, и шершавыхъ дощечекъ. Однако, надо было заглянуть и подъ эти дощечки. . .»

И вотъ, обнаружена ртуть, обнаружено стекло. И что-же? — Зеркало въ томъ мѣстѣ, гдѣ мальчикъ отскоблилъ подъ стекломъ ртуть — исчезло! Исчезла и отраженная комната. И мысль работаетъ, мысль уже не мальчика, а тридцатишестилѣтняго поэта.

«Гдѣ я былъ до той поры, въ которой блеснулъ первый лучъ моего сознанія, пробужденнаго свѣтлымъ стекломъ, висѣвшимъ въ тяжелой рамѣ между колоннокъ туалета? Нигдѣ, отвѣчаю я себѣ. Но я не вѣрю этому, какъ не вѣрю и никогда не повѣрю въ уничтоженіе. Лучше сказать: не знаю. Но и незнаніе — тоже тайна. . .

«На зеркалѣ и до сихъ поръ видна царапина. . . Я видѣлъ себя въ этомъ зеркалѣ ребенкомъ — и вотъ уже не представлю себѣ этого ребенка. Я видѣлъ себя отрокомъ, но теперь не помню и его. Видѣлъ юношей — и только по портретамъ знаю, кого отражало когда то зеркало. . . Развѣ мое — это ясное, живое, слегка надменное лицо? Это лицо моего младшаго давно умершаго брата. Я и гляжу на него, какъ старшій: съ ласковой улыбкой снисхожденія къ его молодости. А въ зеркалѣ отражается печальное и, увы, уже спокойное лицо. . . Настанетъ день — и навсегда исчезнетъ изъ міра и оно. И отъ попытокъ моихъ разгадать жизнь останется одинъ слѣдъ: царапина на стеклѣ, намазанномъ ртутью. . .»

Резиньяція порой опускалась давящей тяжестью на душу поэта. Въ отдѣльныхъ случаяхъ она принимала черты такого безостаточнаго разочарованія, передъ которымъ блѣднѣетъ безрадостная мудрость Экклезіа-

ста. Достаточно назвать одно произведеніе Бунина, относящееся ужъ къ послѣреволюціонному періоду его творчества. — «Въ ночномъ морѣ». На палубѣ парохода встрѣчаются два еще не старыхъ человѣка. Они одни. Ночь. Они сразу другъ друга узнаютъ. Когда то ихъ разъединила женщина — уже умершая. Оба знамениты. Оба умны. Одинъ врачъ. Другой писатель. Тотъ, у котораго была отнята жена, имъ страстно любимая, смертельно боленъ и, какъ врачъ, это знаетъ. Жизнь обоихъ сплетена неразрывно участіемъ въ ней любимой обоими женщины. Послѣ разлуки, длившейся четверть вѣка — они внезапно встрѣчаются, спокойно начинаютъ разговоръ, говорятъ, какъ два очень близкихъ человѣка — и обнаруживаютъ что уже ничего другъ къ другу не чувствуютъ. И не только другъ къ другу — но и вообще ничего не чувствуютъ, ни по отношенію къ той женщинѣ, которую такъ страстно любили и изъ за которой другъ друга такъ страстно ненавидѣли, ни по отношенію къ чему бы то ни было въ мірѣ. Равнодушіе, съ которымъ они говорятъ о самихъ себѣ, другъ объ другѣ, о покойной любимой ими женщинѣ — равнодушіе столь разительно контрастирующее съ былой страстностью выясняющихся изъ разговора ихъ взаимныхъ отношеній и съ тѣмъ тоже выясняющимся изъ разговора фактомъ, что одинъ изъ собесѣдниковъ — смертникъ, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Едва ли есть другое произведеніе изящной литературы, которое вызывало бы такое ощущеніе метафизической пустоты, такое чувство холодной примиренности съ небытіемъ. И невольно задумываешься: въ чемъ причина столь потрясающаго впечатлѣнія, оставляемаго этимъ короткимъ и простымъ разсказомъ? Не только

въ удивительной его внѣшней красотѣ, въ формальномъ совершенствѣ его, въ мягкой и ровной его музыкѣ, какъ бы воспроизводящей баюкающее движеніе парохода въ ночной тиши моря, — музыкѣ, разительно контрастирующей съ постепенно нарастающимъ ощущеніемъ безисходной, поистинѣ устрашающей и подавляющей безчувственности обоихъ собесѣдниковъ. Потрясаетъ не только контрастъ между былой титанической напряженностью у нихъ жизненнаго запроса, былымъ кипѣніемъ страстей, приводившимъ на край безумія и преступленія, и тѣмъ холоднымъ пепломъ, который остался отъ этого нынѣ потухшаго вулкана. Потрясаетъ больше всего суровая искренность собесѣдниковъ, полное отсутствіе у нихъ рисовки, ихъ честность и прямота; потрясаетъ то, что не только ни грана нѣтъ согрѣвающаго чувства въ ихъ отрѣшеніи отъ жизни и отъ ея страстей, но и ни грана цинизма; потрясаетъ то, что эти люди, въ которыхъ уже нѣтъ ничего человѣческаго — ни страха, ни любви, ни удивленія, ни жалости, ни гнѣва, ни даже живого сомнѣнія — сохраняютъ все же величіе духа; потрясаетъ возвышенный стоицизмъ ихъ интегральнаго нигилизма, или, по выраженію Жозефа де Местра, «рьенизма».

Да такъ и должно быть съ тѣми, кто, заглянувъ въ «тайну зеркала», оказались бы достаточно мужественными, чтобы холодно и просто признать результатъ своей попытки всего лишь... «царапиной на стеклѣ, намазанномъ ртутью».

Задумавшись однажды надъ этой «тайной», Бунинъ безстрашно додумалъ до конца или, точнѣе сказать, до конца художественно осозналъ всѣ послѣдствія отрицанія этой тайны. Принялъ ли онъ ихъ, од-

нако, для себя? Не есть ли самое замѣчательное въ «Ночномъ морѣ», именно то, что передъ нами нѣкое чудо метафизическаго перевоплощенія; что передъ нами какъ бы рѣшеніе художникомъ нѣкой себѣ напередъ заданной творческой задачи, которую можно было бы формулировать такъ: какъ долженъ взирать на міръ человѣкъ, полный духовныхъ силъ, человѣкъ религіозно одаренный, однимъ словомъ «человѣкъ» въ высшемъ и священнѣйшемъ значеніи этого слова, который пришелъ бы — оставаясь «человѣкомъ», то-есть не испытавъ процесса разрушенія личности! — къ отрицанію «тайны зеркала», или, другими словами, пересталъ бы ощущать смерть, какъ тайну?

«Ночное море» есть художественный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но не есть ли это для Бунина лишь одно изъ артистическихъ «допущеній», въ рядѣ возможныхъ отвѣтовъ на основной и вѣчный вопросъ: что есть смерть? Не есть ли этотъ отвѣтъ лишь предѣльная точка качанія маятника? Вѣдь для Бунина смерть неизмѣнно остается въ центрѣ проблемы мірозданія и, въ сущности, весь его внутренній міръ вращается вокругъ вопроса: какъ отнестись къ тайнѣ смерти? Величайшее испытаніе человѣка: оказаться лицомъ къ лицу со смертью. Скажи мнѣ, какъ ты способенъ встрѣтить смерть — и я скажу тебѣ, кто ты таковъ — могъ бы начертать Бунинъ надъ всѣмъ жизненнымъ итогомъ своихъ наблюденій и размышленій.

Въ открытомъ морѣ, въ туманѣ, ночью внезапно изъ темноты раждается встрѣчный пароходъ. «Вахтенный на нашемъ пароходѣ съ поспѣшностью очнувшагося отъ сна человѣка машинально и нескладно забилъ въ колоколъ, а затѣмъ тяжко захрипѣла труба, и изъ нея съ

трудомъ пробился широкій и мрачный гулъ, потрясшій весь остовъ парохода. Изъ тумана раздался тогда отвѣтный голосъ, похожій на гулкій крикъ паровоза, но оно быстро затерялся въ туманѣ, а за нимъ сталъ медленно таять и шумъ колесъ и красный сигнальный огонь. Въ этомъ крикѣ и шумѣ чувствовалось что то задорное и суетное, — вѣрно, и капитанъ встрѣчнаго парохода былъ молодъ и дерзокъ, — но что значила эта суетная смѣлость передъ лицемъ такой ночи!»

«И невыразимое спокойствіе великой и безнадежной печали овладѣло мною. Думалъ я о томъ, что всегда влекло меня къ себѣ — о всѣхъ жившихъ на этой землѣ, о людяхъ древности, которыхъ всѣхъ видѣлъ этотъ мѣсяцъ, и которые всѣ, вѣрно, казались ему всегда настолько маленькими и похожими другъ на друга, что онъ даже не замѣчалъ ихъ исчезновенія съ земли. Но теперь и они были чужды мнѣ: я не испытывалъ моего постояннаго и страстнаго стремленія пережить всѣ ихъ жизни, — слиться со всѣми, которые когда то жили, любили, страдали, радовались и прошли и безслѣдно скрылись во тьмѣ вѣковъ и временъ. Одно я зналъ безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, — это то, что есть что-то высшее даже по сравненію съ глубочайшей земной древностью... И впервые мнѣ пришло въ голову, что можетъ быть, именно то великое, что называютъ смертью, заглянуло мнѣ въ эту ночь въ лицо, и что я впервые встрѣтилъ ее спокойно и понялъ такъ, какъ должно человѣку...»

«Утромъ... я вскочилъ съ койки, снова полный безсознательной радости жизни... Улыбаясь я сидѣлъ потомъ на верхней палубѣ и чувствовалъ къ кому то дѣтскую благодарность за все, что должны переживать мы.

И ночь и туманъ, казалось мнѣ, были только затѣмъ, чтобы я еще болѣе любилъ и цѣнилъ солнце. А утро было ласковое и солнечное — ясное, бирюзовое небо весны сіяло надъ пароходомъ, и вода легко бѣжала и плескалась вдоль бортовъ».

Что же значитъ понять смерть, «какъ должно человѣку»? Это значитъ еще больше полюбить жизнь и проникнуться дѣтской благодарностью къ Творцу всего земного, еще съ большей силой проникнуться той восторженно-страстной привязанностью къ міру, которая такъ свойственна природѣ Бунина. Вѣдь міръ — это Божій домъ! Во всемъ Богъ.

Дулъ съ моря чистый вѣтеръ, мѣсяцъ рогомъ
Стоялъ за длинной улицей села.
Сидѣли колонисты по порогамъ
И кирка блѣдно-бѣлою была.

Дулъ сильный вѣтеръ, ночь была тепла;
На отмеляхъ, на берегу отлогомъ
Волна, шумя, вела бесѣду съ Богомъ,
Не поднимая соннаго чела.

И мѣсяцъ наклонялся къ балкѣ темной,
Грустя, свѣтилъ на скаты, на погостъ.
А Богъ былъ ясенъ, радостенъ и простъ.

Онъ въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездомной —
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба чистой и огромной.

Богъ въ настоящемъ. А когда мы уходимъ въ прошлое нашей мыслью — не Бога ли мы ищемъ?

«Я обгонялъ идущій на богомолье народъ, пишетъ Бунинъ въ очень раннемъ своемъ очеркѣ «На Донцѣ» — женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами, и все думалъ о старинѣ, о той чудной власти, которая дана прошлому. Откуда она и что она значитъ? Не въ ней ли заключается одна изъ величайшихъ тайнъ жизни? И почему она управляетъ человѣкомъ съ такой дивной силой? Въ чувствѣ религіозномъ наше, часто не сознаваемое, преклоненіе передъ прошлымъ, наше таинственное сродство съ мыслями и дѣлами всѣхъ отжившихъ играетъ великую роль. . .»

Вотъ онъ затѣмъ на тѣхъ мѣловыхъ горахъ, на которыхъ нѣкогда въ пещерахъ спасались древніе иноки:

«Дико и глухо было тогда въ первобытныхъ лѣсахъ, куда пришелъ святой человѣкъ. . . Жутко тогда было въ горной норѣ одинокому человѣку, но до разсвѣта мерцала его свѣчечка и до разсвѣта звучали его молитвы. А утромъ, изнуренный ночными ужасами и бдѣніемъ, но со свѣтлымъ лицомъ выходилъ онъ на Божій день, на дневную работу, и опять кротко и тихо было въ его сердцѣ. . .

— О, Господи, Господи! — прошепталъ въ это время кто-то сзади меня и глубоко вздохнулъ.

Почти испуганный, я обернулся и увидалъ большую темную фигуру. Широкоплечій старикъ въ монашеской скуфьѣ, но одѣтый по мірскому — въ толстой курткѣ и въ высокихъ сапогахъ — стоялъ за мною и пристально глядѣлъ въ даль. . . Лицо у него было широкое, съ крупными чертами, а брови сурово сдвинуты. Въ глазахъ, маленькихъ и зоркихъ, свѣтилась глубокая и затаенная грусть.

— И сколько тутъ, милый, народу померло — продолжалъ онъ, не глядя на меня: — не сосчитать никому.

— Гдѣ — спросилъ я.

— Да тутъ, на этомъ мѣстѣ. Былъ я сейчасъ на кладбищѣ монастырскомъ, — жутко тамъ, а хорошо...

Онъ помолчалъ, не обративъ вниманія на мой удивленный взглядъ, и продолжалъ медленно.

— Я, милый, издалека, астраханскій... Тамъ у меня сынъ въ подвальныхъ, пятнадцать рублей на всемъ готовомъ получаетъ, дочь въ горничныхъ у станціи начальника... Жена-то померла ужъ годовъ девять какъ будетъ. А я все хожу. Гдѣ я ни былъ! А все нѣтъ мнѣ покою. Службы я церковной не люблю, а вонъ тянетъ меня въ эту тоску... не люблю я народа, на народѣ мнѣ хуже... Голоса эти...

— Какіе голоса? — тихо выговорилъ я.

— Ужъ не знаю, милый... Бѣсы превращенные, должно... Все, что ни есть въ мысляхъ, все наговариваютъ...

— Да ты бы полечился.

— Лечился я. Только нѣту съ того толку. Видно, родился я такой. Да и пилъ я. Дюже пилъ, какъ жена померла. И все, бывало, на кладбище ходилъ, на еврейское.

— Отчего же на еврейское?

— Унылѣе тамъ.

Онъ опять помолчалъ, вздохнулъ и сказалъ твердо.

— Да, въ этомъ вся причина. Камни стоятъ старые-престарые; и написано на нихъ, какъ узоры какіе... И одни только камни сѣрые... Ни рѣшетокъ этихъ, ни кустиковъ... Ну и лучше мнѣ... Вотъ и здѣсь луч-

ше... Богъ то, Господь Саваоѳъ, Онъ, Батюшка, — вонъ гдѣ.

И онъ таинственно указалъ въ полутемную галлерею.

«Онъ совсѣмъ боленъ» — подумалъ я. И какъ бы угадавъ мою мысль, старикъ улыбнулся и сказалъ:

— Такъ-то всѣ мнѣ говорятъ: что, молъ, ты бредишь? А развѣ не правда? Какая моя жисть теперь? А все лучше другихъ... Все лучше, ежели раздумье есть... А то какъ живутъ? Обуваются да разуваются...

Утро было праздничное, жаркое, свѣтлое, радостно на перебой трезвонили надъ Донцомъ, надъ зелеными горами колокола; ихъ диссонансы такъ чудно сливались въ одну веселую пѣснь о Воскресеніи... Я побывалъ въ скиту... А въ сумеркахъ я уже опять шагалъ въ степи. Вѣтеръ ласково вѣялъ мнѣ въ лицо съ молчаливыхъ кургановъ. И, отдыхая на нихъ, одинъ одинешенекъ среди ровныхъ безконечныхъ полей, я опять думалъ о старинѣ, о людяхъ, почивающихъ въ степныхъ могилахъ подъ смутный шелестъ сѣдого ковыля... Хороши эти мѣста, гдѣ находитъ «раздумье!»

«Все лучше, ежели раздумье есть... А то какъ живутъ? Обуваются да разуваются». Слова примѣчательныя! Наличіе подобнаго «раздумья» у человѣка не есть ли признакъ его человѣческаго достоинства? Но однако, къ какимъ страннымъ послѣдствіямъ привело «раздумье» этого страннаго человѣка! Оно гонитъ его изъ храма Божьяго, гонитъ его отъ людей. Болѣзнь это, или какая то высшая мудрость? Мертвые! Къ нимъ бѣжитъ этотъ чудаковатый старецъ, бѣжитъ отъ жизни. Но, съ другой стороны не является ли именно отка-

зомъ отъ «раздумья» бѣгство отъ смерти и отъ ея тайны подъ покровъ жизни? Можно ли сказать, что успокоеніе, даруемое, послѣ ночной мысли о смерти, утреннимъ свѣтомъ Божьяго дома, называемаго Землей, есть «должное» пріятіе смерти? Не есть ли это, напротивъ, малодушное ея забвеніе?

Пусть больной, сумасшедшій человѣкъ этотъ странный старикъ съ его странными голосами «бѣсовъ превращенныхъ», но развѣ то пониманіе смерти, которое вообще свойственно русскому человѣку, совпадаетъ съ тѣмъ, о которомъ Бунинъ говоритъ, какъ о «должномъ»? Нѣтъ и нѣтъ. Бунинъ неоднократно, съ какой то нарочитой настойчивостью обращается къ темѣ смерти въ примѣненіи къ русскому простому православному человѣку — и останавливается передъ ней въ недоумѣніи. Это какъ бы двузначное недоумѣніе. Онъ останавливается передъ общечеловѣческой тайной смерти, не смѣя въ нее проникнуть — но одновременно передъ нимъ встаетъ и другая тайна: тайна отношенія къ смерти русскаго человѣка! Что это — величіе, надоступное его, писателя, пониманію — или это варварство, дикарство, язычество?

Студентъ встрѣчаетъ на дорогѣ маленькаго человѣчка съ костылемъ, мучительно кашляющаго. Нищій, бродяга — но весь какой то необыкновенный. Зипунишка старый, но тщательно заплатанный. Лицо блѣдное и изможденное, простое и печальное. Глаза странно спокойные. Тѣло — щуплое, тощее.

— «Застылъ старикъ? — крикнулъ студентъ съ дѣланной бодростью.

Нищій пріостановился и тяжело перевелъ дыханіе, раскрывая ротъ, поднимая грудь и плечи.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ неожиданно-просто и даже какъ будто весело. — Застыть не застылъ... А вотъ здоровье...»

Начинается разговоръ между странникомъ и студентомъ. Студентъ растроганъ кротостью больнаго, его бѣдностью, его незащищенностью отъ холода. Онъ зоветъ его къ себѣ отдохнуть — обѣщаетъ дать денегъ.

«— Бѣденъ бѣсъ! На немъ креста нѣтъ. А деньжонокъ не плохо бы», отвѣчаетъ нищій, но все же не мѣняетъ своей дороги.

Студентъ забѣгаетъ домой за деньгами, догоняетъ нищаго и даетъ ему полтинникъ — сумму большую и не для нищаго. Студентъ ждалъ большой радости, но нищій поблагодарилъ довольно спокойно. Опять начинается разговоръ.

«— Да вѣдь замерзнешь!

— И замерзнешь — не откажешься. Смерть, братъ — она какъ солнце, глазами на нее не глянешь. А найдетъ вездѣ. Да и помирать-то не десять разъ, а всего одинъ.

— Въ рай, значитъ, спѣшишь попасть? — сказалъ студентъ насмѣшливо.

— Зачѣмъ въ рай? Это еще дѣло темное — не то есть онъ, рай-то, не то нѣтъ. А мнѣ и тутъ не плохо.

Вѣтеръ все сильнѣе дулъ въ спину, въ голову, леденилъ затылокъ, знобилъ, дѣлалъ легкими ноги. Студентъ... съ удивленіемъ взглянулъ въ лицо нищаго.

— Ого! — сказалъ онъ. — Это тебѣ-то не плохо?

Нищій тоже взглянулъ ему въ глаза.

— А что-жъ мнѣ? — спросилъ онъ. — Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А я живу себѣ...

— Да вотъ оно что. Какъ птицы небесныя...

— А что жъ — птицы небесныя? Птицы-звѣри всякіе, они, братъ, о раяхъ не думаютъ, замерзнуть не боятся.

— Да ты что? Философъ? Атеистъ?

— Не понимаю я этихъ словъ.

— Знаю, что не понимаешь. Я хотѣлъ спросить: въ Бога то ты вѣришь?

Нищій подумалъ.

— Въ Бога нѣтъ того созданія, чтобъ не вѣрило, — твердо сказалъ онъ.

Студентъ взглянулъ на него еще съ большимъ удивленіемъ. Но стоять было такъ холодно, что онъ поколебался, поколебался — и рѣшительно выговорилъ:

— Ну, съ Богомъ!

— Стало быть прощайте, — отозвался нищій и тряхнулъ своей круглой шапкой. — Спаси Христосъ!»

Вечеромъ студентъ не разъ вспоминалъ нищаго: «Дикари» — думалось ему. Онъ ждалъ мать, нѣсколько разъ выходилъ на улицу — морозъ становился все страшнѣе. Ночью онъ встрѣтилъ на дворѣ пріѣхавшую мать: и она и кучеръ въ одинъ голосъ крикнули ему, что на дорогѣ лежитъ въ снѣгу мертвое тѣло. . .

Студентъ пошелъ на похороны нищаго. Когда къ церкви уже подносили гробъ «вдругъ изъ-подъ горы показался мужикъ, лохматый, тоже съ раскрытой головой, — съ дѣтскимъ гробикомъ подъ мышкой. Онъ бѣжалъ и весь сіялъ отъ радости.

— Разрѣшилъ! — крикнулъ онъ сторожу и, добѣжавъ до церковной ограды, остановился перевести духъ. — Дьяконъ было уперся, а батюшка и слова не сказалъ.

Сторожъ хлопнулъ себя по ляжкамъ и вытаращилъ слезящіеся глаза.

— Да что ты? Ну значитъ могарычъ...

— А въ чемъ дѣло? — спросилъ студентъ.

— Да въ томъ дѣло, что ужъ очень ловко линія мнѣ вышла! — радостно сказалъ мужикъ. То бы мнѣ, значитъ, для дѣвчонки-то могилку рыть, да батюшку, али, скажемъ, хоть отца дьякона тревожить, да то, да се, а тутъ такъ ловко вышло, что поставлю я ее съ Господомъ на этого самаго странничка — и шабашъ...

Долго студенту... вспоминались высокій костыль, черные глаза, прядь длинныхъ волосъ. Хотѣлось написать разсказъ... Но вѣдь уже столько написано объ этихъ замерзающихъ! Хотѣлось озаглавить зло и рѣзко: «Дикари». Но дикари ли? Да и смущалъ, трогалъ дѣтскій гробикъ, случайно попавшій въ эту могилу, на чей то безтолково огромный, всѣмъ чужой гробъ... Развѣ это выразишь?»

Велика тайна смерти для этихъ людей, но какъ наивно и просто ихъ отношеніе къ ней! И ужъ во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого страха передъ этой тайной.

Вотъ старикъ-караульщикъ, николаевскій солдатъ, который всегда ходитъ въ чистыхъ, хотя и заплатанныхъ порткахъ и рубахѣ, въ онучахъ, аккуратно подвязанныхъ оборочками — «прибранъ на случай смерти». Зайдемъ невзначай къ нему въ избу вмѣстѣ съ писателемъ:

«Глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей мужицкой, древне-русской суровостью. Въ глубинѣ слабо освѣщенной, закопченной избы онъ стоялъ передъ иконой и, закрывая глаза, кланялся ей въ поясъ, точно сокрушаемый великими грѣхами. Долж-

но быть, онъ только что выкупался — конечно въ ледяныхъ сѣнцахъ, гдѣ рѣшетникъ въ инеѣ сверкалъ при лампочкѣ своей серебряной бахромой. Рѣдкіе волосы его были мокры и причесаны, подбородокъ чисто пробритъ, длинная рубаха аккуратно подпоясана. И когда онъ закидывалъ назадъ голову и долго стоялъ такъ съ закатившимися подъ лобъ глазами, я видѣлъ на его лицѣ такую старческую скорбь, такую восторженно-грустную готовность принять желанную смерть».

Вотъ Митрофанъ, крестьянинъ-охотникъ съ бирюзовыми глазами, наполнявшій комнату свѣжестью лѣсного воздуха. Онъ прожилъ всю жизнь въ лѣсу какъ будто «въ батракахъ у жизни»... «А и не помню ничего, что было. Былъ будто одинъ-два дня лѣтомъ, али, скажемъ, весной — и больше ничего. Зимнихъ денъ больше вспоминается, а все тоже похожи другъ на дружку. И ничего, не скушно, а хорошо. Идешь по лѣсу — лѣсъ изъ лѣсу выходитъ, синѣетъ, а тамъ прогалина, крестъ изъ села виденъ... Придешь, заснешь — глядь ужъ опять утро и опять пошелъ на работу — была бы шея — хомутъ найдется».

Заболѣлъ онъ. Мѣсяцъ пролежалъ въ темнотѣ избы. «— За траву не удержишься! — сказалъ онъ мнѣ, снисходительно улыбаясь, когда я совѣтовалъ ему съѣздить въ больницу».

Вотъ сто восьми лѣтній Таганокъ. Хочетъ ли онъ помирать? Какъ онъ относится къ жизни?

«— Ну, какъ же, пожилъ бы еще? Пять годовъ или годъ?

Тихо. Трюкаютъ сверчки... Слабо бѣлѣетъ борода Таганка. Темнаго, гробового лица его не видно. Онъ

неподвиженъ. Не слышно даже дыханія его. Живъ ли онъ? Живъ. Долго спустя онъ отзывается:

— Пожилъ бы... И пять годовъ одолѣлъ бы... Да черезъ пять годовъ то...

Онъ видно вспоминаетъ сноху, свой шалашъ, свою безпризорность, безпомощность.

И легонько вздыхаетъ.

— Черезъ пять-то годовъ вошь съѣстъ. Въ ней главная причина. А то пожилъ бы».

А вотъ Аверкій, который «отслуживъ» тридцать лѣтъ, идетъ къ себѣ въ избу, къ своей старухѣ умирать — спокойно и дѣловито; долго лежитъ больной и когда хочетъ иногда представить себѣ, какъ будетъ лежать въ могилѣ — затаиваетъ дыханіе: и выходитъ ничего, хорошо и покойно.

Замѣчателенъ этотъ послѣдній разсказъ — онъ первоначально былъ названъ писателемъ «Худая трава», а потомъ переименованъ имъ въ «Оброкъ», что, конечно гораздо лучше передаетъ его внутренній смыслъ — замѣчателенъ необыкновенной выдержанностью тона. Поэтъ какъ бы вошелъ въ душу Аверкія и все видитъ его глазами: новое чудо «метафизическаго перевоплощенія». Что долженъ ощущать русскій крестьянинъ передъ лицомъ смерти? Поэтъ много разъ наблюдалъ это со стороны, на этотъ разъ ему удалось перевоплотиться въ такой мѣрѣ, что читатель какъ бы присутствуетъ самъ при актѣ окончанія счетовъ со всѣмъ мірскимъ у русскаго крестьянина. Все просто, и у него на душѣ, и на душѣ у его окружающихъ — какъ самыхъ близкихъ, такъ и посторонниихъ, но, конечно, своихъ же братьевъ-крестьянъ. Дьячекъ заходитъ посидѣть — онъ шутитъ о томъ что скоро-де «земного товару» прибавится.

«И возвратится персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его». Этого братъ, не минуешь!» говоритъ онъ ему и Аверкій торопливо соглашается: «Какъ можно того миновать. . . Я вотъ жалюсь иной разъ, я, молъ, кочетъ оброчный, какъ говорится, а развѣ не правда? И Богъ оброку требуетъ.» А когда насталъ срокъ принести оброкъ Богу, пришелъ священникъ. «— Гдѣ онъ тутъ у васъ? — бодро крикнулъ онъ, и голосъ его раздался, какъ голосъ самой смерти. . . Взглянувъ на него, священникъ понизилъ голосъ, и быстро, такимъ тономъ, точно вошелъ въ избу еще кто то, тотъ, для кого все это и дѣлалось, сказалъ: — Шапку-то, шапку-то сними, опомнись. . .» Исповѣдавшись, причастившись, Аверкій чуть слышно спросилъ: — «Батюшка! Ну, какъ по вашему — вы это дѣло хорошо знаете — есть ужъ она во мнѣ?» — И священникъ, какъ бы снова почувствовавъ свою власть, отвѣтилъ ему громко и поспѣшно, почти грубо: — «Есть, есть. Пора, собирайся».

Какъ далекъ былъ самъ писатель отъ такого пониманія тайны смерти! Не даромъ, поскольку ему приходится описывать себя рядомъ, какую тревогу видимъ и ощущаемъ мы. Возьмемъ опять хотя бы разсказъ «Сосны», въ которомъ описывается смерть извѣстнаго уже намъ лѣсника-охотника Митрофана.

«Въ городѣ некогда думать о покойникахъ. Совсѣмъ иное въ деревнѣ. Смерть въ деревнѣ событіе. Она прошла по лѣсамъ чѣмъ то большимъ и темнымъ. . . Лежитъ покойникъ въ избушкѣ подъ стѣной бора, и кажется, что даже сосны стоятъ съ другимъ выраженіемъ надъ нею. . .»

«Возвратясь въ комнату, я долго хожу изъ угла въ уголъ.» Въ этотъ день, въ эту метель умеръ Митрофанъ, — думаю я. — Умеръ. . . Исчезъ куда-то и ужъ больше никогда не вернется тотъ самый Митрофанъ, который чуть не вчера стоялъ вотъ на этомъ порогѣ, а теперь лежитъ «подъ святыми« и называется покойникомъ, существомъ иного, намъ чуждаго міра. . .»

Писатель не выдерживаетъ одиночества. Не смотря на метель, онъ выходитъ на воздухъ и идетъ на деревню къ избѣ Митрофана. «Я иду долго, упорно, мучительно — и вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня вспыхиваетъ сквозь дымъ вьюги огонекъ. Кто-то бросается мнѣ на грудь и чуть не сбиваетъ меня съ ногъ. Наклоняюсь, — собака, которую я подарилъ Митрофану. Она отскакиваетъ при моемъ движеніи съ жалостно-радостнымъ визгомъ назадъ и бросается къ избѣ, точно хочетъ показать, что тамъ дѣлается. А у избы, около окошечка, свѣтлымъ облакомъ кружится снѣжная пыль. Огонекъ освѣщаетъ ее снизу изъ сугроба. Утопая въ снѣгу, я добираюсь до окна и торопливо заглядываю въ него. Тамъ, внизу, въ слабо освѣщенной избѣ, лежитъ у окна что-то длинное, бѣлое и высокое. Племянникъ Митрофана, Тимошка, стоитъ, наклонившись надъ столомъ, и читаетъ псалтирь. Въ глубинѣ избы, на нарахъ, видны въ полумракѣ фигуры спящихъ бабъ и дѣтей. . .»

«И поспѣшно, точно совершивъ что-то запретное, подгоняемый вѣтромъ въ спину и ничего не видя, я почти бѣгу домой. А дома я быстро раздѣваюсь и тотчасъ же завертываюсь съ головой въ одѣяло, стараясь ни о чемъ не думать и не слышать глухихъ и шумныхъ голосовъ этой мрачной ночи. . .»

Къ солнцу, къ солнцу! Подальше отъ такихъ страшныхъ ночей, отъ мрака смерти!

Въ 1903 году въ первый разъ Бунинъ посѣтилъ Константинополь и пережилъ глубокое увлеченіе Кораномъ, увлеченіе мусульманскимъ міромъ, который впервые предсталъ передъ нимъ во всей грандіозной цѣлостности. Его тянетъ теперь на Востокъ неудержимо, вообще ближе къ солнцу, къ этому вѣчному источнику жизни. Это не просто разыгравшаяся страсть туриста, не просто жажда увидѣть новыя мѣста и насладиться ими, — это подлинное паломничество. Не случайно Бунинъ объединилъ очерки этихъ путешествій общимъ заголовкомъ: «Храмъ солнца». Эти очерки представляютъ дѣйствительно пламенное, вдохновенное славословіе Солнцу, какъ подателю жизни и свѣта. Это паломничество было въ извѣстномъ смыслѣ бѣгствомъ отъ Россіи — вѣдь пишетъ же въ первомъ очеркѣ на первыхъ страницахъ Бунинъ: «Одѣваешься вокругъ открытаго иллюминатора, въ который тянетъ апрѣльской свѣжестью моря — и съ радостью вспоминаешь, что Россія за триста миль отъ себя... Воистину благословенно каждое мгновеніе, когда мы чувствуемъ себя гражданами вселенной. И трижды благословенно море, въ которомъ чувствуешь только одну власть — власть Нептуна». Это паломничество, однако, не просто бѣгство отъ Россіи — это и бѣгство отъ русскаго Бога, отъ родины своей, какъ родины русскаго православнаго Бога — бѣгство на родину другихъ Боговъ — или вѣрнѣе сказать на родины какого то иного Бога, единаго и вездѣсущаго, но Бога не смерти, а жизни...

Снова Бунинъ въ Константинополѣ. Безподобно опи-

саніе его. Конечно въ центрѣ вниманія — Ая-Софія, эта «неуклюжая громада, состоящая изъ циклопическихъ каменныхъ подпорокъ и пристроекъ, надъ которыми, въ каменномъ кольцѣ оконъ царитъ одно изъ чудесъ земли — древне-приземистый, первобытно-простой, огромный и единственный по легкости полушаръ-куполъ». Шестьдесятъ оконъ пробили куполъ, и «никогда не забыть мнѣ радостного солнечнаго свѣта, который столпами озаряетъ изъ этой опрокинутой чаши всю середину храма. И свѣтлая безмятежная тишина, чуждая всему міру, царитъ кругомъ, тишина, нарушаемая только плескомъ и свистомъ голубиныхъ крыльевъ въ куполѣ, да пѣвучими печально-задумчивыми возгласами молящихся, гулко и музыкально замирающими среди высоты и простора. . .» Въ этомъ храмѣ, который кажется Бунину больше капищемъ, чѣмъ храмомъ, онъ вспоминаетъ одновременно и Христа и Магомета. Но ясно читателю, что подъ этими сводами владѣетъ душой поэта не Христосъ. Какъ близокъ поэту «спокойный и правдиво-трогательный турецкій ритуалъ». «Босыми входятъ сюда молящіеся — входятъ когда кому вздумается, ибо всегда и для всѣхъ открыты двери мечети. Съ сыновней довѣрчивостью, съ поднятымъ къ небу лицомъ и съ поднятыми открытыми ладонями обращаютъ они свои мольбы къ Богу въ этомъ свѣтоносномъ и тихомъ храмѣ — пріютѣ голубей:

Во имя Бога, милосердаго и милостиваго.
Хвала Ему, Властителю вселенной.
Владыкѣ Дня, Суда и Воздаянія.

Но великъ и непостижимъ Владыка — и вотъ покорно падаютъ руки вдоль тѣла, а голова на грудь. И еще

покорнѣе отдаются эти руки въ узы Его, соединяясь послѣ паденія подъ грудью, и быстро и безшумно начинаетъ вслѣдъ за этимъ падать человѣкъ на колѣни и касаться челомъ праха. . . И тайныя мольбы и славословія падающаго ницъ человѣка со всѣхъ концовъ міра несутся всегда къ одному мѣсту — къ святому городу, къ ветхозавѣтному камню, въ пустынѣ Измаила и Агари. . .»

Поэтъ въ своихъ мысляхъ обращается къ прошлому «столицы міра» какъ называли городъ Константина греческіе лѣтописцы. Онъ думаетъ объ его будущемъ, которое представляется ему величественнымъ въ космополитическомъ царствѣ будущаго.

«Поля Мертвыхъ — такъ хотѣлъ я назвать свою путевую поэму. Развѣ не Поля Мертвыхъ — Баальбекъ и Пальмира, Вавилонъ и Ассирія, Іудея и Египетъ? Развѣ не сплошное Поле Мертвыхъ и Константинополь? Его погосты — величайшіе въ мірѣ — такъ и называются: Поле Мертвыхъ. И сколько ихъ, этихъ погостовъ! Сто тысячъ древнихъ кипарисовъ съ голыми стволами чернѣютъ на Великомъ кладбищѣ и болѣе милліона памятниковъ подобно костямъ бѣлѣютъ подъ ними... Но Востокъ Царство Солнца. Востоку принадлежитъ будущее. Не даромъ всѣ славныя капища Востока были посвящены Солнцу. И въ честь солнца, даже и донынѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, возлѣ Галатской башни, совершаются мучительно-сладостныя мистеріи Кружащихся Дервишей».

Слѣдуетъ захватывающее описаніе этихъ плясокъ.

«Крѣпче, крѣпче — внутренне восклицалъ и я, опьяненный музыкой и кружащимися, среди которыхъ все ярче мелькали черныя полоски смыкающихся рѣсницъ

на помертвѣвшихъ отъ счастья лицахъ... И голова мутилась — приближалось сладострастное «исчезновеніе въ Богѣ и вѣчности...»

«Мнѣ хочется сказать:

«Братья-дервиши, я не ищу согрѣшенія отъ видимаго міра. Можетъ быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищу «опьяненія» въ созерцаніи земли, въ любви къ ней и въ свободѣ, къ которой призываю и васъ предъ лицомъ этого безсмертнаго, великаго, въ будущемъ общечеловѣческаго города. Будемъ служить людямъ земли и Богу вселенной, — Богу, котораго я называю Красотой, Разумомъ, Любовью, Жизнью и который принимаетъ все сущее. И пребудемъ въ любви къ жизни и въ веселіи».

Слѣдующій очеркъ — «Море боговъ». Съ трепетомъ восходитъ поэтъ къ Акрополю. Вдохновенныя слова льются изъ его устъ, воскрешая передъ читателемъ древнюю Грецію. Въ морѣ же опять его охватываетъ «раздумье»:

«Звѣзды дрожали отъ едва уловимаго, теплаго воздушнаго тока. Вахтенный, какъ мертвый, неподвижно темнѣлъ возлѣ меня... Но мертвыхъ въ мірѣ нѣтъ — подумалъ я. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ. Вотъ закатилось солнце, породившее нѣкогда Акрополь, но и во тьмѣ только солнцемъ живемъ и дышимъ мы — на землѣ, его частицѣ. Это оно вращаетъ винтъ парохода, оно несетъ мнѣ на встрѣчу море, оно, неизсякаемый родникъ всѣхъ силъ, льющихся на землю, правитъ и непостижимымъ для моего разума стремленіемъ своего необъятнаго царства въ безконечность — къ Вегѣ, и безумной радостью этого стрѣлой летящаго подо мной вслѣдъ за килемъ парохода дельфина — какъ бы сплошной массы дымно-

синяго фосфора. Высшая тайна вселенной, мое сознаніе — свѣтъ отъ силы солнца, какъ солнце — свѣтъ неизреченной Силы. И только къ свѣту стремится все въ мірѣ... И надъ всѣмъ этимъ моремъ, видѣвшимъ на берегахъ своихъ всѣ служенія Богу, всегда имѣющія въ основѣ своей служеніе солнцу, стоитъ какъ бы голубой дымъ: дымъ кажденія ему...»

Александрія, Дельта, Нилъ... Путешественникъ чувствуетъ, какъ онъ «падаетъ въ глубь временъ». Онъ у пирамидъ. «Вотъ она, ясность красокъ, нагота и радость пустыни. Но еще радостнѣе сжимается мое сердце при взглядѣ на зубчатую гору Хуфу. На мгновеніе превращаюсь я въ мысль... И вижу въ долинѣ подъ солнцемъ, въ свѣтломъ утреннемъ парѣ, смутный очеркъ первой столицы міра, жившей почти три тысячи лѣтъ, — тусклый блескъ крышъ и храмовъ Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромію одеждъ, обелисковъ, пилоновъ, столь любимую древнимъ Египтомъ... Вижу пирамиду такой, какой она была шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ — обведенную каналами изъ Нила, до низу покрытую разноцвѣтными гладкими плитками, увѣнчаную золотымъ пирамидіономъ... Ничего, кромѣ камня и мумій, не осталось отъ древняго царства. Но ничто не исчезаетъ. Все изъ праха прошлаго. И вотъ я опять ее чувствую, эту связь со всѣмъ міромъ, съ богами всѣхъ странъ и съ людьми, сто кратъ истлѣвшими...»

Въ нѣдрахъ пирамиды поэта охватываетъ съ новой силой это чувство. — «Исчезаютъ вѣка, тысячелѣтія — и братски соединяется мой рука съ сизой сухой рукой аравійскаго плѣнника, клавшаго эти камни. И я вижу живымъ его побѣдителя, благочестиваго сверхъ-звѣря,

высокаго, узкаго въ бедрахъ и широкаго въ плечахъ, съ красноватой кожей, въ бѣломъ льняномъ запонѣ, въ ожерельѣ и золотыхъ запястьяхъ, чернокурчаваго и съ блестящими глазами. И на мгновеніе всѣмъ сердцемъ раздѣляю мистическій языкъ его гимновъ Солнцу, воплощенному и въ немъ самомъ и въ сфинксѣ, и въ пламенномъ дискѣ, совершающемъ въ баркѣ свой путь. . .»

Повторяя тысячелѣтніе радостные гимны Солнцу, поэтъ по песчанымъ шелковистымъ буграмъ спускается къ Великому Сфинксу — образу восходящаго солнца, символу безсмертія, стражу жизни, стоящему на порогѣ Великаго Некрополя. Послѣдняя ступень исторіи! Вокругъ — мертвое море дюнъ, полузасыпанныхъ скалъ и могильниковъ.

«Спустившись къ лапамъ Сфинкса, я заглядываю въ полузасыпанную шахту между ними — храмъ изъ сіенита — и несмѣло поднимаю глаза на красноватый исполинскій ликъ. . . Есть свѣтъ Зодіака. Онъ встаетъ серебристымъ пирамадальнымъ сіяніемъ въ темномъ небѣ жаркихъ странъ долго спустя по закатѣ. Онъ еще не разгаданъ. Но божественная наука о небѣ называетъ его свѣченіемъ первобытнаго свѣтоноснаго вещества, изъ котораго склубилось солнце. Я еще помню отблескъ закатившагося Солнца Грецiи. Теперь возлѣ Сфинска, въ катакомбахъ міра, зодіакальный свѣтъ первобытной вѣры встаетъ передо мною во всемъ своемъ страшномъ величіи. . .»

Въ Іудеѣ поэтъ остро ощущаетъ (уже на окраинахъ Яффы) ветхозавѣтно-палестинскій ароматъ, но его раздражаютъ «правовѣрные». «Думали ли они, когда нибудь о простой подлинной жизни, бывшей нѣкогда на этихъ берегахъ? Чувствовали ли они, что вѣдь дѣйстви-

тельно существовалъ когда то *живой* Іисусъ — худой, загорѣлый, съ блестящими черными глазами, съ темно-лиловыми сухими руками и тонкими, сожженными зноемъ ногами. Только минутами, только забывая о *ихъ* Христѣ, мое сердце содрогалось отъ близости къ Тому, чье имя ожило, очеловѣчилось для меня при видѣ береговъ Его родины...»

Такимъ же остается ощущеніе поэта и надъ Гробомъ Господнимъ, на Голгоѳѣ. «Неужели это правда, что вотъ именно здѣсь былъ распятъ Іисусъ? И неужели это надъ Его гробомъ блещетъ теперь въ полумракѣ византійскихъ сводовъ и подземелій языческое великолѣпіе несмѣтныхъ лампадъ, огромныхъ погребальныхъ свѣчей, золота и драгоцѣнныхъ камней, стоитъ бальзамическій дымъ ладана, запахъ воска, кипариса, розовой воды — и надгробное рыданіе, длящееся уже двѣ тысячи лѣтъ? Это — рыданіе надъ Христомъ каменно-золотыхъ, большеглазыхъ мозаикъ Византіи, надъ Христомъ коронованныхъ и окровавленныхъ распятій Рима...»

Набѣгаетъ ночь. «Сумрачно стали купола мечети и Гроба. Темнымъ ветхозавѣтнымъ Богомъ повѣяло въ оврагахъ и провалахъ вокругъ нищихъ останковъ великаго города... Или нѣтъ, — даже и ветхозавѣтнаго Бога здѣсь нѣтъ. Есть только вѣяніе смерти... Ветхозавѣтный богъ давно покинулъ и народъ свой и страну свою... «Се оставляется вамъ домъ сей пустъ...»

Это чувство не покидаетъ поэта ни въ «Юдоли Мертвыхъ, плача и предгробія», ни у Стѣны Плача — замѣчательно описаніе этой стѣны плача! — и только въ мечети Омара спускается на душу поэта покой. И здѣсь

мысль его опять возвращается къ Христу и къ Пророку:

«Покидая мечеть думаешь: долженъ міръ снова возвратиться ко Христу — къ тому Христу, что нѣкогда воспріялъ силу Камня и былъ истиннымъ сыномъ земли и духа. Развѣ Онъ, съ такой несказанной полнотой воплотившій въ Себѣ божественное Начало Жизни, говорившій: «Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ,» не сочеталъ небеснаго съ земнымъ, между тѣмъ, какъ подъ стопой Пророка Камень Жизни не касался ни земли ни неба».

На пароходѣ, у береговъ, связанныхъ съ страшными именами Тира и Сидона, приходятъ на память поэта страшныя слова ветхозавѣтнаго бога, обращенныя къ Тиру, котораго этотъ самый Господь Адонаи называлъ «печатью совершенства, полнотой мудрости и вѣнцомъ красоты»: «Низведу тебя съ отходящими въ могилу къ народу давно бывшему и помѣщу тебя въ преисподнихъ земли... Ужасомъ сдѣлаю тебя... Ибо вознеслось сердце твое и сказало: азъ есмь Богъ». «Азъ есмь Богъ...» Библейскіе пророки поставили передъ человѣчествомъ роковой вопросъ: богъ ли человѣкъ? Они первые повѣяли на міръ холодомъ безнадежности, до потрясающей высоты вознесли проклятія слишкомъ забывшейся жизни. И по слову ихъ и вышло... И страхъ уже властно простеръ надъ страной Солнца свои темныя крылья: онъ пришелъ сюда изъ Египта, вѣрившаго въ безсмертіе, но все же отдавшаго слишкомъ много силъ на борьбу со смертью. Начинались тѣ великія истребленія царства царствомъ, та оргія смерти, на которыя такими ошеломляющими пророчествами откликнулась Іудея. И тогда уже громко языкомъ пророковъ заговорилъ страхъ въ Финикіи. Это вѣдь онъ дикто-

валъ заклятіе царя Эзмунацара, мольбу его скорби и беззащитности, — надпись, высѣченную на его огромномъ гробѣ чернаго гранита: «Въ мѣсяцъ дождей, въ годъ четырнадцатый царствованія... Пораженъ, плѣненъ я, наслѣдникъ героевъ, сошелъ въ адъ, сынъ бога смерти... Заклятіе мое передъ всѣмъ царствомъ и всѣмъ человѣчествомъ: да не вскрываетъ никто входа моего, не сдвигаетъ саркофага гробницы моей, не оскорбляетъ меня внесеніемъ другого гроба.» — Богъ ли человѣкъ? Или «сынъ бога смерти?» На это отвѣтилъ Сынъ Божій».

Іудеѣ посвященъ еще одинъ очеркъ — можетъ быть самый совершенный изъ всего цикла и, во всякомъ случаѣ, производящій самое сильное впечатлѣніе на читателя. Впечатлѣніе это трудно передаваемо словами: это какое-то завораживаніе читателя, пріобщеніе его къ тому состоянію магической зачарованности, которое испыталъ поэтъ въ «Пустынѣ діавола», у подножья горы Сорокадневной.

Особенно изумительно описаніе ночи:

«Еще въ сумерки зачался таинственно-звенящій, горячечный шопотъ цикадъ, незримыми миріадами наполняющихъ душную чащу оазиса, и приторно-сладко запахли его эквалипты и мимозы, загорѣвшіяся миріадами свѣтящихся мухъ. Теперь этотъ звонкій шопотъ наполнилъ весь оазисъ. Онъ растетъ — и вотъ ужъ стоитъ надъ нимъ немолкнущимъ хрустальнымъ бредомъ, сливаясь съ отдаленно смутнымъ гуломъ, съ дрожащимъ стономъ всей этой долины — съ сладострастно сомнамбулическимъ ропотомъ жабъ, околдовывающимъ, до галлюцинаціи раздражающимъ чувства. Стѣны отеля, его каменный дворъ, — все мертвенно-

блѣдно и необыкновенно четко въ серебристомъ свѣтѣ этихъ тропическихъ звѣздъ, огромными самоцвѣтами повисшихъ въ необъятномъ пространствѣ неба. Оно необъятно отъ необыкновенной прозрачности воздуха — звѣзды именно висятъ въ немъ, и на землѣ далеко-далеко виденъ каждый кустъ, каждый камень. И мнѣ странно глядѣть на мою бѣлую одежду, какъ бы фосфорящуюся отъ звѣзднаго блеска. Я самъ кажусь себѣ призракомъ, ибо я весь въ какомъ то знойномъ хрустально-звенящемъ полуснѣ, который наводитъ на меня Дьяволъ Содома и Гоморры. . .»

«Я лунатикомъ брожу по саду и по двору отеля и ясно сознаю, что никогда еще не было столь обострено мое зрѣніе, обоняніе, осязаніе, слухъ. Все сливается въ блескъ и тишину. Но — странно! — мнѣ кажется, что я вижу каждую отдѣльную искру, слышу каждый отдѣльный звукъ. . .»

«Садъ кружится въ беззвучномъ круженіи зелено-лиловыхъ мухъ, ихъ скользящихъ вихрей. Какъ райское дерево трепещетъ и переливается искрами сикоморъ во дворѣ. Съ верху до низу горятъ и блещутъ ими кустарники, сахарный тростникъ и прозрачные шатры мимозъ. А мимозы цвѣтутъ и дурманятъ сладкимъ ароматомъ.

«Много разъ я пытался заснуть, входилъ въ домъ, въ свою темную горячую комнату, ложился подъ душный кисейный балдахинъ, на постель, но и здѣсь эти ароматы, эти скользящія искры, этотъ дрожащій хрустальный бредъ и ропотъ, которымъ околдованъ весь міръ. Сердце тоже дрожитъ и мутитъ голову, тѣло, палимое жалами москитовъ, покрывается горячечнымъ потомъ. И такъ звонко кричитъ жаба въ бассейнѣ среди двора,

и такъ отдается ея однообразно вибрирующій призывъ въ каменномъ южномъ домѣ съ раскрытыми окнами и настежь распахнутыми дверями, что я опять шарю въ темнотѣ, нахожу одежду, спѣшу накинуть ее — и съ болѣзненной жадностью и радостью ловлю глотокъ свѣжаго воздуха на порогѣ крыльца. . .»

«Крыльцо бѣлѣетъ еще ярче, фигура спящаго на немъ слуги-араба стала еще чернѣе. Раздвоившійся Млечный путь, густымъ, но прозрачно-фосфорическимъ дымомъ протянувшійся съ сѣвера на югъ, почти отъ горизонта до горизонта, совершенно отдѣлился отъ неба, повисъ на самой серединѣ пространства между нимъ и землей. Кажется, близокъ разсвѣтъ. Кажется, стихаетъ и замираетъ бредъ и ропотъ вокругъ. Сперва по камнямъ, а потомъ по теплому песку я спѣшу за селеніе — взглянуть на долину, на Моавъ, на востокъ. Но на востокѣ только позднія крупныя звѣзды. Блѣдный серебристый свѣтъ стоитъ надъ далекимъ мертвенно-блѣднымъ моремъ. Блѣдные пески долины мерцаютъ, какъ пустыня, покрытая манной. Блѣдныя, чуть видныя полосы тумана тянутся по далекимъ извивамъ и топямъ Іордана, — и уже смертоносная влажность чувствуется въ горячемъ воздухѣ. И блѣднымъ дымомъ спустилось и легло облако у подножья горы Сорокадневной, чернѣющей среди звѣздъ своей величиной. . . — «Отойди отъ меня, Сатана».

Небольшой очеркъ «Мертвое Море», а дальше мы съ поэтомъ въ краѣ баснословныхъ временъ, на родинѣ Адама, въ святилищѣ Солнца, въ Сиріи, въ Баальбекѣ.

«Я глядѣлъ въ окна почти пустого вагона. Прохладный сѣроватый день. Дорога отъ Райяка ровно и почти незамѣтно для глазъ идетъ на подъемъ все къ сѣве-

ру. Кругомъ — слегка волнистая пустыня, море тощихъ посѣвовъ, сквозитъ ржаво-красноватая почва, — именно та, изъ которой и былъ созданъ Адамъ! — и кое гдѣ — дико цвѣтущіе кустарники... Вонъ чуть сѣрѣетъ на Ливанѣ мѣстечко Кеpакъ съ высѣченной въ скалахъ стофутовой гробницей Ноя. Вотъ тамъ на Антиливанѣ есть селеніе Нени-Шитъ, гдѣ чтутъ могилу Сиѳа. А впереди — Баальбекъ, руины храма, превышающаго и древностью и размѣрами все сдѣланное руками человѣка...»

«Вдругъ вагонъ ярко озарился солнцемъ. И внезапно увидѣлъ я вдали что то поражающее: густой зеленый оазисъ садовъ и тополей, тянувшихся среди долины и окружавшихъ желто-блѣдныя руины какой то крѣпости, такой огромной, что сады казались подъ ней кустарниками, а высоко надъ ними — шесть какъ бы повисшихъ въ воздухѣ мраморныхъ колоссовъ...»

Это и былъ «Храмъ Солнца», именемъ котораго названъ весь циклъ очерковъ — храмъ, потрясающій своими размѣрами, поистинѣ непостижимыми.

Всѣ эти очерки написаны между 1907 и 1909 годами. Циклъ кончается еще однимъ, который написанъ нѣсколько позже, именно въ 1911 году, и который звучитъ уже существенно иначе. Это «Геннисаретъ» — воспоминаніе о пребываніи въ тѣхъ мѣстахъ, которыя связаны съ земнымъ странствіемъ Христа.

Тутъ поэтъ на Тивеpіадскомъ озерѣ, въ сильный вѣтеръ, подъ парусами... «Да, да, это было здѣсь. Онъ (Христосъ) дышалъ этимъ мягкимъ, сильнымъ, благовоннымъ вѣтромъ...»

«Мнѣ долго не давалъ заснуть козленокъ, жалобно плакавшій гдѣ-то по сосѣдству. Въ маленькое окошеч-

ко, пробитое въ каменной стѣнѣ почти подъ потолкомъ — какъ въ тюрьмѣ — бѣлѣло сквозь рѣшетку лунное небо... Я поминутно говорилъ себѣ: я въ Тиверіадѣ. Эта ночь была одной изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни...»

«Раннимъ утромъ мы поплыли въ Капернаумъ... Гребцы, одинъ юноша, другой старикъ, совсѣмъ Петръ Апостолъ, работаютъ дружно и легко... Развѣ не могъ Онъ призвать и этихъ?.. На берегу... развалины знаменитой синагоги... Тишина, солнце, блескъ, воды. Сухо, жарко, радостно. И вотъ Онъ, съ раскрытой головой, въ бѣлой одеждѣ, идетъ по берегу... Здѣсь такъ легко чувствовать близость Его. Симонъ и Петръ не удивились словамъ его: «Они тотчасъ, оставивъ лодку и отца своего, послѣдовали за Нимъ...»

«Оставшись одинъ на терассѣ, я взялъ съ каменнаго стола Евангеліе, развернутое какъ разъ на тѣхъ страницахъ, что говорятъ о морѣ Галилейскомъ. Теперь оно было передо мной. Я читая о немъ, видѣлъ и его, и свѣтлый неизреченно-прекрасный образъ, донынѣ не покинувшій его береговъ...»

IV

«ДЕРЕВНЯ».

Довольно людей кормили сластями... нужны горькія лекарства, ѣдкія истины.

Лермонтовъ.

Въ глубокихъ колодцахъ вода холодна,
И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ чище она.

Бунинъ.

Иное слово дѣйственное, иное слово красивое.

Исаакъ Сиринъ.

Теперь зрѣлѣй мой умъ, черствѣй душа моя.

Баратынскій.

Соотечественники! страшно!.. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не подозрѣвая, и не слыша какія страшилища отъ нихъ подымутся...

Гоголь.

Въ 1909 году произошло въ жизни Бунина событіе: онъ былъ избранъ почетнымъ академикомъ Россійской Императорской Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. Къ этому времени Бунинъ пользовался уже большой извѣстностью: его печатали на расхватъ въ лучшихъ толстыхъ журналахъ, ему платили большіе гонорары, «Знаніе» выпускало его сборники, онъ былъ отличенъ Академіей, получивъ отъ нея трижды Пушкинскую премію. Нельзя сказать, чтобы онъ сталъ однимъ изъ такъ называемыхъ «любимцевъ публики» — никогда онъ не пользовался такой популярностью, какъ Чеховъ, Леонидъ Андреевъ или Горькій. Но постепенно онъ занялъ въ глазахъ и публики и особенно писательской среды совершенно особое положеніе — его, несмотря на его молодость, необыкновенно почитали — можетъ даже больше, чѣмъ читали; отъ покровительственнаго отношенія къ «начинающему писателю» и критика и публика очень быстро перешла къ «признанію заслугъ». Не ставъ «властителемъ думъ» своего вѣка, Бунинъ какъ то естественно оказался въ первыхъ рядахъ русской литературы и такъ же «естественно» былъ избранъ въ почетные академики.

Что къ этому времени было въ его литературномъ активѣ?

Онъ первоклассный переводчикъ. Переводъ его «Пѣсни о Гайаватѣ» Лонгфелло удостоенъ пушкинской преміи. Всѣми замѣченъ и оцѣненъ переводъ байроновскихъ «Манфреда» и «Каина».

Онъ оригинальный поэтъ, достигшій большого мастерства. Онъ попрежнему поетъ природу, поетъ пѣсни любви, поетъ псалмы. Его художественный пантеизмъ находитъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ его сти-

captured: хахъ, равно какъ и то его свойство, которое я назвалъ «метафизической перевоплощаемостью». Изумительны въ частности поэтическіе отклики, рожденные его путешествіями на востокъ и его религіозными тамъ размышленіями. Большой силы достигаетъ его поэтическій талантъ и въ изобразительномъ отношеніи. Описанія вещей и явленій иногда самыхъ обыденныхъ сочетаютъ несравненную реалистическую выпуклость съ поэтической прелестью необыкновенной. Внимательный читатель уже въ эту эпоху замѣтитъ, какъ постепенно какъ бы стирается въ бунинскихъ стихотвореніяхъ грань между поэзіей и прозой: нѣтъ «звучанія», которое бы получало самодовлѣющее значеніе, вездѣ на первомъ мѣстѣ смыслъ и содержаніе — «предметность». Все, каждая мелочь жизни способна стать объектомъ поэтическаго изображенія — она тѣмъ самымъ выхвачена изъ потока жизни и превращена и въ нѣчто самоцѣльное и въ нѣчто одновременно составляющее часть Космоса. Это не есть результатъ заданнаго себѣ поэтомъ отношенія къ дѣйствительности. Нѣтъ, это вытекаетъ изъ того, что Бунинъ вообще можетъ говорить поэтическимъ языкомъ лишь постольку, поскольку онъ возвысился до соотвѣтственнаго — то-есть возвышеннаго — вунтренняго пониманія предмета, имъ изображаемаго, до поэтическаго видѣнія сути вещей: импрессіонизмъ и декадентство ему органически чужды. Онъ отвѣтственъ въ своихъ поэтическихъ высказываніяхъ въ томъ высшемъ смыслѣ, въ которомъ можно говорить о религіозной отвѣтственности. «Слово гнило» не вылетаетъ изъ его устъ: его поэтическое творчество не есть выраженіе неосознанной потребности «вылиться въ звукахъ», а есть мысль, волей поэта

облеченная въ образное слово. «Поэзіей» это слово дѣлается не только, и даже не столько оттого, что оно «звучитъ», но прежде всего оттого, что оно есть поэзія по своему внутреннему существу. Каковъ основной духовный строй поэзіи Бунина? При всей множественности темъ, затрагиваемыхъ Бунинымъ въ его стихотвореніяхъ, при всей измѣнчивости его поэтическихъ настроеній, при всемъ разнообразія используемыхъ имъ формъ, все же можно сказать: строй поэзіи Бунина серьезенъ и торжественъ. Основная установка бунинскаго поэтическаго сознанія есть устремленность къ Богу, жажда его увидѣть и воздать Ему хвалу. И ростъ бунинскаго таланта, какъ стихотворца, можно пожалуй лучше всего измѣрить по признаку все большаго утвержденія въ его поэтическомъ творчествѣ начала «предстоянія Богу», все большей религіозной осмысленности этого творчества.

Иное мы наблюдаемъ въ прозаическомъ творчествѣ Бунина. Если на порогѣ его литературной карьеры мы не наблюдаемъ никакой дифференціаціи его творчества, то, напротивъ,, по мѣрѣ роста его писательской личности, происходитъ какъ бы раздвоеніе ея. Въ стихахъ Бунинъ предстоитъ Природѣ и черезъ нее — Богу, образу Космоса. Въ прозѣ Бунинъ все дальше отходитъ отъ Бога и отъ Космоса: чѣмъ больше обостряется и изощряется его взоръ писателя-прозаика, тѣмъ въ большей степени онъ проникается мыслью о неосмысленности человѣческой жизни, объ ея таинственной обреченности волѣ случая и рока; тѣмъ ярче и осязательнѣе воспринимаетъ онъ Хаосъ, который шевелится подъ тонкимъ покровомъ видимаго лада жизненныхъ отношеній. Реализмъ его становится все болѣе и болѣе терпкимъ,

правдивость все болѣе и болѣе безпощадной и безрадостной. Эта тенденція едва только обозначается къ моменту, когда Бунинъ уже казался въ зенитѣ своей славы — достигъ такого высшаго знака универсальнаго признанія, какъ выборъ его въ академики. Между тѣмъ Бунинъ-прозаикъ тогда только еще раждался. Правда, Бунинъ уже прекрасно пишетъ и прекрасно разсказываетъ — читатель имѣетъ много тому доказательствъ въ приведенныхъ въ текстѣ отрывкахъ его тогдашней прозы — но тѣмъ не менѣе это все «ранній Бунинъ» — гораздо болѣе ранній, чѣмъ онъ же въ стихахъ своихъ. Тамъ онъ созрѣлъ скорѣе — здѣсь онъ весь въ будущемъ.

Избраніе Бунина въ академики совпало съ обдумываніемъ и писаніемъ имъ того его произведенія, которымъ началось зрѣлое прозаическое творчество Бунина. Я говорю о знаменитой Бунинской «Деревнѣ».

Это произведеніе было написано какъ то совсѣмъ по особому. Подъ нимъ стоятъ двѣ даты IX — 1909. VII — 1910. Эта первая большая вещь Бунина была, дѣйствительно, написана въ два пріема — двумя рывками, осенью 1909 года и лѣтомъ 1910 года, въ теченіе каждый разъ немногихъ недѣль въ вспышкахъ сплошного писанія, почти безъ сна, съ свободой, легкостью и ровностью удивительными.

При появленіи своемъ «Деревня» произвело впечатлѣніе потрясающее. Русская литература знаетъ много неприкрашенныхъ изображеній русской деревни, но никогда еще русская читающая публика не имѣла передъ собой такого огромнаго полотна, на которомъ съ подобной безпощадной правдивостью была бы показана самая изнанка крестьянскаго и близкаго къ крестьянству

быта во всей его духовной неприглядности и безпомощности. Потрясало въ «Деревнѣ» русскаго читателя не изображенiе матерiальнаго, культурнаго, правового убожества — къ этому былъ уже привыченъ русскiй читатель, воспитанный на произведенiяхъ тѣхъ изъ русскихъ народниковъ, которые были подлинными художниками — потрясало сознанiе именно духовнаго убожества русской крестьянской дѣйствительности и, болѣе того, — сознанiе безисходности этого убожества. Вмѣсто чуть не святого лика русскаго крестьянина, у котораго нужно учиться житейской мудрости, со страницъ бунинской «Деревни» на читателя взглянуло существо жалкое и дикое, неспособное преодолѣть свою дикость ни въ порядкѣ матерiальнаго преуспѣнiя (вѣдь одинъ изъ героевъ «Деревни», Тихонъ Ильичъ, принадлежитъ къ разряду разбогатѣвшихъ крестьянъ и обладаетъ огромной энергiей и жизненной силой) ни въ порядкѣ прiобщенiя къ образованiю (другой герой «Деревни», братъ Тихона Ильича, Козьма — самоучка, поэтъ и мыслитель, человѣкъ незауряднаго ума, натура духовно-богатая и оригинальная). Максимумъ, чего успѣваетъ достичь показанный Бунинымъ русскiй крестьянинъ даже въ лицѣ тѣхъ, кто поднимается надъ «нормальнымъ» уровнемъ крестьянской дикости — это только сознанiя этой своей безисходной дикости, сознанiя своей обреченности. . . Надо ли удивляться тому, что Россiя, прочитавъ бунинскую деревню — ахнула. Критика лепетала о томъ, что писатель взвелъ напраслину на русскiй народъ: правда художественнаго изображенiя говорила за себя. Я самъ помню, какъ я читалъ «Деревню» въ моментъ ея появленiя — я испыталъ нѣчто подробное то-

му, что психологи называютъ душевной травмой. Это былъ подлинный ударъ по психикѣ. Я не былъ, конечно, одинокъ въ этомъ своемъ воспріятіи замѣчательнаго бунинскаго произведенія: въ сознаніи всѣхъ мелькнула туча, безпросвѣтно застилающая безпредѣльные русскіе горизонты. . . мелькнула, правда, чтобы потонуть въ очередныхъ впечатлѣніяхъ быстротекущей жизни, но мелькнула именно какъ грозовая туча, съ таящимися въ ней пусть еще отдаленными ударами и молніями, но страшными и неотвратимыми. . .

Явленіе «Деревни» было результатомъ скрещенія двухъ процессовъ въ бунинскомъ сознаніи: расширенія его внѣшняго опыта, и раздвоенія писательской личности, о которомъ я только что говорилъ.

Я уже отмѣчалъ, что изъ-за границы Бунинъ какъ то по новому ощутилъ Россію. Онъ увидалъ ее всю, въ цѣломъ, и ощутилъ, одновременно, какъ что-то свое и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно «чужое», — до жути убогое и даже отталкивающее въ своемъ разительномъ контрастѣ съ прекраснымъ далекимъ, становящимся все болѣе близкимъ и дорогимъ бунинской душѣ. Этотъ контрастъ билъ по воспріятію поэта съ неослабѣвающей силой при каждомъ его возвращеніи въ Россію, при каждомъ новомъ отбытіи изъ нея.

«Недалеко ушла отъ глупости домосѣдная мудрость» — любитъ вспоминать Бунинъ шекспировское слово. Уже пріобщеніе поэта къ городской жизни въ существенно новомъ свѣтѣ показало ему русскую деревню.

«Скверное было утро, когда я покинулъ поѣздъ на нашемъ полустанкѣ, затерянномъ среди полей, пишетъ Бунинъ въ одномъ своемъ раннемъ произведеніи. И поля послѣ долгой городской жизни показались мнѣ му-

чительно убогими и скучными, когда мужикъ подъ дождемъ потащилъ меня на телѣгѣ къ старой нашей усадьбѣ... Деревушки надъ лощинами кажутся издали кучами навоза. Въ лѣсу голомъ и черномъ, — синеватый туманъ и шумитъ сырой вѣтеръ, а на проселочной дорогѣ пустынно, какъ въ киргизской степи. Навстрѣчу попалась свадьба — три телѣги съ бабами, покрывшимися отъ дождя армяками и подолами верхнихъ юбокъ. Бабы кричатъ пьяными голосами пѣсни, стараясь возбудить въ себѣ удальство и веселость. Одна стоитъ среди телѣги, машетъ платкомъ, съ криками погоняетъ веревочными вожжами лошадь, но лошадь неловко тычетъ ногами, колокольчики звенятъ въ разбивку, телѣга не въ ладъ стучитъ по дорогѣ, удалая пѣснь выходитъ фальшивой...»

Знакомство съ Малороссіей заставило поэта особенно остро почувствовать гнетущую бѣдность среднерусской деревни. Путешествія по сѣверу Россіи дали съ тягостной силой ощутить «глубокую печаль русскаго пейзажа, такъ нераздѣльно связаннаго съ русской жизнью». Поэтъ ѣдетъ по новой желѣзной дорогѣ въ страну лѣсовъ.

— «Иди, иди, мы разступаемся передъ тобой. Но неужели ты снова только и сдѣлаешь, что къ нищетѣ людей прибавишь нищету природы?»

Этотъ вопросъ ощущаетъ поэтъ въ окружающихъ дорогу лѣсахъ.

«Земній день въ лѣсахъ очень коротокъ, и вотъ уже синѣютъ за окнами сумерки, и мало по малу заползаетъ въ сердце безпричинная смутная, настоящая русская тоска. Петербургъ представляется далекимъ оазисомъ на окраинѣ огромной снѣжной пустыни, которая

обступила меня со всѣхъ сторонъ на тысячи верстъ».

Можно легко представить себѣ, какъ эти чувства должны были обостриться при сопоставленіи русскаго грустнаго пейзажа и русской бѣдности и дикости съ плѣнительными картинами міра въ его цѣломъ?

Можно, однако, спросить себя: не должно ли это было напротивъ породить въ душѣ поэта особенную нѣжность, нѣкую пронзительную жалость къ убожеству той обстановки, которая окружала его дѣтство? Именно такимъ и было воздѣйствіе первыхъ впечатлѣній отъ заграницы — мы знаемъ уже примѣръ тому. Вспомнимъ, какъ Бунинъ воспринималъ свой отчій домъ въ Парижѣ. Для того, чтобы понять новаго Бунина, существенно, однако, понять, что къ этому времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, онъ сталъ утрачивать послѣдніе остатки юношеской сантиментальной жалостливости, способной сглаживать рѣзкость свѣтотѣней въ неприкрашенной и неретушированной дѣйствительности. Существенно понять еще и другое: къ этому времени разомкнулись въ прозаическомъ творчествѣ Бунина «вѣчные вопросы», лично его волнующіе, и его, такъ сказать, профессіональная работа, какъ прозаика-художника. Очень глубоко и остро переживалъ и въ эту эпоху поэтъ проблему Бога. Какъ мы видѣли, онъ уходилъ отъ русскаго Бога и онъ увлекался востокомъ. Онъ готовъ былъ настроитъ свое религіозное сознаніе на какой то гуминитарно-эстетическій надконфессіональный ладъ. Къ этому же времени относится и увлеченіе Байрономъ съ его глорификаціей кидающаго вызовъ Богу человѣка. Эти мотивы переплетались въ бунинской душѣ. Баальбекъ вдохновилъ его на слѣдующее характерное стихотвореніе, озаглавленное такъ же, какъ и весь

циклъ очерковъ пилигрима-богоискателя: «Храмъ Солнца».

Шесть золотистыхъ мраморныхъ колоннъ,
Безбрежная зеленая долина,
Ливанъ въ снѣгу — и неба синій склонъ.

Я видѣлъ Нилъ и Сфинкса-исполина,
Я видѣлъ пирамиды: ты сильнѣй,
Прекраснѣй, допотопная руина!

Тамъ глыбы желто-пепельныхъ камней,
Забытыя могилы въ океанѣ
Нагихъ песковъ. Здѣсь храмы первыхъ дней.

Патріархально-царственныя ткани —
Снѣговъ и скалъ продольные ряды —
Лежатъ, какъ пестрый талесъ, на Ливанѣ.

Подъ нимъ луга, зеленые сады
И сладостный, какъ горная прохлада,
Шумъ быстрой малахитовой воды.

Подъ нимъ оазисъ древняго Номада,
И древнія священныя мѣста
Вѣнчаетъ золотая колоннада.

Руина Храма Солнца, ты пуста.
Но ты истокъ познаній человѣка,
Порогъ его исканія, врата.

Ты — колыбель младенческаго вѣка,
Нашъ первый слѣдъ и первый іероглифъ —
И въ бездну я взглянулъ изъ Баальбека:

Тамъ даль и мгла. Туманно-синій Миѳъ.

Каковъ же этотъ миѳъ? Одинъ изъ этихъ миѳовъ тутъ же рядомъ воспроизводится воэтомъ въ стихотвореніи «Каинъ», сопровожденномъ слѣдующимъ эпиграфомъ: «Баальбекъ воздвигъ въ безуміи Каинъ. Сирійское преданіе».

Родъ приходитъ, уходитъ,
А земля пребываетъ вовѣкъ.
Нѣтъ, онъ строитъ, возводитъ
Храмъ бесмертныхъ племенъ — Баальбекъ.

Онъ — убійца, проклятый,
Но изъ Рая онъ дерзко шагнулъ.
Страхомъ Смерти объятый,
Все же первый въ лицо ей взглянулъ.

Жадно ищущій Бога,
Первый бросилъ проклятье Ему
И, достигнувъ порога,
Палъ сраженный, увидѣвши — тьму.

Но и въ тьмѣ онъ возславитъ
Только Знаніе, Разумъ и Свѣтъ —
Башню Солнца поставитъ,
Вдавитъ въ землю незыблемый слѣдъ.

И глаза великана
Красной кровью горятъ,
И долины Ливана
Подъ великою ношей гудятъ.

Синекудрый, весь бурый,
Изъ пустыни и зноя литой,
Опоясанъ онъ шкурой,
Шкурой льва золотой и густой.

Онъ спѣшитъ, онъ швыряетъ,
Онъ скалу на скалу громоздитъ,
Онъ дрожитъ, умираетъ. . .
Но Творцу отомститъ, отомститъ.

Эту же тему снова беретъ Бунинъ и при поэтической обработкѣ Корана. Эпиграфомъ онъ ставитъ слѣдующія слова: «И когда мы сказали ангеламъ: падите ницъ передъ Адамомъ, всѣ пали, кромѣ Эблиса, сотвореннаго изъ огня» и пишетъ слѣдующее стихотвореніе озаглавленное «Сатана Богу».

Я изъ огня, Адамъ — изъ мертвой глины,
И Ты велишь мнѣ передъ Адамомъ пасть!
Что жъ, сѣй въ огонь листву сухой маслины —
Смиряй листвой его живую страсть.

О, не смиришь! Я только выше вскину
Свой красный стягъ. Смотри: ужъ твой Адамъ
Охваченъ мной! — Я выжгу эту глину,
Я, какъ гончаръ, закалъ и звукъ ей дамъ.

Я привожу эти примѣры, чтобы показать, что покой былъ далекъ душѣ поэта: онъ болѣлъ вопросами вѣчными съ большей, можетъ быть, силой и напряженіемъ, чѣмъ когда нибудь. Однако, именно въ силу сложности и напряженности религіозныхъ исканій поэта, всю религіозную проблематику онъ оставляетъ теперь за скобками текущей писательской работы, какъ прозаика.

Почувствовавъ себя «профессіоналомъ» — немаловажное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло психологическое вліяніе на Бунина введенія его въ составъ Академіи, а нѣсколько позже торжественнаго чествованія его по случаю двадцатипятилѣтія его писательской дѣя-

тельности, — Бунина какъ бы запретилъ себѣ подходить, какъ это было прежде, къ дѣйствительности подъ угломъ зрѣнія своихъ личныхъ запросовъ и исканій. Теперь онъ подходитъ къ дѣйствительности ex professo, какъ трезвый, спокойный, хладнокровный, ничѣмъ не отвлекаемый наблюдатель и мыслитель, который своей обязанностью имѣетъ дать неподкупное свидѣтельство о наблюденномъ. Пусть это свидѣтельство о жизни принимаетъ характеръ художественнаго вымысла — это ничего не меняетъ. Свой, теперь доведенный до почти чудодѣйственнаго совершенства, аппаратъ художественнаго воспріятія Бунинъ ставитъ на службу объективнаго изображенія дѣйствительности, рѣшительно обрывая приводы, ведущіе къ эмпирической личности, съ ея моральными запросами и религіозными вопросами.

Измѣняется самая манера «подачи» авторомъ произведеній художественной прозы. Раньше разсказъ почти всегда шелъ отъ перваго лица — и это не было только формой условной, ибо и по существу передъ нами былъ своего рода художественный полуфабрикатъ. Теперь и по формѣ и по существу передъ нами нѣчто такъ сказать, до конца «опредмеченное, за чѣмъ нельзя обнаружить автора съ его личнымъ душевнымъ опытомъ.

Учтемъ еще одно обстоятельство, очень существенное для пониманія «Деревни» и слѣдующихъ за ней произведеній: авторъ былъ свидѣтелемъ первой русской революціи. Правда, онъ именно въ это время былъ отвлеченъ вопросами иного порядка, чисто религіознаго, и можно даже сказать, что въ значительной мѣрѣ онъ прошелъ мимо этого огромнаго факта. Тѣмъ не менѣе, революція не могла не оставить самаго рѣшительнаго слѣда на Бунинѣ, какъ изобразителѣ русской деревни.

Больше того: она не могла не оказать на него вліянія и въ болѣе общемъ смыслѣ. Бунинымъ овладѣваетъ «раздумье» надъ судьбами Россіи. . .

Такимъ былъ Бунинъ, когда онъ писалъ свою знаменитую «Деревню». Ее нельзя разсказать — она не имѣетъ фабулы, или, вѣрнѣе даже, не въ фабулѣ ея дѣло. Дѣло исключительно въ фактахъ, въ мысляхъ, въ общей трактовкѣ изображаемой дѣйствительности. Ex abrupto начинаются эти замѣчательныя, незабываемыя фрески. Ex abrupto кончаются онѣ. Все время вниманіе и интересъ читателя напряжены до послѣдней степени. Но я бы не сказалъ, что это интересъ исключительно художественный. Въ «Деревнѣ» нѣтъ музыкальной завершенности и архитектурной выдержанности. Однако о «Деревнѣ», какъ и о близкомъ къ нему по времени гораздо болѣе совершенномъ «Суходолѣ», въ которомъ дана замѣчательная картина, намъ отчасти извѣстная, крѣпостной дворянской усадьбы, можно сказать: «что́» въ этихъ произведеніяхъ болѣе значительно, чѣмъ «к а к ъ».

Подлинного мастерства Бунинъ достигаетъ нѣсколько позднѣе — изъ подъ его пера выходятъ шедевры художественной прозы, въ которыхъ безпощадная правда избразительности, внутренне напряженной, внѣшне безстрастной, сочетается съ недосягаемымъ совершенствомъ формы. И тутъ надо отмѣтить одно обстоятельство, весьма примѣчательное. Если въ стихахъ Бунина, какъ мы выше сказали, постепенно стирается грань между поэзіей и прозой въ томъ смыслѣ, что поэзія въ стихахъ Бунина пріобрѣтаютъ все больше характеръ не внѣшне-звучальный, а смысловой, то и въ прозѣ Бунина начинаетъ наблюдаться движеніе, такъ сказать,

встрѣчное: проза Бунина все болѣе и болѣе обрѣтаетъ музыкальный характеръ, въ какомъ то совершенно особомъ смыслѣ. Нельзя сказать, чтобы проза Бунина пріобрѣла какое бы то ни было внѣшнее сходство съ стихами или съ музыкой — нѣтъ. Но въ ней появляется свой собственный внутренній ритмъ и своя собственная чисто музыкальная логика. Не случайно и то, что Бунинъ именно съ этого времени пріобрѣтаетъ способность непогрѣшимой архитектурной композиціи своихъ прозаическихъ произведеній — тотъ «даръ построенія, ритма и синтеза», который проницательно отмѣтилъ въ Бунинѣ французскій писатель Ренэ Гиль — способность вообще рѣдкую, а среди русскихъ писателей почти не встрѣчающуюся.

Въ этомъ отношеніи особенно показателенъ и интересенъ разсказъ «Игнатъ», написанный въ 1912 году на Капри.

Двадцатилѣтній пастухъ влюбленъ въ двадцатилѣтнюю горничную. Онъ чистъ. Она развращена. Игнатъ видитъ Любку только мелькомъ и издали — барская горничная для него существо другого міра. Однако, Любка знаетъ, что Игнатъ ее любитъ, и это ей не непріятно. При случайныхъ обстоятельствахъ она ему отдается. Вскорѣ потомъ она выходитъ за него замужъ — она беременна и хочетъ покрыть грѣхъ. Игнатъ это знаетъ и бьетъ ее нещадно: Любка выкидываетъ. Приходитъ время набора: Игната берутъ въ солдаты. Безъ него Любка ведетъ распущенную жизнь. Возвратясь окончательно домой, Игнатъ застаетъ ее на мѣстѣ преступленія: наблюдая въ окно, какъ она разговариваетъ съ проѣзжимъ купцомъ, онъ видитъ, что они оба ухо-

дятъ въ сосѣднiй чуланъ. Онъ врывается съ топоромъ, чтобы ее убить. Тѣмъ временемъ, однако, случилось нѣчто совершенно неожиданное: купецъ умеръ отъ разрыва сердца надъ Любкой. Любка, не придя еще въ себя послѣ того, какъ онъ поняла этотъ ужасъ, видитъ надъ собой страшную фигуру возвратившагося мужа съ топоромъ въ рукахъ. Не потерявшись, она спокойно говоритъ ему, показывая на купца: «—Мой грѣхъ. Добивай скорѣй. Богаты будемъ. Тебѣ ничего не будетъ. Скажешь — захватилъ меня. Скорѣе. — Игнатъ глянулъ на ея сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширившiеся, неподвижные глаза, на красную кофту и засученныя смуглыя, полныя руки — и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце».

Разсказъ этотъ читается съ волненiемъ необыкновеннымъ, съ какой то внутренней дрожью, охватывающей читателя съ первыхъ страницъ. Ни одного слова еще не сказано, которое бы могло заставить читателя подумать о трагическомъ концѣ — и все же читатель съ мѣста включенъ въ мiръ, окружающiй Игната и Любку, весь проникнутый ожиданiемъ неотвратимой катастрофы, которая вытекаетъ изъ того простого, эмпирическаго факта, что на территорiи барской усадьбы господъ Паниныхъ одновременно существуютъ нанявшiйся на лѣто въ пастухи Игнатъ и горничная Любка. Все дальнѣйшее изображено авторомъ съ какой то поистинѣ магической убѣдительностью, изображено такъ, что, повторяю, у читателя создается впечатлѣнiе о какой то колдовской замкнутости мiра вокругъ Игната и Любки. Читатель самъ ощущаетъ себя включеннымъ въ этотъ замкнутый мiръ и этимъ и опредѣляется его волненiе, его мистическая настороженность.

Все въ этомъ замкнутомъ мірѣ реально. Надо быть Бунинымъ, съ его единственнымъ зрѣніемъ и единственной памятью, чтобы съ такой реальностью изобразить, и обитателей барской усадьбы, и, въ частности, барчуковъ, которые «играютъ» съ Любкой, растравляя ревность Игната, и красоту созвучнаго Игнату весенняго расцвѣта природы и распаляющей его весенней игры жизни, и полный тупого недоумѣнія душевный міръ Игната, тщетно пытающагося забыться въ водкѣ и въ безлюбовной связи съ дурочкой Ѳіоной, и спокойное и увѣренное безстыдство Любки, и фигуру купца, который оказался съ Любкой въ роковую ночь, и самый разговоръ ея съ купцомъ, неподражаемо банальный и, наконецъ, катастрофу... Я вырываю отдѣльные моменты, вырываю совершенно произвольно — все, каждая деталь живетъ, показана писателемъ съ силой ясновидѣнія, какъ бы внушеннаго читателю: самъ бы онъ никогда не увидалъ силой своего ограниченнаго зрѣнія и сотой части того, что ему показываетъ авторъ. И каждая эта деталь составляетъ необходимую часть микрокосма, который созданъ разсказомъ: камня нельзя вынуть изъ этого зданія, ноты нельзя изъять изъ этой музыкальной композиціи. Какъ монолитъ стоитъ и звучитъ это, облеченное въ плоть слова геніальное преображеніе жизни, исполненное внѣшняго спокойствія и насыщенное такимъ внутреннимъ динамизмомъ, что можно говорить только о вихрѣ, какъ объ образѣ, способномъ передать его силу.

Въ этомъ космическомъ вихрѣ все перестаетъ быть реальнымъ — все становится символичнымъ. Въ этомъ и заключается тайна музыкальности, о которой я говорилъ выше, какъ о специфическомъ признакѣ бунин-

скаго прозаическаго творчества. Это музыкальность не внѣшняя, а внутренняя, смысловая. Весь безподобный реализмъ изображенія жизни лишь подводитъ насъ къ тому, чтобы показать намъ въ этой самой жизни заключающуюся символику; чтобы показать намъ нѣчто таящееся за видимостью этой жизни, нѣчто угадываемое, таинственно ощутимое, но внѣ «реальныхъ» проявленій этой жизни не уловимое.

Моментами подводитъ читателя Бунинъ къ самой границѣ, отдѣляющей «реальность» отъ чего то запредѣльнаго, знакомъ чего только и является вся эта пресловутая реальность.

«. . . Время шло, шло — и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла, наконецъ, къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни напрягалъ Игнатъ зрѣніе, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ, посуда. . . Вотъ Любка привстала, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзъ ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая юбка. И въ мірѣ настала такая тишина, что осталось въ немъ только біеніе сердца Игната. Вдругъ и оно куда то провалилось — весь этотъ пустой и мертвый міръ ужасомъ наполнило блеяніе дьявола. Игнатъ понялъ, что это заблеялъ баранъ — очень далеко гдѣ то на деревнѣ. Но должно быть и видъ у этого внезапно проснувшагося барана былъ дьявольскій, и хрипота въ его блеяніи была дьявольская. Только дьяволъ и только въ роковой часъ могъ заревѣть такъ страшно. И въ тотъ же мигъ Любка разогнулась, быстро пошла по залу, къ двери, ведущей внутрь дома, за ней двинулся купецъ, — и легко, уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противополож-

ную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго».

Потомъ разсказъ опять принимаетъ характеръ реалистическаго описанія. Поэтъ не заканчиваетъ своего повѣствованія на изображеніи акта убійства. Онъ показываетъ намъ наступленіе утра на барскомъ дворѣ. Мы видимъ, какъ проснувшаяся кухарка будитъ работника купца, Ѳедьку, какъ Ѳедька дѣлаетъ свой непритязательный туалетъ, завтракаетъ и идетъ запрягать; видимъ, какъ наступаетъ утро и какъ въ разсвѣтномъ сумракѣ Ѳедька идетъ на конюшню, взнуздываетъ тамъ лошадь и потомъ ведетъ ее поить; какъ мчится онъ въ поле, на свѣтлый веселый востокъ, чтобы погрѣть лошадь и какъ, наконецъ, онъ шагомъ возвращается, въѣзжаетъ во дворъ и направляется къ парадному крыльцу. Все повѣствованіе идетъ въ совершенно новомъ, рѣшительно замедленномъ, спокойно, эпически размѣренномъ ритмѣ и темпѣ: спокойствіе наступило въ мірѣ. Тотъ вихрь, въ который былъ вовлеченъ созданный авторомъ микрокосмъ и съ которымъ былъ сомкнутъ душевный міръ читателя, промчался и исчезъ, и только осталось удивленіе, какъ это бываетъ послѣ исчезновенія неизвѣстно откуда налетѣвшихъ и захватившихъ человѣка въ свою властъ чаръ: что это было? Да и было ли вообще что? — «Шагомъ въѣхалъ онъ во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу — и вдругъ раскрылъ глаза и натянулъ вожжи: кухарка, съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человѣкъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязанномъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженной головой. На-

кложяя ее, онъ правой рукой сгребалъ съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій бѣлый снѣгъ и прикладывалъ его къ темени».

«Игнатъ» — произведеніе реалистическое. Въ немъ съ рѣзкой точностью изображена русская деревня, отчасти барская, а главнымъ образомъ крестьянская. Но какъ ясно изъ всего что только что сказано, все это «земное» есть лишь случайная оболочка трагедіи человѣчески-вѣчной, которая именно въ этой своей человѣческой вѣчности захватываетъ читателя. Не то «Деревня»! И тамъ есть, конечно, человѣчески-вѣчное, но оно не на первомъ планѣ. Тамъ — прежде всего Россія, крестьянская и мѣщанская, въ своей конкретно-исторической неповторимости. Вообще, все творчество Бунина этой эпохи колеблется между двумя полюсами: между конкретно-историческимъ воспроизведеніемъ русской дѣйствительности, пронизаннымъ лишь просвѣтами въ «вѣчность» и обвѣяннымъ глубокимъ «раздумьемъ» о путяхъ Россіи — и изображеніемъ вѣчно-человѣческаго, лишь «случайно», облеченнаго въ плоть русской, въ частности, крестьянской дѣйствительности. Само собой разумѣется, что грань тутъ весьма трудно провести, но двѣ эти устремленности необходимо имѣть въ виду. Самымъ яркимъ образцомъ «художественно-вѣчнаго» надо признать «Игната»; самымъ яркимъ образцомъ «художественно-политическаго» надо признать «Деревню», а также не менѣе замѣчательный и столь же знаменитый «Ночной разговоръ».

Какими же чертами обрисована Бунинымъ конкретно-историческая русская деревня?

Бунинъ не отвергаетъ полностью благостнаго ея облика — мы уже знаемъ Аверкія изъ «Оброка». Полна

величія простота этой крестьянской смерти и наводитъ на много мыслей этотъ замѣчательный бунинскій откликъ на толстовское изображеніе барской смерти — я имѣю въ виду, конечно, «Смерть Ивана Ильича». Полна извѣстнаго величія и простота жизни этого старозавѣтнаго крестьянина, которая раскрывается передъ лицомъ смерти. Но какъ безкрасочна эта жизнь-служба! Почти ничего не сохранила память Аверкію.

«Далеко на селѣ хорошо и протяжно пѣли дѣвки старинную величальную пѣснь: «При вечерѣ, вечерѣ, при ясной лучинѣ. . .» Когда и съ кѣмъ это было? Мягкій сумракъ на лугу, надъ мелкой заводью, теплая розовѣющая отъ зари, дрожащая мелкой рябью, расходящаяся кругами вода, чья то водовозка на берегу, слабо видный въ сумракѣ дѣвичій станъ, босыя ноги — и неумѣлыя руки, съ трудомъ поднимающія полный черпакъ. . . Шагомъ ѣдетъ мимо семнадцатилѣтній малый въ ночное, сладко дышитъ свѣжестью луга. . .

— Ай не узнала? — спрашиваетъ онъ негромко и притворно небрежно.

— Дюже ты мнѣ нуженъ узнавать! — отзывается нѣжный, грудной неувѣренно-звонкій голосъ — и противъ воли звучитъ въ немъ ласка, радость нечаянной встрѣчи.

— Ай помочь?

— Дюже ты мнѣ нуженъ помогать!

Пересиливая себя, считая непристойнымъ навязываться съ разговоромъ, онъ молча поднимается въ гору, въ росистое темное поле, глядитъ на звѣзды, слушаетъ перепеловъ и дѣловито думаетъ:

— Кабы не сирота была, другое дѣло. А то ишь, сама воду возитъ. . .

Это было давно, въ самомъ началѣ жизни... Неужели это она, та, что придетъ завтра, поведетъ его завтра умирать? Да, она, она...»

Вотъ единственное свѣтлое, красочное пятно во всемъ повѣствованіи: съ спокойнымъ и радостнымъ самоотреченіемъ, медленно и степенно уходитъ Аверкій отъ жизни — и его уже не замѣчаютъ, его почти забыли кругомъ: отслужилъ свое.

Чаще оборачивается деревня подъ бунинской кистью лицомъ тяжелымъ и мрачнымъ. И не только въ буйствѣ и бунтарствѣ эта тяжесть и мракъ, а и въ спокойствіи, которое страшнѣе всякаго бунтарства и буйства.

И въ прежнихъ сочиненіяхъ Бунина не укрывалось отъ взора художника то, что теперь онъ съ такой потрясающей силой передъ нами воспроизводитъ. Въ одномъ очеркѣ, который помѣченъ 1903 годомъ, Бунинъ, описывая свой пріѣздъ въ деревню, передаетъ разговоръ съ кучеромъ Корнѣемъ, свидѣтельствующій уже о томъ зловѣщемъ, что таилось у мужиковъ на сердцѣ.

«—Живемъ пока...

— То-есть какъ «пока»? А потомъ-то что-жъ?

— Потомъ — что Богъ дастъ! Все что нибудь да будетъ...

— Что же?

— Да что нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть, чертямъ оборки вить. Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

— А какъ?

При свѣтѣ мѣсяца ясно видно лицо Корнѣя, но, опуская голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза въ сторону.

— Какъ иначе то?

— Тамъ видно будетъ, — отвѣчаетъ Корнѣй уже совсѣмъ хмуро. Поѣдемте баринъ, не рано!

И молча лѣзетъ на козла».

Въ 1905-1906 годахъ обнаружилось, что понималъ подъ своими энигматическими «пока», и «тамъ видно будетъ» кучеръ Корнѣй. Эти жуткіе годы нашли отраженіе въ «Деревнѣ». Мы видимъ воочію этихъ сразу озвѣрѣвшихъ мужиковъ, какимъ то чудомъ въ одинъ и тотъ же день взбунтовавшихся по всему уѣзду и готовыхъ разорвать на клочья своего же брата, разбогатѣвшаго Тихона Ильича; ощущаемъ всю бунтарскую безпомощность этихъ внезапно вздыбившихся дикарей, безъ словъ понимаемъ, почему такъ безслѣдно схлынула эта революціонная волна, но понимаемъ и другое: все осталось по старому, и въ каждый данный моментъ снова можетъ эта волна подняться съ новой силой. Даетъ намъ почувствовать Бунинъ и ту тягу къ землѣ, которая гложетъ сердце крестьянина, но которую онъ замалчиваетъ «отъ той подколодной скрытности, затаенности, что всосали съ молокомъ матери тысячи его предковъ».

Показываетъ Бунинъ и нѣчто болѣе страшное — то спокойствіе, непонятное и въ своей непонятности отталкивающее и зловѣщее, съ которымъ крестьяне относятся къ вещамъ, для насъ священнымъ; показываетъ загадочное сочетаніе, непостижимую для насъ сопредѣльность у русскаго человѣка благочестія и безчинства.

Есть у Бунина стихотвореніе, относящееся къ этой эпохѣ и названное имъ «Мужичекъ».

Ельничкомъ, березничкомъ — гдѣ душа захочетъ —
Въ Кіевъ пробирается Божій мужичекъ.

Смотритъ, нѣтъ ли ягодки? Горбится, бормочетъ,
Съѣстъ и ухмыляется: я, молъ, дурачекъ.

«Али сладко, дѣдушка» — «Грѣшенъ: сладко, внучекъ».
«Что жъ и на здоровье. А куда идешь?»
«Я то? А не вѣдаю. Въ родѣ вольныхъ тучекъ.
Со крестомъ да съ вѣрой всякій путь хорошъ.

Ягодка по ягодкѣ — вотъ и слава Богу:
Сыты. А завидимъ бѣлые холсты,
Подойдемъ съ молитвою, глянемъ на дорогу.
Сдернемъ, сунемъ въ сумочку — и опять въ кусты».

Къ фигурѣ русскаго юродиваго Бунинъ возвращается неоднократно. Въ разсказѣ «Іоаннъ Рыдалецъ» изображенъ такой юродивый стараго крѣпостнаго времени, ведшій своего рода войну съ своимъ бариномъ, поровшимъ его нещадно — и. . . завѣщавшимъ похоронить своего холопа рядомъ съ собой, княземъ-вельможей. И вотъ этотъ, бросавшійся на господъ съ лаемъ и оскаленными зубами сумасшедшій оказался на положеніи чуть не чтимаго святого! Еще болѣе страшенъ другой юродивый, уже современный, сынъ крестьянскаго богача, докатившійся до послѣдней нищеты и убожества. Этотъ въ полномъ смыслѣ слова моральный уродъ съ какимъ то сладострастіемъ погрязалъ въ нуждѣ и сознательно навлекалъ на себя побои, крича подъ ними все одну и ту же постоянно повторяемую фразу: «Я молчу, я все молчу». И что же. Это чудовище благочестиво! И, въ концѣ концовъ, докатившись до тяжкихъ увѣчій, оно находитъ себѣ мѣсто на паперти, среди себѣ подобныхъ. Господи, до чего страшенъ коллек-

тивный портретъ, написанный Бунинымъ съ этихъ несчастныхъ!

«Въ жаждѣ самоистязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти ко всякимъ личинамъ — и трагическимъ и скоморошескимъ — въ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабоволіи, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ, — Русь издревле и безъ конца родитъ этихъ людей. . . И что это за лица, что за головы. Точно на кіевскихъ церковныхъ картинахъ да на кіевскихъ лубкахъ, живописующихъ и дьяволовъ и подвижниковъ мати-пустыни. Есть старцы съ такими изсохшими головами, съ такими рѣдкими прядями длинныхъ сѣрыхъ волосъ, съ такими тончайшими носами и такъ глубоко провалившимися щелками незрячихъ глазъ, точно столѣтія лежали эти старцы въ пещерахъ, гдѣ замуровали ихъ еще при кіевскихъ князьяхъ и откуда вышли въ полуистлѣвшемъ рубищѣ, крестъ-на-крестъ возложили на свои останки нищенскія сумы, на веревочныхъ обрывкахъ повѣсили ихъ черезъ плечо и пошли себѣ странствовать изъ конца въ конецъ Руси, по ея лѣсамъ, степямъ и степнымъ вѣтрамъ. Есть слѣпцы мордастые, мужики крѣпкіе, приземистые, точно колодники, холодно загубившіе десятки душъ: у этихъ головы твердыя, квадратныя, лица, какъ будто топоромъ вырублены, а босыя ноги налиты сизой кровью и противуестественно коротки, равно какъ и руки. Есть просто идіоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые карлы съ птичьими лицами. Есть горбуны, клиноголовые, какъ бы въ острыхъ шапкахъ изъ черныхъ лошадиныхъ волосъ. Есть карáндаши, осѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы. Есть лбы, сдавленные съ боковъ и образовавшіе черепъ въ видѣ шляпки жолудя.

Есть костлявыя, совсѣмъ безносыя старухи, ни дать ни взять сама смерть... И все это, на показъ выставивъ свои лохмотья, раны и болячки, на древне-церковный болгарскій распѣвъ, и грубыми басами, и скопческими альтами, и какими то развратными тенорами вопитъ о гнойномъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, который въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ подъ отчаго крова «не знамо куда...»

Это низы, подонки... А простой обыкновенный русскій человѣкъ — чѣмъ онъ живетъ, какъ онъ думаетъ?

Въ «Деревнѣ» Кузьма знакомится съ караульщикомъ сада — Акимомъ. «Похожъ на дурачка. Волосы прямые, въ скобку длинные. Лицо — небольшое, незначительное, старинно русское, суздальской работы. Сапоги огромные, тѣло тощее и какое-то деревянное. Глаза подъ большими сонными вѣками — ястребиные, съ золотистымъ кружкомъ въ зрачкѣ. Опуститъ вѣки — картавый дурачекъ, подниметъ — даже жутко немного». Злобы этотъ человѣкъ (картавый) неукротимой. Заговорили по поводу его болѣзни о докторахъ: «— Доктора! — подхватилъ Акимъ, глядя на угли и особенно ѣдко выговаривая это слово: дохтогга... — Доктора, братъ, свой карманъ блюдутъ. Я бъ ему, доктору то энтому, кишки за его дѣла выпустилъ.» И такъ обо всѣхъ... Но лучше всего конецъ...

Наѣлся Акимъ и сидитъ — какъ будто что то думаетъ. Вотъ онъ «прислушиваясь, осклабился, поднялъ брови, и его суздальское личико стало радостно-грустно, покрылось крупными деревянными морщинами.

— «Вотъ бы изъ ружья-то его! — сказалъ онъ особенно скрипуче и картаво. Такъ бы и кувыркнулся.

— Это ты про кого же? — спросилъ Кузьма.

— Да про соловья то энтого. . .»

Кузьма не выдержалъ и выбранилъ Акима: тотъ отвѣтилъ непечатнымъ ругательствомъ и, икнувъ, поднялся. Тутъ же онъ, едва вставъ со стола «поспѣшно перекрестившись три раза, съ размаху поклонился въ темный уголъ шалаша, встряхнулъ мочальными прямыми волосами и, поднявъ лицо, зашепталъ молитву. . . Кузьма съ ненавистью посмотрѣлъ на него. Вотъ Акимъ молится — и попробуй-ка спросить его, вѣритъ ли онъ въ Бога! Изъ орбитъ выскочатъ его ястребиныя глаза. Ему вѣдь кажется — никто на свѣтѣ не вѣритъ такъ, какъ онъ. . . И всѣ твердо вѣрятъ, что Акимъ очень вѣрующій человѣкъ, хотя за всю свою жизнь ни разу не подумалъ этотъ Акимъ: да что же такое его Богъ? — какъ никогда не думалъ онъ ни о небѣ ни о землѣ, ни о рожденіи ни о смерти. . . Что ему думать. За него обдумали. У него на все есть отвѣты. . . на небѣ — рай, ангелы, праведные, въ аду — черти и грѣшники, на землѣ — люди, которые пашутъ, строятъ, торгуютъ, наживаютъ денежки, живутъ въ свое удовольствіе. . . Не всѣ, конечно, далеко не всѣ, да что съ этимъ подѣлаешь! Стремиться то все таки люди должны къ этому — и ужъ придетъ времячко, покажетъ себя Акимъ! — подумалъ Кузьма, какъ всегда, съ удивленіемъ и ужасомъ вспоминая погромы. . . Есть еще на землѣ насѣкомыя, цвѣты, растенія, птицы, животныя... Но о цвѣтахъ и насѣкомыхъ Акимъ думать не унизится — просто давитъ ихъ. Растенія замѣчаетъ только тѣ, что приносятъ плоды, ягоды, идутъ на кормъ. Птицы летаютъ, поютъ — и самое любезное дѣло стрѣлять на ѣду тѣхъ изъ нихъ, что годны къ тому, а негодныхъ — для забавы. Звѣрей надо всѣхъ до единаго истребить,

а къ животнымъ относиться разно: своихъ держать въ тѣлѣ, на пользу себѣ, чужимъ и старымъ — выстегивать глаза, ломать ноги. . .»

Акимъ необыкновенно противенъ. Можно ли на него смотрѣть какъ на «средняго» мужика? Но вотъ Бунинъ разсказываетъ намъ о томъ, какъ въ деревню пріѣхалъ подростокъ гимназистъ, какъ онъ увлекся сельскими работами — «отбился отъ дому», говорила объ немъ любовно мать. У него явилось страстное увлеченіе мужиками — тѣми работниками, съ которыми онъ провелъ въ общемъ трудѣ лѣто. Всѣхъ этихъ людей онъ, какъ ему казалось, хорошо узналъ, къ каждому привязался, пріучился къ ихъ говору, полюбилъ ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, и если бы съ этими настроеніями уѣхалъ онъ въ городъ, то всю жизнь сохранилъ бы увѣренность въ томъ, что прекрасно изучилъ русскій народъ. . . Но вотъ однажды этотъ гимназистъ остался ночевать на гумнѣ съ работниками — и наслушался.

Крестьяне обмѣниваются воспоминаніями о томъ, какъ каждый изъ нихъ. . . человѣка убилъ. Бывшій солдатъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ убилъ бѣгущаго арестанта. Другой по этому поводу вспоминаетъ, какъ онъ человѣка задаромъ убилъ — изъ за козы. Разсказываетъ сначала подробно и съ большимъ юморомъ — просто и сердечно — какъ онъ убилъ козу. Третій, перебивая его, вспоминаетъ, какъ крестьяне отомстили быку барскому — съ живого содрали ему кожу! Попутно мужики вспоминаютъ, какъ (во время безпорядковъ) разбивали одного барина — все это съ самыми страшными подробностями, и опять все тѣмъ же спокойно дѣловитымъ тономъ, какъ что-то то совершенно

обыкновенное. Тѣмъ временемъ возвращается къ своему разсказу Ѳедотъ, который убилъ козу: какъ онъ вступилъ въ ссору изъ-за козы и убилъ брускомъ отъ косы своего недруга.

Гимназистъ все это слушаетъ и ужасъ его возрастаетъ. Тутъ онъ не выдерживаетъ. «Весь дрожа мелкой дрожью, съ пылающимъ лицомъ, гимназистъ поднялся и, утопая по-поясъ въ соломѣ, пошелъ по омету внизъ. Борзая, испуганная имъ, вдругъ вскочила и отрывисто брехнула. Гимназистъ, рѣзко дернувшись, упалъ въ солому и замеръ. Шумѣлъ холодный вѣтеръ, надъ самой головой бѣлѣла кучка холодныхъ осеннихъ звѣздъ, а за бугромъ шелестѣвшей соломы слышался мѣрный, низкій голосъ Ѳедота. Онъ досказывалъ о томъ, какъ «анатомили» убитаго имъ человѣка — досказывалъ съ спокойствіемъ эпическимъ и съ подробностями самыми мелкими, самыми отвратительными. «Глухой отъ стука собственнаго сердца, гимназистъ поднялся на ноги, во весь свой длинный ростъ, въ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ, въ легкой шинелькѣ, которая была уже коротка ему. Сѣрый, большой, страшный въ своемъ монгольскомъ спокойствіи Ѳедотъ мѣрно говорилъ, держа трубку въ зубахъ, но онъ уже не слушалъ его. Онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ, такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей. . .»

Есть, однако, разсказъ у Бунина, на мое ощущеніе еще болѣе страшный. Помѣщикъ продалъ свою усадьбу мѣщанину Ростовцеву. Наступилъ «послѣдній день» его пребыванія на усадьбѣ (такъ и называется этотъ разсказъ «Послѣдній день»).

Владѣлецъ усадьбы въ состояніи жесточайшаго озлобленія уничтожаетъ все, что только можно уничтожить въ покидаемомъ имъ фамильномъ домѣ — чтобы слѣда не оставить своего существованія новому пришельцу. Въ послѣдній моментъ онъ вспоминаетъ о шести борзыхъ собакахъ — куда ихъ дѣвать? Онѣ скоро поколѣютъ, конечно... Да не Гришкѣ же Ростовцеву оставить ихъ! «Воейковъ поднялъ свое тяжелое смуглое лицо, все въ желчныхъ складкахъ и морщинахъ, съ черноземлеными крашеными усами. Темные глаза его блестѣли зло и строго. Надѣвъ картузъ, стуча костылемъ, онъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ черезъ дворъ на кухню. На порогъ выскочилъ длинный Петръ и, какъ всегда при видѣ барина, нахмурился.

— Гдѣ собаки? — спросилъ Воейковъ.

Петръ глянулъ въ сѣнцы, по двору, въ садъ...

— Да, кажись, всѣ дома.

— Ну ,вотъ и отлично, — громко и твердо крикнулъ Воейковъ. — Всѣхъ удавить. Получишь по четвертаку за каждую».

Петръ съ полнымъ спокойствіемъ берется за выполненіе этого приказанія, и привлекаетъ къ его исполненію Сашку — «удививъ и обрадовавъ его» рѣшеніемъ барина. Начинается расправа. Пока она происходитъ надъ первой жертвой, подходитъ «Андрей, стерегшій свою кобылу въ безхозяйномъ саду, молодой опрятный мужикъ съ деревни.

— За что такъ сказнили? — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Значитъ, такъ приказано, — отвѣтилъ Петръ, все еще державшій веревку черезъ плечо (на которой

висѣла собака). На прощанье значитъ. Всѣхъ велѣлъ смерти предать, чтобы никому не доставались.

— Горюетъ...

Онъ палкой приподнялъ подъ задъ собаку, — собака очнулась, зарычала, втягивая животъ, — и продолжалъ разсѣянно:

— А я тоже недавно собачонку удавилъ. Пристряла чья то, живетъ недѣлю, другую, брехать не брешетъ... Я подумалъ, подумалъ, взялъ, да и задавилъ.

— Собакъ что, и людей, которые позамѣчательнѣе, и то много казнятъ, — сказалъ Петръ».

Начинается спокойно-дѣловитая бесѣда о томъ, какъ вѣшаютъ людей — знакомый солдатъ разсказывалъ! Среди этой бесѣды Петръ бросаетъ веревку — «собака упала и осталась въ сидячемъ положенiи» — закуриваетъ. Говорятъ о палачѣ — о томъ, какое жалованiе онъ получаетъ, харчъ, готовую одежду...

« — Смотри, отдышитъ — пошутилъ Андрей...

— Небось, — сказалъ Петръ...»

Собаку закапываютъ.

«Ну, вѣчная память — сказалъ онъ (Сашка). — Намъ жить поживать, тебѣ гнить...»

« — Съ одной, Борисъ Борисычъ, управились, закопали — весело крикнулъ Сашка Воейкову...

— Чего ржешь, болванъ? — строго осадилъ его Воейковъ. — Какъ такъ закопали? Кто вамъ приказывалъ закапывать? Въ ельникѣ, на елкахъ повѣсить всѣхъ, такъ и оставить. Слышишь?»

Къ тремъ часамъ покончили со всѣми собаками... Возбужденные, уморившiеся работники шли по аллеѣ и считали, сколько имъ приходится за работу.

— «Ничего отлично, — говорилъ Петръ съ сумрачной веселостью. — Полтора цѣлковыхъ. Будетъ намъ на поминки полный обѣдъ съ закуской».

Что можетъ быть страшнѣе и отвратительнѣе этой казни и надо ли послѣ зрѣлища ея много тратить словъ на то, чтобы объяснять каковы были психологическія предпосылки большевизма въ Россіи, въ самыхъ мерзкихъ его проявленіяхъ?

V

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

. . . Я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Бунинъ.

Двѣ области — сіянія и тьмы —
Изслѣдовать равно стремимся мы.

Баратынскій.

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно.

Лермонтовъ.

Пси и человѣцы —
Единое въ свирѣпствѣ и умѣ.

Бунинъ.

Презрѣннаго, дикаго вѣка
Свидѣтелемъ быть мнѣ дано.

Бунинъ.

Предвоенные годы были годами расцвѣта бунинскаго таланта. «Въ эти годы, пишетъ онъ самъ въ своемъ письмѣ французскому издателю, я чувствовалъ, какъ съ каждымъ часомъ крѣпнетъ моя рука, какъ страстно и увѣренно требуютъ исхода накопившіяся во мнѣ силы». Особенно плодотворно было пребываніе писателя на Капри, гдѣ онъ провелъ послѣдовательно нѣсколько зимъ. Здѣсь, подъ небомъ благодатной Италіи, въ радостномъ порывѣ легкаго и увѣреннаго писательскаго труда, созданы были имъ лучшія произведенія этой эпохи и, въ частности, неподражаемыя картины русской жизни. Въ обществѣ жены и друга, человѣка душевно близкаго, въ непрестанномъ и тѣсномъ общеніи съ ними раждались темы и тутъ же претворялись въ бунинскую благоуханную прозу. Вотъ на море легъ непроницаемый туманъ. Внезапно мелькнула мысль объ одномъ случаѣ, когда въ подобномъ туманѣ погибъ въ холодную русскую зимнюю ночь знакомый крестьянинъ. Обмѣнялись воспоминаніями — Бунинъ садится за письменный столъ и однимъ махомъ пишетъ свой чудесный разсказъ «Сверчокъ», разсказъ старика-шорника, по прозванію Сверчокъ, о томъ, какъ въ ночной зимній туманъ замерзъ у него на рукахъ сынъ, сильный и крѣпкій мущина, ослабѣвшій и потерявшій духъ, и какъ онъ, слабый старикъ, тащилъ его на рукахъ — «все бѣгу, да кричу, какъ шальной: нѣтъ, постой, не отдамъ, помирать мнѣ теперь на время». «Думалось такъ, сударыня, — сказалъ Сверчокъ вдругъ упавшимъ голосомъ и заплакалъ, вытирая рукавомъ глаза, выбирая на рукавѣ мѣстечко менѣе грязное, ближе къ плечу: — думалось такъ... принесу на село — можетъ оттаетъ, ототру...» «— Дивное дѣло, — сказала кухарка, когда онъ кончилъ — не пой-

му я того, какъ ты самъ то въ такую страсть не замерзъ? — Не до того было, матушка, — отвѣчалъ Сверчокъ разсѣянно, ища что-то на верстакѣ въ обрѣзкахъ кожи».

Много разсказовъ, подъ которыми стоитъ упоминаніе о Капри, найдемъ мы въ сочиненіяхъ Бунина — разсказовъ большихъ и малыхъ, въ такой мѣрѣ совершенныхъ, что трудно какому нибудь изъ нихъ отдать пальму первенства. Упомяну еще объ одномъ, носящемъ названіе «Веселый Дворъ»: въ немъ какъ то особенно выразительно обозначились одновременно безпощадность бунинской кисти и суровая нѣжность его столь много уже познавшей души. Мать и сынъ! Сынъ — бродяга, пустобрехъ, сквернословъ и пьяница. Мать — воплощеніе самоотверженія, голодная, какъ бы забытая на землѣ Богомъ, живущая одной мыслью о сынѣ, который ее бросилъ и шатается на людяхъ — неустанно стережетъ она для него, охраняетъ избу. Уже близкая къ смерти, она собирается съ послѣдними силами и идетъ къ нему — въ мечтахъ его увидѣть и съ инстинктивной надеждой подкрѣпиться — послѣднюю занятую корку хлѣба она уже съ большой осторожностью съѣла. Незабываемо описаніе Анисьи въ пути, въ полѣ, этой сотканной изъ любви простой женщины — которой въ сущности всю жизнь некого было любить, но которая не могла не любить! — незабываемо ея безсознательное сліяніе съ природой въ послѣднемъ пароксизмѣ материнской любви, дающей ей силы превозмочь и усталость и болѣзнь и голодъ и все же дойти до жилища сына. Его нѣтъ! старуха застаетъ только стараго пса и не находитъ ни крохи хлѣба. «Положивъ пукъ увядшихъ цвѣтовъ на кое-какъ сбитый изъ старой доски и

свѣжихъ березовыхъ кольевъ столикъ, косо стоявшій въ углу на ухабистой синей землѣ, она сѣла на лавку возлѣ столика и безъ движенія просидѣла до самаго вечера». Нашла она случайно дощечку — это оказался образокъ. «Она перекрестилась, съ трудомъ поднявъ руку, поцѣловала дощечку и положила ее на столикъ; подумала, вспомнила, что умираетъ и еще разъ перекрестилась, заставляя себя выразить во вздохѣ и особенно медленныхъ, истовыхъ движеніяхъ руки всю покорность свою Богу, все свое благоговѣніе передъ славой и силой Его, всѣ надежды свои на Его милосердіе. . .» Ее охватываетъ бредъ, она видитъ себя уже съ покойнымъ мужемъ: «Нѣтъ Миронушка, видно надо лечь поскорѣе». Она ложится, засыпаетъ и во снѣ умираетъ. «Лицо ея, лицо муміи, было спокойно и безстрастно. Противъ караулки, на безцвѣтномъ, пепельномъ небѣ стояла полная, ясная, но не яркая луна, еще не дававшая свѣта. И глядѣла она прямо въ окошечко, возлѣ котораго лежалъ не то мертвый, не то еще живой первобытный человѣкъ. Въ другое, безъ стекла, безъ рамы, дулъ теплый вѣтеръ. . .»

Не только русскія темы вдохновляютъ въ эту эпоху Бунина. Помимо нѣсколькихъ новыхъ разсказовъ описательнаго характера, запечатлѣвающихъ отдѣльные эпизоды изъ его путешествій, возникаютъ большіе разсказы, съ разработанной фабулой, насыщенные мыслью. Поэтомъ овладѣваетъ «раздумье», уже о судьбахъ не одной только Россіи! Нѣкій новый рубежъ означаетъ разсказъ «Братья», написанный буквально наканунѣ войны. Новымъ въ немъ является не только мѣсто дѣйствія, составъ дѣйствующихъ лицъ — дѣйствіе происходитъ въ Коломбо, а героями оказываются мѣстный

рикша и ѣздящій на немъ англичанинъ — но и то, что «раздумье» касается судьбы всего человѣчества.

«Взгляни на братьевъ, избивающихъ другъ друга. Я хочу говорить о печали» — эти слова стоятъ эпиграфомъ разсказа, помѣченнаго февралемъ 1914 года, а вотъ каковы разсужденія англичанина, доведеннаго до нервной болѣзни тропическимъ климатомъ и упросившаго капитана русскаго парохода взять его и не заставлять дожидаться слѣдующаго, нѣмецкаго.

Англичанину страшно ночью передъ бездной моря — а страшнѣе всего ему кажется то, что люди перестали вообще ощущать страхъ:

« Да, да — намъ страшно только то, что мы разучились чувствовать страхъ. Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и боимся ея, то только разсудкомъ или же остатками животнаго инстинкта. . . Мы всѣ — коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы, — мы всѣ, спасаясь отъ собственной притупленности и пустоты, бродимъ по всему міру и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцаріи, то нищетой Италіи, ея картинами и обломками статуй или колоннъ, то бродимъ по скользкимъ камнямъ, уцѣлѣвшимъ отъ какихъ то амфитеатровъ въ Сициліи, то глядимъ съ притворнымъ восторгомъ на желтыя груды Акрополя въ Греціи, то присутствуемъ, какъ при балаганномъ зрѣлищѣ, при раздачѣ священнаго огня въ Іерусалимѣ, платимъ бѣшенныя деньги за то, чтобы терпѣть мученія отъ проводниковъ и блохъ въ могильникахъ и глиняныхъ капищахъ Египта, плывемъ въ Индію, въ Китай, въ Япо-

нію — и вотъ только здѣсь, на землѣ древнѣйшаго человѣчества, въ этомъ потерянномъ нами эдемѣ, который мы называемъ нашими колоніями и жадно ограбляемъ, среди грязи, чумы, холеры, лихорадокъ и цвѣтныхъ людей, обращенныхъ нами въ скотовъ, только здѣсь чувствуемъ въ слабой мѣрѣ жизнь, смерть, божество. Здѣсь, оставшись равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ Озирисамъ, Зевсамъ, Аполлонамъ, къ Христу, къ Магомету я не разъ чувствовалъ, что могъ бы поклоняться развѣ только имъ, этимъ страшнымъ богамъ нашей прародины — сторукому Брамѣ, Шивѣ, Дьяволу, Буддѣ, слово котораго раздавалось поистинѣ, какъ глаголъ самого Маѳусаила, вбивающаго гвозди въ гробовую крышку міра... Да, только Востоку и болѣзнямъ, полученнымъ мной на Востокѣ, благодаря тому, что въ Африкѣ я сотнями убивалъ людей, въ Индіи, ограбляемой Англіей, а значитъ отчасти и мною, видѣлъ тысячи умирающихъ отъ голоду, въ Японіи покупалъ дѣвочекъ въ мѣстныя жены, въ Китаѣ билъ палкой по головамъ беззащитныхъ обезьяноподобныхъ стариковъ, на Евѣ и на Цейлонѣ до предсмертнаго храпа загонялъ рикшъ, въ Анарадхапурѣ получилъ въ свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарскомъ берегу болѣзнь печени — только благодаря всему этому я еще кое что чувствую и думаю. Тѣ страны, тѣхъ несмѣтныхъ людей, что еще живутъ или младенчески непосредственной жизнью, всѣмъ существомъ своимъ ощущая и бытіе, и смерть и божественное величіе вселенной, или уже прошли долгій и трудный путь, историческій, религіозный и философскій, и устали на этомъ пути, мы люди новаго желѣзнаго вѣка, стремимся поработить, подѣлить между собой, называемъ это

нашими колоніальными задачами. И когда этотъ дѣлежъ придетъ къ концу, когда въ мірѣ опять воцарится власть какого-то новаго Тира, Сидона, новаго Рима, англійскаго или нѣмецкаго, повторится, непремѣнно повторится и то, что предрекли Сидону, возомнившему себя, по слову Библіи, Богомъ, іудейскіе пророки, Риму — Апокалипсисъ, а Индіи, арійскимъ племенамъ, поработившимъ ее — Будда, говорившій: «О вы князья, властвующіе, богатые сокровищами, обращающіе другъ противъ друга жадность свою, ненасытно потворствующіе своимъ похотямъ. . .» Я еще не буддистъ, но Будда, какъ всѣ великіе религіозные учители, понялъ, что значитъ жизнь Личности, этой преходящей формы, намарупы, какъ онъ называлъ ее, въ этомъ «мірѣ быванія», въ этой вселенной, которой мы не постигаемъ, — и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность превыше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, что бы тамъ ни говорили о грядущемъ всемірномъ равенствѣ и братствѣ, — и вотъ только въ океанѣ, подъ новыми и чуждыми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ исторія такъ безмѣрна, гдѣ порою видишь подлинную первобытную жизнь, а въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человѣкъ къ этой чернотѣ, въ звукахъ, запахахъ, въ этомъ страшномъ Все-Единомъ, только тамъ понимаемъ въ слабой мѣрѣ, что значитъ эта наша жалкая Личность. . . Знаете ли вы, — сказалъ онъ останавливаясь и блестя очками на капитана, — буддійскую легенду?

— Какую? — спросилъ капитанъ, уже тайкомъ зѣвнувшій и посмотрѣвшій на часы.

— А вотъ какую: воронъ кинулся за слономъ, бѣжавшимъ съ лѣсистой горы къ океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слонъ обрушился въ волны — и воронъ, томимый «желаніемъ», палъ за нимъ и выждавъ, пока онъ захлебнулся и вынырнулъ изъ волнъ, опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а воронъ жадно клевалъ ее, когда же очнулся, то увидалъ, что отнесло его на этой тушѣ далеко, далеко, туда, откуда даже на крыльяхъ чайки нѣтъ возврата — и закричалъ жалкимъ голосомъ, тѣмъ, котораго такъ чутко ждетъ смерть и на который такъ быстро является она. . . Ужасная легенда..

— Да, это очень значительно, — сказалъ капитанъ равнодушно.»

Въ этомъ разсужденіи переплелись и явленія той «метафизической перевоплощаемости» Бунина, которая выражала различныя модальности его богоисканій, иногда доводя ихъ до предѣльной рѣзкости, и, впервые съ такой рѣзкостью сказавшееся, раздумье о судьбахъ всего человѣчества. Не случайно это раздумье срослось съ впечатлѣніями экзотическими и, въ частности, съ картинами Индійскаго океана. Это было однимъ изъ сильнѣйшихъ впечатлѣній, которыя когда либо пришлось испытать поэту. Оно нашло выраженіе и въ неоднократныхъ прозаическихъ высказываніяхъ — замѣчателенъ въ частности въ этомъ отношеніи немного позднѣйшій разсказъ «Соотечественникъ». Герой его, русскій крестьянинъ, сдѣлавшій необыкновенную карьеру и оказавшійся во главѣ огромнаго колоніальнаго предпріятія подъ тропиками, передаетъ съ тонкостью и страстностью чисто бунинскими свои переживанія въ океанѣ, когда зрѣлище новаго міра, новыхъ небесъ рас-

крывалось передъ нимъ, когда его опаляло горячечное дыханіе нашей Прародины и охватывала тоска какого то безконечнаго воспоминанія, невыразимаго никакимъ человѣческимъ словомъ. Нашло это впечатлѣніе выраженіе и въ стихахъ бунинскихъ — среди нихъ есть полныя первозданнаго ужаса изображенія тропическаго океана.

Отразилось это впечатлѣніе и въ сочиненіяхъ гораздо болѣе позднихъ, эпохи зарубежья: достаточно назвать очеркъ «Городъ Царя Царей», написанный въ 1924 году и введенный Бунинымъ въ новое изданіе его путевыхъ поэмъ въ прозѣ, получившихъ теперь наименованіе «Тѣнь птицы», и особенно философскую поэму «Воды многія», облеченную въ форму путеваго дневника въ Океанѣ, на пути къ Цейлону.

Война пришла въ моментъ яркаго пыланія бунинскаго творческаго воображенія. Голова поэта горѣла отъ страстнаго напряженія его воспріятія. Никто лучше не передастъ этого ощущенія, чѣмъ самъ поэтъ:

Взойди, о Ночь, на горній твой престолъ,
Стань въ безднѣ безднъ, отъ блеска звѣздъ туманной,
Міръ тишины исполни первозданной
И сонныхъ водъ смири нѣмой глаголъ.

Въ отверстый храмъ земли, небесъ, морей
Вновь прихожу съ мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, цѣляющею рукою,
Коснись чела, какъ Божій іерей.

Дала судьба мнѣ слишкомъ щедрый даръ,
Видѣнья дня безмѣрно ярки были:

Росистый хладъ твоей епитрахили
Да утолитъ души мятежный жаръ!

Въ душѣ поэта, и послѣ объявленія войны, такъ сказать, дотлѣвали огни того пожара, который былъ зажженъ въ ней яркими видѣніями тропическаго міра. Но появились, конечно, и новыя могущественныя воздѣйствія. Они были множественны. Съ одной стороны, Бунина война какъ то сразу приблизила къ Россіи. Изъ «гражданина вселенной» онъ превратился опять въ русскаго, болѣющаго всѣми текущими, очередными, каждодневными нуждами Россіи. Не прекращается и процессъ расширенія писательскаго горизонта, который начался «Братьями». Продолжается и процессъ «раздумья» надъ судьбами «цивилизованнаго» человѣчества, причемъ все въ большей рѣзкостью въ поле зрѣнія поэта входитъ трагедія жизненныхъ контрастовъ, требующая какого то, почти ветхозавѣтно обличительнаго подхода къ изображенію западной (въ томъ составѣ русской городской) дѣйствительности. Наконецъ, опускаются на душу поэта тяжкія мысли относительно Россіи и ея будущаго: въ нихъ мелькаютъ прозрѣнія пророческія. И вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ своимъ чередомъ процессъ умиротворенія, процессъ восхожденія на какую то новую ступень духовнаго развитія: въ этомъ отношеніи новымъ рубежомъ является разсказъ: «Сны Чанга».

Что касается ощущенія жизненныхъ контрастовъ и обличительнаго отношенія къ «западной культурѣ», то въ этомъ смыслѣ на первомъ мѣстѣ, само собой разумѣется, стоитъ пріобрѣвшее огромную извѣстность произведеніе Бунина «Господинъ изъ Санъ-Франциско».

Всѣ, я думаю, его знаютъ. Милліонеръ-американецъ рѣшаетъ подъ старость отдохнуть, какъ полагается людямъ его положенія, въ Европѣ. Онъ ѣдетъ съ женой и дочерью въ Италію, не выдерживаетъ «отдыха» и внезапно умираетъ. На томъ же пароходѣ, который его привезъ въ Европу и который наполненъ все той же праздной и тоскливо-веселящейся толпой, уносится обратно на родину океанскими волнами прахъ «господина изъ Санъ-Франциско», самое имя котораго не представляетъ уже ни для кого никакого интереса и который въ моментъ смерти изъ человѣка, пользующагося всѣми благами міра и для окружающихъ его людей составляющаго предметъ самаго почтительнаго вниманія — мгновенно превращается въ ненужность, оскорбительно нарушающую атмосферу приличія и подлежащую немедленному, подъ шумокъ совершаемому, удаленію. Сюжетъ не сложенъ какъ будто. Но во что онъ превращается въ рукахъ Бунина! Вотъ гдѣ сказывается въ полной мѣрѣ бунинская прозаическая музыкальность, вотъ гдѣ обнаруживается его проникновенный реалистическій символизмъ! Эпизодъ, разсказанный съ той же яркостью реалистическаго видѣнія, какъ и «Игнатъ» — и вмѣстѣ съ тѣмъ произведеніе углубленнаго морально-философскаго смысла, который, однако, ни въ чемъ иномъ не обнаруживается, какъ въ той же словесной ткани ультра-реалистическаго повѣствованія — и только эпиграфъ выдаетъ замыселъ автора: «Горе тебѣ Вавилонъ, городъ крѣпкій!» — «Эти страшныя слова Апокалипсиса неотступно звучали въ моей душѣ, читаемъ мы въ письмѣ Бунина къ французскому издателю, когда я писалъ «Братьевъ» и задумалъ «Господина изъ Санъ-Франциско» за нѣсколько мѣсяцевъ до

войны, когда я предчувствовалъ весь ужасъ ея и тѣ бездны, которыя обнажатся послѣ нея въ современной цивилизаціи, — и я ли виноватъ, прибавляетъ сокрушенно поэтъ, намекая на знаменія близившейся революціи въ его писаніяхъ, что и здѣсь мои предчувствія меня не обманули?»

Проблема преступленія занимаетъ въ творчествѣ Бунина очень видное мѣсто. Замѣчательно, что часто онъ къ преступленію подходитъ, не какъ къ предумышленному человѣческому дѣянію, а въ планѣ какого то срыва, нѣкой предустановленной, неотвратимой катастрофѣ. Въ его довоенномъ творчествѣ имѣется два разсказа на эту тему — особо интересныхъ потому, что въ обоихъ этихъ случаяхъ преступленіе оторвано совершенно отъ проблемы сексуальной. Въ одномъ случаѣ нищаго убиваетъ съ цѣлью грабежа случайно съ нимъ встрѣтившійся мужикъ — убиваетъ съ какой то «покорностью», униженно прося нищаго отдать ему деньги «добромъ» и потомъ, въ припадкѣ подлинной обреченности, пристукнувъ его камнемъ.

Съ безумнымъ заплаканнымъ лицомъ мужикъ умоляетъ старика:

«— Отдай — тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я навѣкъ человѣкомъ стану. Отдай, добромъ, братъ, родный, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ, — тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь? — сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ... едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучатъ сердца.

— Хорошо, — съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ. — Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ, — видно, онъ выдиралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула — и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю... — пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ. — Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ...»

Другой разсказъ («Ермилъ») такъ и названъ былъ первоначально «Преступленіе». Его совершаетъ человѣкъ, который въ буквальномъ смыслѣ это преступленіе на себя накликаетъ. Лѣсной караульщикъ Ермилъ, мужикъ нелюдимый и трусливый, внушаетъ себѣ въ лѣсномъ одиночествѣ всякіе страхи. Однажды онъ находитъ въ лѣсу трупъ собаки — ее удавили. Ему внезапно приходитъ на умъ: а что если и съ нимъ такое же сдѣлаютъ — никто и не узнаетъ! Ермилъ постепенно свыкается съ мыслью о томъ, что на него готовится

покушеніе, и самъ готовится его встрѣтить, какъ подобаетъ. Приведена въ порядокъ старая одностволка, устанавливается прицѣлъ въ того человѣка, который будетъ приближаться къ его избѣ. Кто же это будетъ? Ермилъ съ напряженіемъ, со страстью ждетъ этого выдуманнаго имъ лиходѣя.

И вотъ онъ, самъ въ томъ себѣ не отдавая полнаго отчета, начинаетъ ходить въ село и систематически провоцировать нападеніе на себя — намекаетъ на то, что у него есть деньги; нарочно заказываетъ себѣ сапоги, чтобы люди повѣрили въ то, что у него есть деньги. Онъ весь внутренне торжествуетъ, когда, наконецъ, ему удается соотвѣтственно — какъ ему кажется — настроить шорника и коновала Махра. Онъ уже внутренне увѣренъ, что убьетъ его. «Неужели этотъ самый Махоръ черезъ нѣсколько дней будетъ лежать вотъ тутъ на юру, подъ мерзлой глиной, подъ снѣгомъ?»

Въ ту именно ночь, когда Ермилъ ожидалъ, въ бѣлесой мути ночи онъ видитъ двѣ приближающіяся къ его избѣ фигуры — прицѣливается и стрѣляетъ. Мишка, помощникъ Махра, убѣжалъ. Махоръ остался на мѣстѣ. На большомъ пальцѣ у него — ремешокъ отъ гармоніи. На судѣ Ермилъ подробно разсказываетъ свое сидѣніе въ лѣсу, свой походъ на село — «насчетъ сапожонокъ» — и даже убійство. Когда ему указываютъ на то, что Махоръ къ нему шелъ съ гармоникой, онъ не сдается и только все приговариваетъ: «Злые люди загубить хотѣли, а я того весь вѣкъ ждалъ». Онъ проситъ казнить его — «тюрьмой-каторгой». Наказаніе онъ отбываетъ въ монастырѣ, работаетъ съ большимъ усердіемъ и очень нравится монахамъ. Съ ними и остается онъ, отбывъ наказаніе — «прижился къ Богу» говоритъ онъ.

Но въ монахи постричься не хочетъ: — нѣтъ, я дюже преступный, — говоритъ онъ съ удовольствіемъ.

Эти два разсказа — одинъ, изображающій преступленіе внезапное, другой — предумышленное, написаны совершенно въ другомъ планѣ, чѣмъ соотвѣтственный имъ разсказъ, относящійся къ эпохѣ военной. И это не только въ томъ смыслѣ, что въ этомъ послѣднемъ дѣло идетъ о городской преступности, а не о специфически крестьянской. Въ разсказѣ «Петлистыя уши» дѣло вообще идетъ не о «преступленіи», — случайномъ, или фатальномъ —, а о «преступникѣ». «Не замѣтить и не запомнить его было нельзя и всякій, кому онъ попадался на глаза во второй, въ третій разъ, испытывалъ чувство смутной непріятности, какого то безпокойства и, отворачиваясь, думалъ. — Ахъ, опять этотъ ужасный господинъ».

Авторъ сталкиваетъ его въ одномъ петербургскомъ притонѣ съ матросами. Соколовичъ — такова фамилія человѣка съ петлистыми ушами — философствуетъ. Онъ называетъ себя «выродкомъ». Выродками онъ считаетъ всѣхъ тѣхъ, у кого петлистыя уши — геніевъ, преступниковъ: у нихъ одни способности повышены, другія понижены. Впрочемъ, онъ тутъ же поправляется: петлистыя уши присущи не однимъ только такъ называемымъ выродкамъ. «Страсть къ убійству и вообще ко всякой жестокости сидитъ, какъ извѣстно, въ каждомъ. А есть и такіе, что испытываютъ совершенно непобѣдимую жажду убійства, — по причинамъ весьма разнообразнымъ, напримѣръ въ силу атавизма или тайно накопившейся ненависти къ человѣку, — убиваютъ, ничуть не горячась, а убивъ не только не мучаются, какъ принято думать, а, напротивъ, приходятъ въ нор-

му, чувствуютъ облегченіе, — пусть даже ихъ гнѣвъ, ненависть, тайная жажда крови вылилась въ форму мерзкую и жалкую. И вообще пора бросить эту сказку о мукахъ совѣсти, объ ужасахъ, будто бы преслѣдующихъ убійцъ. Довольно людямъ лгать, будто бы они ужъ такъ содрагаются отъ крови. Довольно сочинять романы о преступленіяхъ съ наказаніями, пора написать о преступленіи безъ всякаго наказанія».

Въ ту же ночь Соколовичъ беретъ на Невскомъ проститутку, везетъ ее въ гостинницу, раннимъ утромъ спокойно расплачивается и уходитъ, сказавъ, что «барышня» велѣла разбудить себя въ девять: ее находятъ задушенной въ постели.

Бунинъ не былъ въ деревнѣ во время объявленія войны и мобилизаціи. Онъ попалъ въ нее уже на второй годъ войны. Быстро онъ почувствовалъ, что настроеніе народа, ему столь знакомаго, заставляетъ опасаться самаго страшнаго. Къ 1916 году тревога его воплотилась въ нѣсколькихъ твореніяхъ, весьма выразительныхъ.

23 января 1916 года онъ пишетъ стихотвореніе «Сонъ еп. Игнатія Ростовскаго», вдохновленное слѣдующимъ эпиграфомъ, взятымъ изъ лѣтописи: «Изрину князя изъ церкви соборныя въ полнощь. . .»

Сонъ лютый снился мнѣ: въ полночь, въ соборномъ храмѣ,
Изъ древней усыпальницы княжой,
Шли смерды мертвецы съ дымящими свѣчами,
Гранитный гробъ несли, тяжелый и большой.

Я поднялъ жезлъ, я крикнулъ: «Въ домѣ Бога
Владыка — я. Презрѣнный родъ, стоять!»

1915

Они идутъ... Глаза горятъ... Ихъ много...
И ни единъ не обратился вспять.

Тринадцатаго февраля того же года написано Бунинымъ стихотвореніе: «Стой солнце!»

Летятъ, блестятъ мелькающія спицы,
Тоскую и дрожу,
А все впередъ съ летящей колесницы,
А все впередъ гляжу.
Что впереди? Обрывъ, провалъ, пучина,
Кровавый слѣдъ зари...
О, еслибъ власть и властный крикъ Навина:
«Стой, солнце! Стой, замри!»

Но самое выразительное стихотвореніе спеціально посвящено деревнѣ и относится оно къ лѣту 1916 года. Вотъ оно:

Хозяинъ умеръ, домъ забитъ,
Цвѣтетъ на стеклахъ купоросъ,
Сарай крапивою заросъ,
Варокъ, давно пустой, раскрытъ
И по хлѣвамъ чадитъ навозъ...
Жара, страда... Куда летитъ
Черезъ усадьбу шалый песъ?

На голомъ остовѣ варка
Ночуютъ старые сычи,
Днемъ въ тополяхъ орутъ грачи,
Но тишина такъ глубока,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ людей...

Мелѣетъ теплая рѣка,
Въ степи желтѣетъ море ржей...
А онъ летитъ — хрипятъ бока
И пѣна льется съ языка.
Летитъ стрѣлою черезъ дворъ
И черезъ садъ и дальше въ степь,
Кровавъ и мутенъ ярый взоръ,
Оскаленъ клыкъ, на шеѣ цѣпь...
Помилуй Богъ, спаси Христосъ,
Сорвался песъ, взбѣсился песъ.

Вотъ рожь горитъ, зерно течетъ,
Да кто же будетъ жать, вязать?
Вотъ дымъ валитъ, набатъ гудетъ,
Да кто-жъ рѣшится заливать?
Вотъ встанетъ бѣсноватыхъ рать
И какъ Мамай всю Русь пройдетъ...
Но пусто въ мірѣ — кто спасетъ?
Но Бога нѣтъ — кому карать?

И тѣмъ не менѣе идетъ своимъ путемъ процессъ внутренняго умиротворенія въ душѣ Бунина. Какимъ внутреннимъ миромъ исполненъ его небольшой этюдъ «Постъ»!

«Я живу затворникомъ, за работой съ утра до вечера.

Но я работаю легко, споро, съ той рѣдкой остротой душевнаго зрѣнія, которая даетъ такое непередаваемое счастье.

— Се тебѣ, душе моя, ввѣряетъ Владыка талантъ: со страхомъ пріими даръ.

Нынче я опять не замѣтилъ, какъ прошелъ мой день.

Но вотъ бьетъ шесть, темнѣетъ, синѣетъ за окнами.

Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря Бога за силы, за трудъ, одѣваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкій мартовскій воздухъ...

Я иду по деревнѣ, додумываю свои думы, укрѣпляю свои тайные вымыслы, но все вижу, все замѣчаю и чувствую — всему теперь открыто мое сердце, мои глаза, мои уши...

На выгонѣ церковь, тамъ нынче служба.

Когда на высокомъ каменномъ крыльцѣ церкви отворяются двери, видна за черными сѣнями ея внутренность въ золотыхъ и красныхъ точкахъ огней, съ блестящимъ иконостасомъ — и кажется торжественной.

Въ темнотѣ возвращаюсь домой и провожу вечеръ за книгой, въ мірѣ не существующемъ, но столь нераздѣльномъ со всѣмъ, чѣмъ въ тайнѣ живетъ моя душа.

Засыпаю съ мыслью о радостяхъ завтрашняго дня — о радостяхъ своихъ вымысловъ.

Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, унынія.

Больше мнѣ ничего не надо. Все есть у меня все въ мірѣ — мое».

Тотъ же высокій тонъ въ замѣчательномъ разсказѣ «Сны Чанга».

«Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживаетъ того каждый изъ жившихъ и живущихъ на землѣ».

Этими словами начинается разсказъ — и героемъ его оказывается собака Чангъ, купленная хозяиномъ ея, капитаномъ парохода дальняго плаванія, въ Китаѣ.

Весь разсказъ ведется какъ бы сквозь сознаніе Чанга, у котораго въ воспоминаніяхъ проносятся сцены прошлаго, воскрешающія предъ нами жизнь подлиннаго героя разсказа — моряка, еще сравнительно молодого, но уже состарившагося, погубившаго свою карьеру виномъ, потерявшаго жену и дочь, ушедшихъ отъ него, и теперь доживающаго свой вѣкъ на одесскомъ чердакѣ и въ одесскихъ кабакахъ и притонахъ. Мы узнаемъ, что трагедія капитана въ его красавицѣ-женѣ. Такъ любилъ ее капитанъ, что даже боялся своей любви: уже давно понималъ, что она не совсѣмъ принадлежитъ ему. И вотъ произошла, наконецъ, катастрофа: онъ стрѣлялъ въ нее. Жаденъ былъ до счастья капитанъ и была для него жизнь великолѣпной. Какъ умѣлъ онъ восторгаться и наслаждаться всѣми ея красотами и чудесами! А вотъ теперь онъ сидитъ въ кабакѣ со своимъ другомъ-художникомъ въ цилиндрѣ и говоритъ: «Другъ мой, я видѣлъ весь земной шаръ — жизнь вездѣ такова. Все это ложь и вздоръ, чѣмъ будто бы живутъ люди: нѣтъ у нихъ ни Бога, ни совѣсти, ни разумной цѣли существованія, ни любви, ни дружбы, ни честности, — нѣтъ даже простой жалости. Жизнь скучный, зимній день въ грязномъ кабакѣ, не болѣе. . .»

Чангъ слушаетъ его во хмелю — его капитанъ пріучилъ тоже пить—и не знаетъ, соглашаться ли съ нимъ, но тутъ «точно солнечный свѣтъ прорѣзываетъ этотъ туманъ» — начинается музыка, и душа Чанга наполняется радостью и восторгомъ, довѣрчивостью къ міру. А потомъ полусонный, онъ опять бредетъ домой — и опять въ мірѣ тьма, холодъ, утомленіе. . . Опять на яву злая и низкая правда, которая, какъ увѣряетъ капитанъ художника, только и существуетъ на свѣтѣ.

Однажды утромъ Чангъ находитъ капитана мертвымъ на своей постели. «Чангъ издаетъ такой отчаянный вопль, точно его сшибъ съ ногъ и пополамъ перехватилъ мчащійся по бульвару автомобиль». Чангъ приходитъ въ себя уже на паперти, у дверей костела. «Онъ сидитъ возлѣ нихъ съ поникшей головой, тупой, полу-мертвый — только весь дрожитъ мелкой дрожью. И вдругъ распахивается дверь костела — и ударяетъ въ глаза и въ сердца Чанга дивная вся звучащая и поющая картина: передъ Чангомъ полутемный готическій чертогъ, красныя звѣзды огней, цѣлый лѣсъ тропическихъ растеній, высоко вознесенный на помостъ черный гробъ изъ дуба, черная толпа народа, двѣ дивныя въ своей мраморной красотѣ и глубокомъ траурѣ женщины, — точно двѣ сестры разныхъ возрастовъ — а надъ всѣмъ этимъ — гулъ, громы, клиръ звонко вопіящихъ о какой то скорбной радости ангеловъ, торжество, смятеніе, величіе — и все собой покрывающія неземныя пѣснопѣнія. И дыбомъ становится вся шерсть на Чангѣ отъ боли и восторга передъ этимъ звучащимъ видѣніемъ. И художникъ, съ красными глазами вышедшій въ эту минуту изъ костела, съ изумленіемъ останавливается:

— Чангъ! — тревожно говоритъ онъ, наклоняясь къ Чангу: — Чангъ, что съ тобой?

И коснувшись задрожавшей рукой головы Чанга, наклоняется еще ниже — и глаза ихъ, полные слезъ, встрѣчаются въ такой любви другъ къ другу, что все существо Чанга беззвучно кричитъ всему міру: «Ахъ, нѣтъ, нѣтъ — есть на землѣ еще какая то, мнѣ невѣдомая, третья правда!»

Вечеромъ Чангъ уже лежитъ у ногъ своего новаго хозяина. «И снится, грезится ему:

— Кто то лежитъ теперь тамъ, за темнѣющимъ городомъ, за оградой кладбища, въ томъ, что называется склепомъ, могилой. Но этотъ кто-то не капитанъ, нѣтъ. Если Чангъ любитъ и чувствуетъ капитана, видитъ его взоромъ памяти, — того божественнаго, что онъ самъ не понимаетъ въ себѣ, — значитъ еще съ нимъ капитанъ: въ томъ безначальномъ и безконечномъ мірѣ, что не доступенъ Смерти. Въ мірѣ этомъ должна быть только одна правда, — третья, — а какая она — про то знаетъ тотъ послѣдній Хозяинъ, къ которому уже скоро долженъ возвратиться и Чангъ».

Революція на долгій срокъ оборвала творческій путь Бунина. Не сразу, конечно, постигъ онъ ея значеніе и характеръ, но быстро испарились, исчезли для него тѣ оптимистическія представленія о ней, которыя были столь характерны для людей его круга, да и для всей почти русской интеллигенціи вообще. Лѣто 1917 года Бунинъ провелъ въ деревнѣ и ясно увидалъ, куда идетъ Россія. Но, какъ это бываетъ съ людьми приближающимися къ смертельной опасности, у него еще болѣе обострилось чувство жизни. Къ 1917 году относятся нѣсколько стихотвореній, которыя представляютъ быть можетъ вообще лучшее, что въ поэзіи создано Бунинымъ. Избытокъ душевныхъ силъ, радость бытія, теплая вѣра, какое то идиллическое воспріятіе природы, какой то необыкновенный покой — эти мотивы преобладаютъ, и трудно остановить свой выборъ на какомъ либо стихотвореніи — такъ недосягаемо ихъ совершенство. Семнадцатый годъ, а отчасти и восемнадцатый есть какъ бы поэтическое прощаніе Бунина съ

міромъ, прощаніе, исполненнное кроткой благодарности Тому, кто создалъ всю эту несказанную красоту, прощаніе человѣка, изнемогающаго отъ избытка въ немъ силъ и отъ порыва любви, его съ міромъ сливающаго въ какомъ то, можно было бы сказать почти экстатическомъ объятіи, если бы не удивительная тишина, не удивительное спокойствіе, владѣющее сердцемъ поэта.

И цвѣты и шмели и трава и колосья
И лазурь и полуденный зной...
Срокъ настанетъ — Господь сына блуднаго спроситъ:
«Былъ ли счастливъ ты въ жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вотъ эти
Полевые пути межъ колосьевъ и травъ —
И отъ сладостныхъ слезъ не успѣю отвѣтить,
Къ милосерднымъ колѣнямъ припавъ.

Это, однако, послѣдніе отзвуки замирающей въ грозѣ революціи бунинской лиры, которымъ отвѣчаетъ въ прозѣ такое произведеніе, какъ «Исходъ» — одинъ изъ самыхъ совершенныхъ бунинскихъ варіантовъ на тему смерти. По мѣрѣ того какъ разрастается революціонное безчинство, страстный протестъ растетъ въ душѣ Бунина — онъ весь какъ бы встаетъ на дыбы. Попрана красота и благость Божьяго міра, и вся мерзость человѣческая, которая и раньше существовала въ мірѣ, но которая робко таилась въ складкахъ божественной мантіи, одѣвающей этотъ чудесный міръ, и пресмыкаясь существовала какимъ то таинственнымъ Божіимъ попущеніемъ — вся эта мерзость овладѣла

вдругъ міромъ и съ торжествомъ попираетъ добро и красоту. Только поистинѣ нечеловѣческія силы душевныя и огромное физическое здоровье Бунина предотвратили то, что онъ не умеръ, не сошелъ съ ума, не сталъ калѣкой, — таково было потрясеніе, пережитое поэтомъ. Надо ли удивляться тому, что онъ на нѣкоторое время какъ бы потерялъ даръ поэтическаго слова? Надо ли удивляться и тому, что, когда онъ его снова пріобрѣлъ, оно звучало какъ проклятіе:

О слезъ невыплаканныхъ ядъ.
О тщетной ненависти пламень.
Блаженъ, кто раздробитъ о камень
Твоихъ, Блудница, новыхъ чадъ,
Рожденныхъ въ лютыя мгновенія
Твоихъ утѣхъ — и нашихъ мукъ.
Блаженъ тебя разящій лукъ
Господняго святаго мщенія.

Памятникомъ этого священнаго негодованія остался и дневникъ Бунина, который онъ велъ въ Одессѣ при большевикахъ и который онъ опубликовалъ въ сокращенномъ видѣ за рубежомъ подъ названіемъ «Окаянные дни». Памятникомъ осталась и замѣчательная рѣчь, сказанная въ Парижѣ Бунинымъ о задачахъ русской эмиграціи, объ ея исторической миссіи.

«Сотни тысячъ изъ нашей среды возстали вполнѣ сознательно и дѣйственно противъ врага, нынѣ столицу свою имѣющаго въ Россіи, но притязающаго на міровое владычество... Отъ чьего имени?.. Поистинѣ дѣйствовали мы, не смотря на всѣ наши человѣческія паденія и слабости, отъ имени нашего Божескаго об-

раза и подобія. И еще — отъ имени Россіи: не той, что продала Христа за тридцать сребренниковъ за разрѣшеніе на грабежъ и убійство и погрязла въ мерзости всякихъ злодѣяній и всяческой нравственной проказы, а Россіи другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной. . .

«Россія! Кто посмѣетъ учить меня любви къ ней? Одинъ изъ недавнихъ русскихъ бѣженцевъ разсказываетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ о тѣхъ забавахъ, которымъ предавались въ одномъ мѣстечкѣ красноармейцы, какъ они убили однажды какого-то нищаго старика (по ихъ подозрѣнію богатаго), жившаго въ своей хибаркѣ совсѣмъ одиноко, съ одной худой собачкой. Ахъ, говорится въ этихъ запискахъ, какъ ужасно металась и выла эта собаченка вокругъ трупа и какую лютую ненависть она послѣ этого пріобрѣла ко всѣмъ красноармейцамъ: лишь только завидитъ вдали красноармейскую шинель, тотчасъ же вихремъ несется, захлебываясь отъ яростнаго лая. Я прочелъ это съ ужасомъ и восторгомъ, и вотъ молю Бога, чтобы Онъ до моего послѣдняго дыханія продлилъ во мнѣ подобную же собачью святую ненависть къ русскому Каину. А моя любовь къ русскому Авелю не нуждается даже въ молитвахъ о поддержаніи ея. Пусть не всегда подобны горнему снѣгу одежды бѣлаго ратника — да святится вовѣки память его. Подъ тріумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылаетъ жаркое пламя надъ гробомъ безвѣстнаго солдата. Въ дикой и нынѣ мертвой русской степи, гдѣ почіетъ бѣлый ратникъ, тьма и пустота. Гдѣ тѣ врата, гдѣ то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо тамъ гробъ Христовой Россіи. И только ей одной поклонюсь

я — въ день когда Ангелъ отвалитъ камень отъ гроба ея.

«Будемъ же ждать этого дня. А до того, да будетъ нашей миссіей не сдаваться ни соблазнамъ, ни окрикамъ. Это глубоко важно и вообще для неправеднаго времени сего, и для будущихъ праведныхъ путей самой же Россіи.

«А кромѣ того, есть еще нѣчто, что гораздо больше даже и Россіи и особенно ея матеріальныхъ интересовъ. Это — мой Богъ и моя душа. «Ради самого Іерусалима не отрекусь отъ Господа». Вѣрный еврей ни для какихъ благъ не отступилъ отъ вѣры отцовъ. Святой Князь Михаилъ Черниговскій шелъ въ Орду для Россіи: но и для нея не согласился онъ поклониться идоламъ въ ханской ставкѣ, а избралъ мученическую смерть.

«Говорили — скорбно и трогательно — говорили на древней Руси: «Подождемъ, православные, когда Богъ перемѣнитъ Орду.

«Давайте подождемъ и мы. Подождемъ соглашаться на новый «похабный миръ» съ нынѣшней ордой».

Такъ говорилъ Бунинъ въ Парижѣ въ 1924 году. Эти чувства родились и сложились въ немъ въ то время, когда онъ находился въ Россіи — то подъ игомъ большевиковъ, то въ станѣ борцовъ съ ними — бѣлыхъ русскихъ армій. Эти чувства остались въ немъ горѣть и донынѣ: пріять большевицкой Россіи Бунинъ не можетъ. Но съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ сталъ онъ относиться къ Россіи исторической, въ которой онъ выросъ и сыномъ которой онъ себя съ такой силой ощутилъ при первыхъ выстрѣлахъ Великой Войны. Эта тяга къ Россіи еще больше усилилась при при-

ближенiи Революцiи. Какъ бы инстинктомъ ощущая нависающую гибель исторической Россiи, Бунинъ въ порывѣ сыновней любви и нѣжности въ послѣднiй разъ припадаетъ къ ея святынямъ. Онъ чуть не каждый день ходитъ въ Кремль, въ сотый разъ осматривая его храмы и достопамятности — онъ прощается съ ними, самъ въ себѣ въ томъ не отдавая полнаго отчета. Онъ ѣдетъ въ Троицко-Сергiевскую лавру. Когда же разразилась революцiя эти чувства еще больше усиляются. Онъ готовъ бы предпринять цѣлое паломничество по русскимъ «святымъ мѣстамъ», объѣхать и обойти все доступное, гдѣ остался наиболѣе явственный слѣдъ русской исторiи. Увы, это практически почти уже невозможно. Но что невозможно простому человѣку возможно художнику.

Бунинъ въ разные сроки и въ разныхъ формахъ самъ намъ разсказалъ о своихъ «странствiяхъ».

Вотъ онъ мысленно опять въ имѣнiи князей Д. «Въ ней есть все, что обыкновенно бывало въ подобныхъ усадьбахъ. Есть церковь, построенная знаменитымъ итальянцемъ, есть нѣсколько чудесныхъ прудовъ, есть озеро, называемое Лебединымъ, а на озерѣ островъ съ павильономъ, гдѣ не однажды бывали пиры въ честь Екатерины, посѣщавшей усадьбу. . .» Безъ конца онъ бродитъ по дворцу: «Потолки блистали золоченой вязью, золочеными гербами, латинскими изреченiями. . . Въ лаковыхъ полахъ отсвѣчивала драгоцѣнная мебель. Въ одномъ покоѣ высилась кроватъ изъ какого то темнаго дерева, подъ балдахиномъ изъ краснаго атласа, и стоялъ венецiанскiй сундукъ, открывавшiйся съ таинственной сладкогласной музыкой. Въ другомъ весь простѣнокъ занимали часы съ колоколами, въ третьемъ

— средневѣковый органъ. И всюду глядѣли на меня бюсты, статуи и портреты. Боже, какой красоты на нихъ женщины! Какіе красавцы въ мундирахъ, въ камзолахъ, въ парикахъ, въ бриллiантахъ съ яркими лазоревыми глазами. И ярче и величавѣе всѣхъ Екатерина. Съ какой благостной веселостью красуется, царитъ она въ этомъ роскошномъ кругу!»

Подъ вліяніемъ впечатлѣній о прошломъ рвется у Бунина связь съ настоящимъ, съ окружающимъ его міромъ — онъ чувствуетъ, что уходитъ «въ Элизей воспоминаній и видѣній, въ нѣкій сонъ, блистающій подобіемъ той яркой и разительно живой жизни, въ которой застыли мертвецы съ лазурными глазами въ пустомъ дворцѣ въ подмосковныхъ лѣсахъ». Онъ ощущаетъ себя человѣкомъ, уцѣлѣвшимъ какимъ то чудомъ въ новомъ мірѣ — «что можетъ быть у меня общаго съ этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную?» «И теперь неотступно стоитъ передо мной это солнечное царство лѣтнихъ дней, бора и сказочноспящаго дворца, этихъ воротъ со львами и бурьяномъ наверху, мрачныхъ еловыхъ ущелій, обмелѣвшихъ прудовъ со стайками трясогузокъ на ихъ травянистыхъ берегахъ, озера, заросшаго осокой, навсегда опустѣвшей церкви и пустыхъ блистательныхъ залъ, полныхъ образовъ покойниковъ. . .» Онъ вспоминаетъ стихи Баратынскаго, — его элегію, посвященную предчувствію Элизея, который прозрѣвалъ Баратынскій подъ тяжестью своихъ утратъ и горестей. «Запустѣніе, окружающее насъ неописуемо; развалинамъ и могиламъ нѣтъ конца и счета: что осталось намъ кромѣ «Летійскихъ Тѣней» и той «несрочной весны», къ которой такъ «убѣдительно» призываютъ онѣ насъ?»

Такъ пишетъ Бунинъ въ формѣ письма отъ Друга («Несрочная весна»).

Это произведеніе было написано Бунинымъ въ 1923 году. Значительно позже, въ 1930 году, онъ, подъ заглавіемъ «Странствія», въ болѣе подсушенной и собранной формѣ повѣствуетъ намъ о своихъ послѣднихъ впечатлѣніяхъ отъ «исторической» Россіи, которую онъ уже скоро покинетъ до лучшихъ дней — можетъ быть навсегда... Это рядъ отдѣльныхъ страницъ — въ нихъ запечатлѣна Россія начальной стадіи большевицкой революціи съ силой потрясающей.

«... Этого старичка я узналъ прошлой зимой. Прошлая зима была особенно страшна. Тифъ, холодъ, голодъ... Дикая, глухая Москва тонула въ такихъ снѣгахъ, что подвигомъ казалось выйти на улицу. Да никто и не выходилъ безъ самой крайней необходимости».

Такъ начинаются эти замѣчательные очерки.

Старичекъ жилъ въ какомъ то подземельи въ домѣ присутственнаго мѣста, въ которомъ онъ прежде служилъ — жилъ, окруженный духовными книжками и житіями, образами и лампадками... «Очень сталъ хилъ и печалюсь, говорилъ онъ. Времена опять зашли темныя, жестокія и думаю надолго. Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ и Россія: вся наша исторія — шагъ впередъ, два назадъ къ нашему исконному — къ дикому мужичеству, къ разбитому корыту, къ лыковому лаптю. Помните? «Было столь загажено въ кремлевскихъ палатахъ колодниками, что темнѣли на иконахъ ризы...»

«Вскорѣ онъ умеръ. Въ одно изъ нашихъ послѣднихъ свиданій онъ говорилъ мнѣ:

— Знаете ли вы это чудное сказаніе? Забѣжала шакалка въ пещеру Іоанна Многострадальнаго и разбила его свѣтильникъ, стоявшій у входа. Святой, сидя ночью на полу темной пещеры, горько плакалъ, закрывшись руками, какъ, молъ, совершать теперь чинъ ночной молитвы? Когда же поднялъ лицо, утираясь рукавомъ, то увидѣлъ, что озаряетъ пещеру нѣкій тонкій, невѣдомо откуда струящійся свѣтъ. И такъ съ тѣхъ поръ и свѣтилъ онъ ему по ночамъ — до самой кончины. А при кончинѣ, воспринимая его душу, нѣжно сказалъ ему Ангелъ Господень: «Это свѣтъ твоей скорби свѣтилъ тебѣ, Іоаннъ».

Этимъ свѣтомъ озарены и очерки Бунина, когда онъ обращается къ описанію «исторической Россіи».

Вотъ онъ на могилѣ Гоголя, въ Даниловомъ монастырѣ — на ней таинственно и грустно свѣтилъ огонекъ неугасимой лампады и лежали свѣжіе цвѣты. Возлѣ стояли, кланялись и крестились старичекъ и старушка, очень старомодные, милые и жалкіе. Я спросилъ, кто это такъ хорошо содержитъ могилу. Старичекъ отвѣтилъ: «Монахи. А вы думаете, что все погибло? Нѣтъ еще. . .» — затрясся и заплакалъ. Старушка взяла его подъ руку: «Пойдемъ, пойдемъ, ты совсѣмъ впалъ въ дѣтство», — и повела его, плачущаго, по дорожкамъ къ воротамъ».

Вотъ Бунинъ въ загородномъ домѣ Ивана Грознаго. Вотъ въ «тверскомъ удѣлѣ». Вотъ въ знаменитой подмосковной усадьбѣ. Вотъ въ Измайловѣ, вотчинѣ царя Алексѣя Михайловича — гдѣ теперь помѣщаются казармы имени Баумана. . . Вотъ въ Троицкомъ — помѣстьи графа Румянцева Задунайскаго. Вотъ въ Троицкой Лаврѣ. Вотъ въ Суздальскихъ земляхъ. Вотъ

на Волгѣ, въ Макарьевскомъ монастырѣ. . . И еще въ монастыряхъ, еще въ усадьбахъ, тамъ, гдѣ еще свѣжи слѣды былой, часто незапамятной Руси. . .

И передъ взоромъ поэта встаетъ, какъ живая, старая Русь въ ея первобытной простотѣ.

«. . . Послѣ дождей — опять свѣтлая, тихая весна. Ѣхалъ странно: заливной звонъ колокольчиковъ подъ расписной дугой, тарантасъ, тройка. . . Только тройка — три задранныхъ клячи, тарантасъ — допотопная рухлядь, ямщикъ — въ сплошныхъ заплатахъ. И ни души встрѣчной за всю дорогу. Ямщикъ сказалъ:

— Теперь все пошло на старый жребій.

Въ монастырѣ Саввы соборъ 14 вѣка, теперь всѣми забытый. Поднялся на крутую гору, на Старое Городище. Тамъ тоже древняя церковь — одиноко бѣлѣетъ на самой верхушкѣ; за ней древнія земельныя укрѣпленія, вѣковыя громадныя сосны. Кругомъ ясная и четкая пустыня полей и лѣсовъ, солнечная теплая колкость. . .»

«На Волгѣ видѣлъ Макарьевскій монастырь. Нанялъ лодку. Рыжій мужикъ, первобытный волгарь-рыбакъ, не спѣша ворочалъ веслами, стоя въ ней, и по зеркальной, тихой водѣ подвелъ къ самому монастырю, къ его древнимъ стѣнамъ, изъ-за которыхъ глядѣли главы шести соборовъ. Въ соборахъ все какъ было чуть не тысячу лѣтъ тому назадъ — незапамятная и нерушимая Русь: черные, средневѣковые лики иконъ, черная средневѣковая олифа. . . Но монаховъ въ монастырѣ осталось всего нѣсколько человѣкъ. Живутъ тѣмъ, что возятъ по приволжскимъ городамъ (на паромѣ) древній чудотворный образъ. Я, когда плылъ къ монастырю, какъ разъ встрѣтилъ этотъ паромъ. Онъ шелъ медленнѣе нашей лодки, въ глубокомъ молчаніи.

Золотыя хоругви, бѣлый престолъ, балахоны возцовъ и черныя рясы сопровождающихъ образъ. Всѣ фигуры — и черныя и бѣлыя — сажень ростомъ, великаны. . .»

«Опять весна и опять живу въ большой глуши — въ тѣхъ самыхъ краяхъ, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ жилъ подвижникъ, про котораго сказано:

Ты въ пустыню суровую,
Въ мѣста блатныя, непроходимыя
Поселился еси. . .

Городокъ маленькій, деревянный. Основанъ чуть не въ самомъ началѣ Руси, стоитъ на мутной рѣчкѣ, нижній берегъ которой болотистъ, серебрится кустами ольхи. Середина города, очень малая его часть, окружена высокимъ землянымъ валомъ съ тремя проходами. На валу еще замѣтно мѣсто, гдѣ была когда то сторожевая башня. Валъ заросъ густой травой, въ травѣ высыпали по веснѣ желтыя лиліи. За валомъ древній соборъ, нѣсколько деревянныхъ домишекъ, два государственныхъ зданія и три березовыхъ аллеи, въ которыхъ поютъ птицы. Нѣкоторое пространство въ этомъ зеленомъ кремлѣ не застроено и тоже заростаетъ цвѣтами. Тутъ же прудъ, отражающій берега и весну. Вода имѣетъ цвѣтъ фіалки. Возлѣ пасутся лошади. Полное затишье, вѣтеръ сюда не заходитъ. . .

«На прощаніе попалъ еще въ одно старинное мѣсто, еще въ одну усадьбу. Опять широкій дворъ, стертые камни стариннаго крыльца, въ домѣ сложные вѣковые запахи. . .» Въ библіотекѣ поэтъ начинаетъ пересматривать книги — «комната такая, что кажется остался бы на вѣки. . .» «Въ «Расходной книгѣ» этого имѣнія

прочелъ между прочимъ: «Отпущено псарю Тимофею 60 аршинъ алаго атласу на кафтанъ. . .» — и мысленно увидѣлъ охоту, несущуюся по этимъ серебристымъ лѣсамъ за какимъ нибудь лосемъ, который мчится отъ собакъ по кустамъ и полянамъ, вываливъ на сторону закушенный языкъ. . . Потомъ смотрѣлъ другія книги: откуда въ нихъ, въ самый расцвѣтъ благосостоянія, такихъ тонкихъ и сильныхъ вкусовъ къ жизни, эти вѣчныя стремленія «къ Богу и вѣчности», эти горестно-возвышенные упреки землѣ и человѣку?

Почто, о человѣкъ! стремишься
Всегда за счастіемъ земнымъ?
Неужли ты надеждой льстишься
Во вѣки насладиться имъ?»

Этими словами заканчиваются «Странствія». . . Въ нихъ заднимъ числомъ неразличимо сплавлены прежнія личныя впечатлѣнія о видѣнномъ, личный опытъ революціи и свѣдѣнія и впечатлѣнія, полученныя изъ писемъ и изъ общенія съ людьми, прибывшими изъ Россіи. Своего рода чудо поэтическаго «вездѣсущія» и «всемогущества»!

Изъ центральной Россіи поэтъ попалъ на югъ. Тамъ, въ Одессѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ такъ называемомъ бѣломъ движеніи, редактируя мѣстную газету. Когда Одесса была захвачена большевиками, съ ней вмѣстѣ былъ захваченъ и Бунинъ. Большевики его не тронули — повидимому, по приказу изъ Москвы. Одесса вторично была занята бѣлыми, а когда она была вторично ими покинута, вмѣстѣ съ бѣлыми покинулъ ее и Бунинъ. Онъ впослѣдствіи въ поэтической

формѣ разсказалъ объ этой страшной эвакуаціи, совершенной имъ на французскомъ пароходѣ «Патрасъ».

«Два часовыхъ, два голубыхъ солдатика въ желѣзныхъ каскахъ стояли съ короткими ружьями на плечо возлѣ сходней. Вдругъ откуда-то появился передъ ними высокій яростно запыхавшійся господинъ въ бобровой боярской шапкѣ, въ длинномъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. На рукахъ у него спокойно сидѣла прелестная синеглазая дѣвочка. Господинъ, замѣтно было, повидалъ виды. Онъ былъ замученъ, онъ былъ такъ худъ, что пальто его, нѣкогда дорогое, а теперь вытертое, забрызганное грязью, съ воротникомъ точно зализаннымъ, висѣло, какъ въ вѣшалкѣ. Дѣвочка, напротивъ, была полненькая, хорошо и тепло одѣта, въ бѣломъ вязаномъ капорѣ. Господинъ кинулся къ сходнямъ. Солдаты было двинулись къ нему, но онъ такъ неожиданно и такъ свирѣпо погрозилъ имъ пальцемъ, что они опѣшили, и онъ неловко вбѣжалъ на пароходъ.

Я стоялъ на рубкѣ надъ каютъ кампаніей и съ безсмысленной пристальностью слѣдилъ за нимъ. Потомъ такъ же тупо сталъ смотрѣть на туманившійся на горѣ городъ на гавань. Темнѣло, орудійная, а за ней и ружейная стрѣльба смолкла, и въ этой тишинѣ и уже спокойно надвигающихся сумеркахъ чувствовалось: всему конецъ. Чувствовалось, что дѣло сдѣлано, что городъ сдался... Вскорѣ пошелъ мокрый снѣгъ, и я, насквозь промерзнувъ за долгое состояніе на рубкѣ, побѣжалъ внизъ. Мы уже двигались... шумно заклубилась вода изъ подъ кормы, мы круто обогнули молъ съ мертвымъ, темнымъ маякомъ, выровнялись и пошли полнымъ ходомъ... Конецъ Россіи, сказалъ я себѣ твердо...

На пароходѣ все было загромождено вещами и затоптано грязью и снѣгомъ... Всюду были узлы, чемоданы и люди... Подъ лѣстницей была особенно гнусная тѣснота, образовалось двѣ нетерпѣливыхъ очереди, — одна возлѣ нужниковъ, въ двери которыхъ ожидающіе поминутно стучали, и другая возлѣ лакеевъ, раздававшихъ красное вино...

«Патрасъ» былъ старъ, перегруженъ, погода разыгрывалась все круче... Вода все яростнѣе неслась вдоль нашихъ тонкихъ стѣнъ... Проклятый корабельный полъ, косой, предательскій, зыбко уходилъ изъ подъ ногъ. И когда онъ уходилъ особенно глубоко, въ стѣну особенно тяжко ударяла громада воды, все старавшаяся однимъ махомъ сокрушить и захлестнуть «Патрасъ»... Не раздѣваясь... я нащупалъ нижнюю койку и, улучивъ удобную минуту, ловко повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило... Въ полуснѣ, въ забытіи я что-то думалъ, что-то вспоминалъ... Вдругъ я совсѣмъ очнулся, вдругъ всего меня озарило необыкновенно яркимъ сознаніемъ: да, такъ вотъ оно что — я въ Черномъ морѣ, я на чужомъ пароходѣ, я зачѣмъ то плыву въ Константинополь, Россіи — конецъ, да и всему, всей моей жизни тоже конецъ... Только какъ же это я не понималъ, не понялъ этого раньше, а лишь гдѣ то въ глубинѣ души черезъ силу несъ какую то несказанно тяжкую тоску?

— Конецъ, конецъ».

VI

МЕССА ПОЛА.

Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

Бунинъ.

Любовь — вездѣ любовь, т. е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному! По какой то чудной противуположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство наконецъ дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой.

Лермонтовъ.

... Кто въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стынетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній, —
Самоубійство и любовь?

Тютчевъ.

Проблема любви величественна и трагична въ изображенiи Бунина. Такой она была на зарѣ его писательской дѣятельности — такой она останется для него въ разгаръ его творчества.

Юношей онъ публикуетъ разсказъ «Вельга» — трогательное сказанiе о сѣверной дѣвушкѣ, которая любила рыбака Ирвальда, тогда какъ онъ любилъ сестру ея, Снеггаръ. Вельга готова убить Ирвальда — такъ она страдаетъ. Но вотъ буря уноситъ Ирвальда — объ этомъ узнаетъ Снеггаръ отъ вѣщей Чарны. Снеггаръ плачетъ. Не плачетъ Вельга. Она идетъ къ Чарнѣ, и та указываетъ ей путь къ Ирвальду. Два дня и двѣ ночи ей придется плыть въ тоскѣ и страхѣ среди моря — «а когда ступишь на островъ, гдѣ томится Ирвальдъ, обратишься ты въ чайку, и не узнаетъ онъ, для кого ты погибла.» Какъ первый снѣгъ побѣлѣла Вельга, но, не сказавъ прости, ни отцу, ни матери, ни сестрѣ, поспѣшила къ морю и прыгнула въ лодку. Слезы горѣли на ея глазахъ, а вѣтеръ развѣвалъ ея бѣлую одежду и дулъ ей въ лицо съ Ледянаго моря... Къ вечеру послѣдняго дня показался утесъ — Ирвальдъ лежалъ у прибоя, обезсиленный предсмертнымъ сномъ отъ холода и голода «— Ирвальдъ! — крикнула Вельга страстно и звонко. Отъ голоса ея мгновенно очнулся Ирвальдъ. Хотѣла Вельга крикнуть ему, что она любитъ его, какъ въ дѣтствѣ, но не коснулись ея ноги земли, когда она прыгнула съ лодки на берегъ: въ воздухѣ повисла она крылатой бѣлой чайкой и крикъ ея раздался жалобно-радостнымъ крикомъ чайки надъ Ирвальдомъ. . . Онъ уплылъ на востокъ. Она долго вилась надъ водой, провожая Ирвальда. А когда онъ скрылся вдали, закачалась она безпрiютной чайкой по вѣтру. Такъ тоскуетъ

она и донынѣ, вспоминая утесы въ туманѣ, гдѣ когда то томился Ирвальдъ. Но въ стенаніяхъ ея звучитъ радость.»

Любовь возвышена не только въ легендахъ — когда она касается человѣка, она поднимаетъ его надъ всѣмъ міромъ пріобщаетъ его къ чему то несказанно прекрасному.

«Около одиннадцати часовъ вечера въ гостиной наступило на минуту молчаніе и она какъ бы мелькомъ взглянула на меня.

— Ну, мнѣ пора, — сказала она съ легкимъ вздохомъ, и у меня дрогнуло сердце отъ предчувствія какой то большой радости и тайны между нами».

Такъ начинается разсказъ «Осенью», написанный нѣсколькими годами позже.

Оба выходятъ вмѣстѣ, ѣдутъ къ морю.

«Вѣтеръ торопливо шуршалъ и бѣжалъ, путаясь въ кукурузѣ, лошади быстро неслись ему навстрѣчу... Она низко наклонила голову противъ вѣтра, потомъ повернулась ко мнѣ... «Куда мы ѣдемъ? Откуда ты и кто ты? Я какъ будто въ первый разъ вижу тебя...»

«Мы были одни. Я цѣловалъ ея губы... цѣловалъ глаза... цѣловалъ походолѣвшее отъ морскаго вѣтра лицо, а когда она сѣла на камень, сталъ передъ ней на колѣни, обезсиленный радостью.

— А завтра? — говорила она надъ моей головой.

— Что завтра? — повторилъ я ея вопросъ и почувствовалъ, какъ у меня дрогнулъ голосъ отъ слезъ непобѣдимаго счастья...»

«Я смотрѣлъ на нее съ восторгомъ безумія, и въ тонкомъ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное счастливое и усталое лицо казалось мнѣ прекраснымъ, какъ у безсмертной».

Какъ приходитъ то радостное и страшное, что на человѣческомъ языкѣ называется любовью? Этого нельзя постигнуть. Отъ лица молодой дѣвушки Бунинъ передаетъ намъ ощущеніе этой непостижимости. «Счастье» называется этотъ разсказъ. Наташа узнаетъ отъ отца, что на слѣдующій день пріѣзжаетъ къ нимъ на усадьбу Сиверсъ, молодой человѣкъ, о которомъ она уже давно думаетъ, какъ о женихѣ, пріѣзжаетъ дѣлать ей предложеніе. Ночь она проводитъ въ мечтахъ. «Сиверса я тогда знала мало; мужчина, съ которымъ я мысленно проводила эту самую нѣжную ночь моей первой любви, былъ не похожъ на него, и все таки мнѣ казалось, что я думаю о Сиверсѣ. Я почти годъ не видала его, а ночь дѣлала его образъ еще болѣе неопредѣленнымъ, красивымъ и желаннымъ... Наступилъ глубокій часъ ночи... Соловьи умолкли... Я приподнялась въ постели и почувствовала себя въ полной власти этого таинственнаго часа... Я вдругъ вспомнила шутливое обѣщаніе Сиверса прійти какъ нибудь ночью въ нашъ садъ на свиданіе со мной... А что если онъ не шутилъ?.. «Боже мой, — подумала я съ восторгомъ: — жизнь мало отдать за такое счастье...» Подавляя внутреннюю дрожь, я стала одѣваться... Куда? Къ нему, отвѣчала я себѣ твердо... Было такъ тихо, что слышно было рѣдкое паденіе капель съ нависшихъ вѣтвей... Въ каждой тѣни мнѣ чудилась человѣческая фигура, сердце у меня поминутно замирало... я была почти увѣрена, что кто-то тотчасъ же неслышно и крѣпко обниметъ меня... Никого не было... Но я еще долго чего не ждала... И еще долго близкое и неуловимое вѣяніе счастья чувствовалось вокругъ меня, — то страшное и большое, что въ тотъ или иной моментъ встрѣчаетъ почти всѣхъ насъ

на порогѣ жизни. Оно вдругъ коснулось меня, — и, можетъ быть, сдѣлало именно то, что нужно было сдѣлать: коснуться и уйти. . .»

Черезъ нѣсколько лѣтъ мы имѣетъ новый варіантъ все той же темы. «Старая Пѣснь» — такъ назвалъ въ 1908 году Бунинъ разсказъ о томъ, какъ «онъ» встрѣтилъ «ее» на станціи, гдѣ она ждала кого то, какъ онъ пошелъ съ ней въ лѣсъ, какъ въ лѣсу обнаружилось, что она неравнодушна къ нему, какъ они простились и она вдругъ сказала ему: «Дайте я поцѣлую васъ — на прощаніе. . . вѣдь мы больше не увидимся» — и поцѣловала его въ губы, потомъ грустно и нѣжно посмотрѣла въ лицо, подумала и поцѣловала одинъ глазъ, другой. . . какъ дома у нея онъ засталъ худого широкоплечаго человѣка — его и ждала она на станціи — и какъ она опять сказала ему «прощайте» — послѣднее слово слышанное имъ отъ нея. . .

Черезъ четыре мѣсяца пришло письмо отъ нея. Человѣкъ котораго она ждала на станціи, увезъ ее — онъ оказался сильнѣе ея, но, писала она, «если я кого-нибудь любила за всю свою жизнь, то это васъ». Она описывала жизнь въ горахъ съ постылымъ больнымъ человѣкомъ. . . «Больше писать вамъ вѣрно не буду. Если встрѣтимся и я буду свободна, поцѣлую ваши руки отъ радости — дѣлайте тогда со мной, что хотите. Нѣтъ — такъ тому и быть».

Это письмо дошло до него Богъ знаетъ когда — въ Крыму. Надо было отвѣтить, но что? «Я самъ едва выпутался изъ не менѣе тяжелой исторіи».

И онъ отложилъ отвѣтъ на письмо. . . а потомъ получилъ записку изъ Женевы: «Исполняя волю моей доче-

ри, сообщаю вамъ, что она скончалась отъ преждевременныхъ родовъ 17 сего марта».

Любовь возвышена и прекрасна даже, когда она кончается смертью. Но она можетъ быть и совсѣмъ иной — темной, принижающей, порабощающей человѣка. Эпоха созрѣванія бунинскаго таланта совпала съ временемъ, когда глаза его были широко отверзты на низменность и убожество человѣческой природы. Трагичность проблемы любви, ея пограничность съ проблемой смерти была изначала понятна Бунину — но какой идилліей кажутся его ранніе эскизы, посвященные этой темѣ, по сравненію съ его мастерскими композиціями болѣе поздняго времени. Мы знакомы уже съ «Игнатомъ». Страшна и темна сила любви, въ этомъ разсказѣ изображенная. И страшное явленіе — женщина.

Любка! Она не злодѣйка, не преступница въ тривіальномъ смыслѣ этого слова. Ничего въ ней нѣтъ отталкивающаго или даже рѣзко антипатичнаго. Это — существо, находящееся по ту сторону пониманія добра и зла, — и въ этомъ тайна той силы, которой она обладаетъ. Она вся состоитъ изъ плотскихъ инстинктовъ, съ чисто звѣриной смѣтливостью стремится она ихъ удовлетворять. Лгать? Она не знаетъ, что значитъ правда, и лжетъ съ тѣмъ женскимъ безстыдствомъ, которое обезоруживаетъ мужчинъ. Прибавьте къ этому повышенное половое притяженіе, которымъ она обладаетъ по отношенію къ мущинамъ, и вы оцѣните зарядъ «катастрофъ», который таится въ подобной женщинѣ. Горе тому, кого коснется любовь къ ней: сила благословенная обратится въ силу, несущую проклятіе. Игнатъ — существо низкаго порядка. Но въ сознаніи читателя онъ — жертва. Онъ человѣкъ, кото-

рому свойственны человѣческія черты. Что есть человѣческаго въ Любкѣ? Вся грандіозность проблемы соотношенія «мужескаго» и «женскаго» во всю величину поднята Бунинымъ въ этомъ разсказѣ. Игнатъ, грубый пастухъ, способный изъ за гривенника начать душить на большой дорогѣ несчастную дѣвчонку для того, чтобы напиться, и что же? Это человѣкообразное существо передъ страшнымъ явленіемъ безличнаго женскаго начала выростаетъ въ личность, пораженную судьбой, носящую на себя печать трагическаго. Ибо велика сила женскаго начала, — каждый мужчина могъ бы оказаться на мѣстѣ Игната: безсиленъ мужчина передъ властью женщины, и только черезъ катастрофу можетъ онъ порвать узы соблазна. . .

Но не можетъ ли быть и явленія обратнаго, когда женщину губитъ любовь? Эту тему трактуетъ Бунинъ въ произведеніи той же эпохи, какъ и «Игнатъ» — въ разсказѣ «При дорогѣ».

Парашка, еще дѣвчонкой, знакомится съ проѣзжимъ мѣщаниномъ. Онъ сразу поразилъ ее — и больше всего красотой своихъ «твердыхъ глазъ». Бывшій при этомъ старикъ, замѣтившій это, говоритъ ей на прощаніе странныя слова:

— Прощай, спасибо тебѣ, красавица. Попомни, что сказалъ тебѣ страшный старый босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ то не заглядывайся». Парашка съ этого момента не перестаетъ думать о мѣщанинѣ. Она выростаетъ. Въ ней рождается женщина, и эта женщина — во власти мѣщанина. Ранней весной, въ вѣтеръ и снѣгъ, ѣдетъ она съ отцомъ по селу — имъ навстрѣчу попадается, тоже въ те-

лѣгѣ, мѣщанинъ. Онъ перекидывается нѣсколькими словами съ отцомъ Парашки.

«— Ай ты его знаешь?

— Кто жъ его плута не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ. — Онъ у Балмашева жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать...

Парашка оправила платье, запахнула лицо шалью, задержала дыханіе... Сердце ея колотилось, лицо стало серьезно. Эту неожиданную встрѣчу она приняла, какъ должное, даже не удивилась ей: удивилась только легкости, съ которой неожиданно переломилась ея судьба».

Мѣщанинъ сталъ наѣзжать къ Устину. Парашка узнала сладость перваго поцѣлуя. Узнала, наконецъ, и большее. Она потрясена — но не радостью, нѣтъ. Она чувствуетъ одно: она пропала. «Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она и не подозрѣвала прежде, въ какомъ навожденіи она жила, какъ много думала она все объ одномъ и томъ же, сколько смутныхъ плѣнительныхъ картинъ какихъ то дальнихъ, счастливыхъ городовъ, степей, дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то... Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ — и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его. Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка... Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она незамѣтно для самой себя давала волю сердцу — и мысли ея туманились. Она вспоминала,

какъ любила, какъ ждала кого-то — и любовь возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому, отъ жалости къ себѣ, отъ нѣжности къ тому, кого, она, казалось, такъ долго любила».

И вотъ онъ пришелъ опять. «Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій. . . И вдругъ сладко и жутко захолонуло сердце отъ властной простоты его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что показалось ей первый разъ такимъ ужаснымъ. Сладкое головокруженіе вызвало даже сознаніе преступности, какой то противуестественности того, что сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которой она, какъ настоящая любовница, должна встать и итти за нимъ. И она молча встала, пошла — и отдалась ему уже съ неподдѣльной страстью».

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ онъ пришелъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила: «Хорошо. . .»

Онъ ушелъ. Парашку охватило безчувствіе — «тупость, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе» злоба и отвращеніе къ Никанору не проходили, но «воспоминаніе о томъ, что было подъ дубками, сладостно отнимало руки и ноги при мысли о бѣгствѣ, въ которое она все же же плохо вѣрила, чувствуя невозможность разлуки съ отцомъ. Спала она эту недѣлю очень много и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что вотъ вотъ предстоитъ ей».

Наконецъ, пришла послѣдняя ночь.

Она готовила Парашкѣ еще одно потрясеніе. Ночью подошелъ къ ней отецъ приласкать ее. «Сердце ея затрепетало. — «Батюшка! — со слезами хотѣла крикнуть она, онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю кого люблю, а тебя — въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю...» И тутъ — внезапно почувствовала что и онъ подошелъ къ ней, какъ мущина...

— «Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледенѣвшія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія подумала: — «А-а! Такъ вотъ оно что!»

Днемъ явился Никаноръ.

«— Что же ты?... Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глядя на него, спрыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась прямо къ воротамъ на варокъ... На двери денника висѣлъ большой замокъ. Парашка обернулась. — Ключа у меня нѣтъ, — сказала она, глядя на Никонора большими стоячими прозрачно-зелеными глазами».

Никаноръ сбиваетъ замокъ и входитъ къ денникъ. Парашка зажимаетъ замокъ въ своей маленькой загорѣлой рукѣ и въ тотъ моментъ, когда Никаноръ наклоняется, всматриваясь въ сумракъ — дѣлаетъ большой шагъ и неумѣло, но изо всей силы ударяетъ его замкомъ въ високъ.

«Онъ коротко споткнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подскакнула, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у воротъ, всхрапнула и вмѣстѣ съ ней вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, а Парашка — въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обер-

нувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь. Парашка взвигнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ. . .

Многіе, что ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее быстро бѣжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ по хлѣбамъ. Порой она присѣдала, выглядывала — и опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее далеко за городомъ, только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусала трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой».

Грубыми мужскими руками загрязнено и исковеркано прелестное, исполненное поэзіи и чистоты, воплощеніе женственности. Парашка коснулась того «страшнаго и большаго», что стоитъ на порогѣ жизни почти каждой женщины — въ ужасѣ увидала она себя въ грязи, на порогѣ преступленія, уйти отъ котораго не могла иначе, какъ черезъ другое преступленіе — и заплатила безуміемъ. За что? Только за то, что поднялись въ ней, понесли ее куда то какія то стихійныя силы! Не могла выдержать ея душа разительнаго контраста между свѣтомъ, котораго ждала она, и мракомъ, въ которомъ оказалась.

«Страшны пути Твои, Господи» говоритъ Бунинъ въ разсказѣ «Старая исторія», когда до героя разсказа доходитъ свѣдѣніе о кончинѣ той, которая не дождалась письма отъ него. Во-истину, страшны, можно только повторить, переживъ трагедію Парашки. Безуміе, кровь, смерть — какъ все это близко, какъ неразрывно

связано съ любовью! «Не забывай — сказалъ Возвышенный — не забывай, юноша, жаждущій возжечь жизнь отъ жизни, какъ возжигается огонь отъ огня, что всѣ страданія этого міра, гдѣ каждый либо убійца, либо убиваемый, всѣ скорби и жалобы его — отъ любви». Эти слова вспоминаетъ Бунинъ въ другомъ своемъ твореніи, въ которомъ опять въ новомъ свѣтѣ трактуется проблема любви — въ извѣстномъ намъ уже разсказѣ «Братья». Англичанинъ почти до безчувствія загоняетъ рикшу. Этотъ юноша однажды, вернувшись домой, узналъ, что невѣста его исчезла. Два дня просидѣлъ онъ въ столбнякѣ дома. Потомъ опять началъ работать, жадно копить деньги и, казалось, совсѣмъ забылъ о невѣстѣ. Благополучно, съ виду даже счастливо, проработалъ онъ съ полгода. И вотъ, попадаетъ онъ къ англичанину, который на немъ ѣздитъ цѣлый день. Къ ночи, еще болѣе пахучей, чѣмъ день, въ полномъ изнеможеніи, возбужденный бетелемъ и виски, озлобленный рикша подлетаетъ съ своимъ англичаниномъ къ балкону загороднаго дома, высаживаетъ его и, обѣгая домъ, вдругъ шарахается такъ, точно его ударили палкой: «стоя возлѣ открытаго и освѣщеннаго окна втораго этажа, — въ японскомъ халатикѣ краснаго шелка, въ тройномъ ожерельѣ изъ рубиновъ, въ золотыхъ широкихъ браслетахъ на обнаженныхъ рукахъ, — на него глядѣла его невѣста, та самая дѣвочка-женщина, съ которой онъ уже уговорился полгода тому назадъ обмѣняться шариками изъ риса. Его внизу въ темнотѣ она не могла видѣть. Но онъ сразу узналъ ее — и, отшатнувшись, застылъ на мѣстѣ. Онъ не упалъ, сердце его не разорвалось, оно было слишкомъ молодо и сильно. Простоявъ съ минуту, онъ присѣлъ на землю,

подъ вѣковой смоковницей, вся вершина которой, какъ райское дерево, горѣла и трепетала розсыпью огненно-зеленыхъ искръ. Онъ долго смотрѣлъ на черную круглую головку, на красный шелкъ, свободно обнимавшій маленькое тѣло, и на поднятыя, поправлявшія прическу руки той, что стояла въ рамѣ окна. Онъ сидѣлъ на корточкахъ до тѣхъ поръ, пока она не вернулась и не прошла въ глубину комнаты. А когда она скрылась, онъ мгновенно вскочилъ на ноги, поймалъ на землѣ оглобли, птицей пролетѣвъ черезъ дворъ за ворота и опять, опять пустился бѣжать — на этотъ разъ уже твердо зная, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, и самъ управляя своей сразу освободившейся волей». Бѣжитъ онъ къ старику изъ Мадуры. Золотой, завѣтный золотой, который онъ заранѣе досталъ изъ кожанаго гамана, привѣшаннаго къ поясу, быстро сдѣлалъ свое дѣло: назадъ рикша выскочилъ съ коробкой, къ которой что-то билось и извивалось тугими кольцами. Рикша полетѣлъ съ своей ношей на берегъ океана. Тамъ онъ сѣлъ смѣло, «какъ резидентъ» на скамью и быстро развязалъ, распуталъ шнурокъ... «Впрочемъ, кто знаетъ, какъ именно сдѣлалъ онъ это? Твердыми или дрожащими руками? Быстро, рѣшительно или нѣтъ? А послѣ, долго ли колебался? Долго ли смотрѣлъ на темный шумящій океанъ, на слабый звѣздный свѣтъ, на Южный Крестъ, Ворона, Канопуса? Оскалился ли по-собачьи на городъ резидентовъ или на богатый отель, свѣтившій далеко своимъ подъѣздомъ? Вѣрно онъ сразу раскрылъ коробку и твердо положилъ лѣвую руку на тѣ ледяныя, какъ мертвое тѣло, пружины, что взвивались въ коробкѣ: укушенъ онъ былъ въ самую ладонь цѣлыхъ три раза».

«А укусъ тотъ нестерпимо жгучъ, — онъ подобенъ удару электрическаго тока и съ головы до ногъ пронзаетъ все тѣло человѣка такой несказанной болью, такой мукой, что послѣ него даже обезьяны жалобно вскрикиваютъ и разражаются рыданіями, дѣтскими, страстными, отчаянно-молящими. Рикша вѣрно не вскрикнулъ и не зарыдалъ: онъ слишкомъ хорошо зналъ, на что идетъ. . .» Наступаютъ страшныя обмиранія — «Ихъ, этихъ обмираній, бываетъ нѣсколько и каждое изъ нихъ, ломая человѣка, перехватывая ему дыханіе, частями уноситъ человѣческую жизнь, человѣческія способности и чувства: мысль, память, зрѣніе, слухъ, боль, горе, радость, ненависть — и то послѣднее, всеобъемлющее, что называется любовью, жаждой вмѣстить въ свое сердце весь зримый и незримый міръ и вновь отдать его кому-то».

Парашка погибла, сама не понимая того, что надъ нею свершилось. Рикша такъ былъ узявленъ измѣной своей возлюбленной, что освобожденіемъ для него былъ страшный змѣиный укусъ, лишившій его жизни. Надъ обоими виситъ сознаніе обреченности — по отношенію къ Парашкѣ любопытна прибавка, сдѣланная Бунинымъ въ пересмотрѣнной имъ позднѣйшей редакціи разсказа: въ фразѣ «тупость, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе», послѣ слова «тупость», Бунинъ вставляетъ теперь слова «какая-то обреченность», — но въ обоихъ случаяхъ передъ нами жертвы, обреченныя на гибель какой то внѣшней для нихъ силой. Иное мы видимъ въ разсказѣ «Сынъ», написанномъ во время войны (въ 1916 году).

Мать двухъ дѣвочекъ, счастливая въ бракѣ, уже старѣющая женщина, жена состоятельнаго француза, по-

селившагося въ Константинѣ, любитъ, какъ сына, молодого экзальтированнаго человѣка, принятаго въ домѣ, какъ родной. Онъ страстно влюбляется въ г-жу Маро. Любитъ ли она его? Ей кажется, что она любитъ его, какъ сына. Эмиль тоже долго думаетъ, что онъ только преданъ ей. Наконецъ, онъ перестаетъ владѣть собой и однажды признается въ своей любви. Онъ уѣзжаетъ — потомъ неожиданно прiѣзжаетъ, вопреки запрету, наложенному г-жей Маро.

«Я прiѣхалъ потому, что понялъ, что сами силы небесныя не могутъ остановить меня». Засталъ ее Эмиль въ состоянiи безсознательномъ. Г-жа Маро, женщина, по всѣмъ даннымъ, нормальная и здоровая, хотя и хрупкая, одинъ лишь разъ доставила своему мужу большую тревогу: однажды въ Тунисѣ арабъ-фокусникъ такъ быстро и глубоко усыпилъ ее, что она насилу пришла въ себя. За нѣсколько мгновенiй до прихода Эмиля она, думая объ этомъ случаѣ и его вспоминая, внезапно оцѣпенѣла и пришла въ себя, когда передъ ней былъ Эмиль.

— «Вотъ я такъ и предчувствовала — какъ то невыразительно сказала она. — Вы не послушались меня...

Черезъ десять минутъ она вышла, причесанная, въ легкомъ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ отѣнкомъ ириса... Она поправляла прическу, улыбалась и глядѣла на меня, — и вдругъ эта улыбка какъ то исказилась и она съ трудомъ, но твердо выговорила:

— Вамъ все же надо поѣхать къ себѣ, отдохнуть съ дороги, — на васъ лица нѣтъ, у васъ такiе страдальческiе, ужасные глаза, и горящiя губы, что я не въ силахъ больше видѣть этого... Хотите я поѣду съ вами, провожу васъ?..

Мы быстро пріѣхали въ виллу Хашимъ...

— Но послушай... какъ же мы... есть что нибудь съ тобой — спросила она.

Я сперва не понялъ ея...

— Какъ? — спросила она съ изумленіемъ, почти строго. — Неужели ты думалъ, что я... что мы можемъ жить послѣ этого? Есть у тебя что нибудь, чтобъ умереть?

Умерла она твердо. Въ послѣднія мгновенія она преобразилась.

Цѣлуя меня и отстраняясь, чтобы видѣть мое лицо, она сказала мнѣ шопотомъ нѣсколько столь нѣжныхъ и трогательныхъ словъ, что я не въ силахъ ихъ повторить...

За минуту до смерти она сказала очень тихо, но просто:

— Боже мой, этому имени нѣтъ.

И еще:

— Гдѣ цвѣты, что ты далъ мнѣ? Поцѣлуй меня — въ послѣдній разъ.

Она сама приставила дуло къ виску. Я хотѣлъ выстрѣлить, она остановила меня.

— Нѣтъ не хорошо, дай я поправлю. Вотъ такъ, дитя мое... *А потомъ* перекрести меня и положи мнѣ цвѣты на грудь...

Когда я выстрѣлилъ, она сдѣлала легкое движеніе губами. Я выстрѣлилъ еще разъ...

Она лежала спокойно. Волосы ея были распущены, черепаховый гребень валялся на полу. Я, шатаясь, всталъ, чтобы покончить съ собой. Но въ комнатѣ, несмотря на жалюзи, было свѣтло, я рѣзко видѣлъ въ этомъ свѣтѣ ея уже поблѣднѣвшее лицо... И вдругъ

мною овладѣло безуміе, я бросился къ окну, раскидалъ, распахнулъ ставни, сталъ кричать и стрѣлять въ воздухъ... Остальное вы знаете...»

И здесь та же обреченность! Здѣсь къ тому же больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ произведеніяхъ Бунина, эта обреченность пріобрѣтаетъ характеръ патологическій, связанный съ явленіями медіумическими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ передъ нами не просто жертва какихъ то невѣдомыхъ, непреоборимыхъ силъ, а личность человѣка, сознательно приносящаго себя въ жертву, сознательно казнящаго себя за неспособность побороть эти силы... И больше всего потрясаетъ въ этомъ разсказѣ то, что мракъ обреченности одновременно является и свѣтомъ радости. Пронзительная трагичность разсказа въ томъ, что г-жа Маро совершаетъ не актъ капитуляціи передъ своей страстью — съ нею бы она совладала! — а актъ жалости по отношенію къ любимому человѣку, страстью покоренному. Но такъ велико и неколебимо сознаніе грѣховности, запретности этого сближенія, и такъ велико ощущеніе свѣта и радости, этимъ сближеніемъ даруемаго, что, не колеблясь, г-жа Маро, поддаваясь жалости, подписываетъ своему возлюбленному — какъ и себѣ — смертный приговоръ. Трудно представить себѣ высшее и болѣе величественное проявленіе культа любви! И однако правдивость художника безпощадна. Онъ послѣднимъ штрихомъ показываетъ намъ, что это было только марево, наважденіе. Есть неизреченная красота въ самозакланіи женщины, на которое пошла г-жа Маро — вы чувствуете дуновеніе самоотреченной любви — той настоящей, великой любви, которая звенитъ въ крикѣ Вельги, обращенной въ чайку. И все же это лишь маре-

во, наважденіе. Свѣтъ солнца разсѣиваетъ его въ одинъ моментъ, въ тотъ роковой моментъ, когда выстрѣлъ изъ револьвера, покончившій земной путь г-жи Маро, разряжаетъ зарядъ сексуальнаго напряженія, подъ знакомъ котораго жили и она и Эмиль. И то «безуміе», которое овладѣваетъ въ этотъ моментъ Эмилемъ, есть пробужденіе его затуманеннаго сознанія, есть освобожденіе отъ чаръ, купленное цѣной катастрофы.

Вернувшись къ писанію послѣ перерыва, созданнаго революціей, Бунинъ опять обращается къ вѣчному вопросу:

Что такое любовь?

«Любовь — это когда хочется того, чего нѣтъ и не бываетъ», пишетъ «она» въ «Старой пѣснѣ» своему любимому, который въ значительной степени созданъ былъ въ ея воображеніи. Эту же тему снова обрабатываетъ Бунинъ, но на этотъ разъ уже доводя ее до максимальной рѣзкости: теперь «она» вовсе не знаетъ «его». Она полюбила его, какъ писателя, и вступила съ нимъ въ переписку. Онъ ни разу на эти письма не отвѣтилъ — и все таки съ ея стороны мы видимъ настоящую любовь. Прелестны, очаровательны эти письма, и не могла не быть очаровательной и прелестной та, которая ихъ писала — душа тонкая и нѣжная сквозитъ въ нихъ. Романъ, поистинѣ благоуханный, обрывается послѣднимъ письмомъ.

«Прощайте, мой невѣдомый другъ. . . Благодарю Васъ, что Вы не отозвались. . . Что бы Вы могли сказать мнѣ? . . И что бы я нашла сказать Вамъ еще, кромѣ сказанного? Больше у меня ничего нѣтъ. Я все сказала. Въ сущности о всякой человѣческой жизни можно написать только двѣ-три строчки. . .

Съ страннымъ чувствомъ — точно я кого то потеряла — опять остаюсь одна. . . и опять возвращаюсь къ спокойному дневнику, странную надобность котораго, равно какъ и Вашихъ писаній, знаетъ только Богъ.

Нѣсколько дней тому назадъ видѣла Васъ во снѣ. Вы были какой то странный, молчаливый, сидѣли въ углу темной комнаты и были не видны. А все таки я Васъ видѣла. Но и во снѣ я чувствовала: какъ можно видѣть во снѣ того, кого никогда не видѣлъ въ жизни? Вѣдь только Богъ творитъ изъ ничего? И мнѣ было очень жутко, и я проснулась въ страхѣ, съ тяжелымъ чувствомъ.

Черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ не будетъ, вѣроятно, ни меня ни Васъ въ этомъ мірѣ. До встрѣчи въ иномъ. Кто можетъ быть увѣренъ, что его нѣтъ? Вѣдь мы не понимаемъ собственныхъ сновъ, созданій своего собственнаго воображенія. Наше ли оно, это воображеніе, то есть говоря точнѣе, то, что мы называемъ нашимъ воображеніемъ, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли волѣ подчиняемся, стремясь къ той или иной душѣ, какъ я стремилась къ Вашей? — Прощайте. Или, нѣтъ, все таки до свиданія».

Свиданіе въ *будущемъ* — а не бывало ли встрѣчъ въ прошломъ? Не есть ли любовь «*воспоминаніе*?»

«Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невѣсту и увидавъ Ясодохру, у которой былъ станъ богини и глаза лани весной, натворилъ, возбужденный ею, чортъ знаетъ чего въ состязаніи съ прочими юношами, — выстрѣлилъ, напримѣръ, изъ лука такъ, что было слышно на семь тысячъ миль, — а потомъ снялъ съ себя жемчуж-

ное ожерелье, обвилъ имъ Ясодохру и сказалъ: «Потому я избралъ ее, что играли мы съ ней въ лѣсахъ въ давнопрошедшія времена, когда я былъ сыномъ охотника, а она дѣвой лѣсовъ: вспомнила ее душа моя». На ней было въ тотъ день черно-золотое покрывало, и царевичъ взглянулъ и сказалъ: «Потому черно-золотое покрывало на ней, что миріады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я видѣлъ ее въ лѣсахъ пантерой: вспомнила ее душа моя». Вы простите меня за всю эту поэзію, но въ ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ поразительныхъ словъ на счетъ воспоминаній души и въ то, какой это ужасъ, когда эту священнѣйшую въ мірѣ встрѣчу нарушаетъ посторонній. . .»

Такъ разсуждаетъ въ извѣстномъ намъ уже разсказѣ «Въ ночномъ морѣ» тотъ изъ двухъ опустошенныхъ людей, у котораго отнята была его собесѣдникомъ любимая женщина. И потомъ разсказываетъ: «Вѣдь это была та самая, которую «вспомнила душа моя», была моя первая и такая жестокая, многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой довѣрчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно. . . И вѣдь это мнѣ первому, въ какомъ то божественномъ блаженствѣ и ужасѣ, отдала она все, что даровалъ ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то есть самое прекрасное, что есть въ мірѣ, истинно милліоны разъ цѣловалъ я въ такомъ изступленіи, равнаго которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, пилъ, загонялъ лихачей, въ ярости уничтожалъ свои лучшія, цѣннѣйшія быть можетъ работы. . .»

14 сентября 1924 года Бунинъ написалъ послѣднія строки своей первой большой вещи, созданной имъ за рубежомъ — одного изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ произведеній — «Митиной любви».

Митя и Катя любятъ другъ друга первой любовью молодыхъ людей, едва входящихъ въ міръ. Катя поверхностна и пуста. Митя, можетъ быть, въ остальныхъ отношеніяхъ и заурядный человѣкъ, но чувствуетъ онъ глубоко и сильно. Они еще не перешли завѣтной черты, но многое познали. Для Кати, втягивающейся въ столичную жизнь и пріобщающейся къ средѣ, связанной съ искусствомъ, связь съ Митей пріобрѣтаетъ постепенно характеръ флирта, не единственнаго, можетъ быть даже не главнаго. Для Мити это «Любовь», возвышенная, наполняющая его жизнь и придающая цѣломудренный характеръ всему тому, что молодые люди другъ другу позволяютъ. Митя чувствуетъ, что Катя ему не вѣрна. Онъ ревнуетъ. Онъ измученъ самъ и ее измучилъ въ такой степени, что, наконецъ, они рѣшаются на шагъ нелѣпый — «для выясненія отношеній» они временно разстаются, и Митя ѣдетъ въ деревню.

Тамъ онъ продолжаетъ жить своей экстатической любовью, которая отъ разлуки становится все болѣе напряженной и постепенно пріобрѣтаетъ характеръ положительной одержимости. Изумительно изображеніе Бунинымъ того, какъ весеннее воскрешеніе природы, думы о Катѣ и молодое и неудовлетворенное сексуальное чувство Мити сливаются въ мучительно сладкую симфонію, наполняющую міръ. Эта симфонія сначала носитъ торжественно-радостный характеръ: отъ Кати есть вѣсти — все въ природѣ, въ мірѣ, въ Митиной душѣ ликуетъ. Рѣдко, рѣдко раздаются среди этой гар-

моніи звуки кричащаго диссонанса: вотъ ночью страшнымъ, ерническимъ смѣхомъ заклохталъ сычъ — и этотъ дьявольскій любовный ужасъ отравилъ на всю ночь душу Мити. «А, думалъ онъ, кто знаетъ, гдѣ и съ кѣмъ теперь Катя и не совершаетъ ли и она въ эту ночь свою животную любовь!» Однако, солнце утромъ разсѣиваетъ ночныя терзанія. Все свѣтло въ мірѣ, въ которомъ опять Катя — «душа, этотъ міръ воплотившая и надо всѣмъ надъ нимъ трожествующая».

Молодость заставляетъ Митю замѣчать дѣвокъ, его въ деревнѣ окружающихъ — въ нихъ, однако, онъ чувствуетъ лишь Катю. Вотъ онъ въ саду съ дѣвками. Одной изъ нихъ онъ положилъ на колѣни голову. «Подъ затылкомъ онъ чувствовалъ ея ноги, — самое страшное въ мірѣ, женскія ноги — макушкой касался ея живота, слышалъ запахъ ситцевой юбки и кофточки, и все это смѣшалось съ цвѣтущимъ садомъ и съ Катей; томное цоканіе соловьевъ вдали и вблизи, немолчное сладострастно-дремотное жужжаніе несмѣтныхъ пчелъ, медвяный теплый воздухъ и даже простое ощущеніе земли подъ спиной мучило, томило жаждой какого то сверхчеловѣческаго счастья. И вдругъ въ ельникѣ что-то зашуршало, весело и злорадно захохотало, потомъ гулко раздалось: ку-ку! ку-ку! — и такъ жутко, такъ выпукло, такъ близко и такъ явственно, что слышенъ былъ хрипъ и дрожаніе остраго язычка, а желаніе Кати, желаніе, требованіе, чтобы она во что бы то ни-стало немедленно дала именно то сверхчеловѣческое счастье, охватило такъ неистово, что Митя, къ крайнему удивленію Соньки, порывисто вскочилъ и большими шагами зашагалъ прочь. . . Вмѣстѣ съ этимъ неистовымъ желаніемъ, требованіемъ счастья, подъ этотъ гулкій

голосъ, внезапно раздавшійся съ такой страшной явственностью надъ самой его головой въ ельникѣ и какъ будто до дна разверзшій лоно всего этого весенняго міра, онъ вдругъ вообразилъ, что письма не будетъ и не можетъ быть, что въ Москвѣ что-то случилось и что онъ погибъ, пропалъ».

«Въ этотъ день Митина любовь претерпѣла жестокій переломъ. Съ этого дня онъ пересталъ слѣдить за всѣми тѣми перемѣнами, что совершали вокругъ него весна, наступающее лѣто... Катя стала уже истиннымъ навожденіемъ; Катя была теперь во всемъ и за всѣмъ уже до нелѣпости, а такъ какъ всякій новый день все страшнѣе подтверждалъ, что она для него, для Мити, уже почти не существуетъ, что она уже въ чьей то чужой власти, что она совершаетъ нѣчто чудовищное, — отдаетъ кому-то другому себя и свою любовь, всецѣло долженствующую принадлежать только ему, Митѣ, — то и все въ мірѣ сдѣлалось не тѣмъ, что надо, стало казаться ненужнымъ и мучительнымъ и тѣмъ болѣе ненужнымъ и мучительнымъ, чѣмъ болѣе оно было прекрасно.»

Митя пересталъ спать по ночамъ. Съ маніакальной настойчивостью ѣздитъ онъ на почту. Муки его достигаютъ крайняго предѣла. Онъ начинаетъ галлюцинировать.

«Разъ вечеромъ онъ ѣхалъ съ почты черезъ пустую сосѣдскую усадьбу, стоявшую въ большомъ и старомъ паркѣ, который сливался съ окружавшимъ его березовымъ лѣсомъ. Онъ ѣхалъ по табельному проспекту, какъ называли мужики главную аллею этой усадьбы. Ее составляли два ряда огромныхъ черныхъ елей. Великолѣпно-мрачная, широкая, вся покрытая толстымъ

слоемъ рыжей скользкой хвои, она вела къ старинному дому, стоявшему въ самомъ концѣ ея корридора, почти сходившагося вдали. Красный, сухой и спокойный свѣтъ солнца, опускавшагося слѣва за паркомъ и лѣсомъ, наискось озарялъ между стволами низъ этого корридора, блестѣлъ по его хвойной золотистой настилкѣ. И такая зачарованная тишина царила кругомъ, — только одни соловьи гремѣли изъ конца въ конецъ парка, — такъ сладко пахло и елями и жасминомъ, кусты котораго отовсюду обступали домъ, и такое великое — чье то чужое — счастье почувствовалось Митѣ во всемъ этомъ и такъ страшно явственно вдругъ представилась ему на огромномъ ветхомъ балконѣ, среди кустовъ жасмина, Катя въ образѣ его молодой жены, что онъ самъ ощутилъ, какъ смертельная блѣдность стягиваетъ его лицо и твердо сказалъ вслухъ на всю аллею: — Если черезъ недѣлю письма не будетъ, — застрѣлюсь».

Митя понималъ, что его напряженіе достигло такой степени, что перенести его было внѣ его силъ. Отчаяннымъ усиліемъ воли онъ пересталъ ѣздить на почту. Пересталъ и самъ писать. Сталъ опять ходить на деревню, читать что попало, ѣздить со старостой по хозяйственнымъ дѣламъ. Тотъ уже и раньше намекалъ Митѣ на то, что «на деревнѣ вѣдь есть дѣвки» и что онъ не прочь свести его съ какой нибудь изъ нихъ. . .

И вотъ случилось непоправимое. Въ ожиданіи его Митя сталъ равнодушенъ ко всему окружающему — получена была телеграмма, сообщающая о томъ, что пріѣзжаютъ Аня и Костя, братъ и сестра — что было Митѣ до этого? Онъ думалъ о своемъ. «Какъ съ Аленкой? какъ съ Катей?» Когда же, наконецъ, это случи-

лось съ Аленкой — до чего прелестно описанъ романъ барчука съ крестьянкой и послѣдняя сцена между Митей и Аленкой, до чего выразительно показана внѣшняя очаровательность и дѣйствующихъ лицъ и пейзажа и внутренняя пустота этого молодого, весенняго сближенія! — «Митя поднялся, совершенно пораженный разочарованіемъ».

Начались дожди. Митя подъ ливнемъ ходилъ по саду. Онъ плакалъ такъ страшно, что порой даже самъ дивился обилію и силѣ своихъ слезъ. Когда его звали обѣдать и чай пить — онъ не откликался. Онъ курилъ папиросу за папиросой и перечитывалъ въ сотый разъ письмо отъ Кати, полученное вчера поздно вечеромъ. Катя ушла отъ него.

Митя впалъ въ какой то ужасъ летаргическаго оцѣпенѣнія, смѣшаннаго съ «вожделѣніемъ, съ предчувствіемъ близости кого то съ кѣмъ то, близости, въ которой было что-то противоестественно омерзительное, но въ которой онъ и самъ какъ то участвовалъ». Начался бредъ, полный отвратительныхъ галлюцинацій.

«Катя! — сказалъ онъ, садясь на кровати, сбрасывая ноги. — Катя, что же это такое! — сказалъ онъ вслухъ, совершенно увѣренный, что она слышитъ его, что она здѣсь, что она молчитъ, не отзывается только потому, что сама раздавлена, сама понимаетъ ужасъ всего того, что она надѣлала. — Ахъ, все равно, Катя! —прошепталъ онъ горько и нѣжно, желая сказать, что онъ проститъ ей все, лишь бы она попрежнему кинулась къ нему, чтобы они вмѣстѣ могли спастись, — спасти свою прекрасную любовь въ томъ прекраснѣйшемъ весеннемъ мірѣ, который еще такъ недавно былъ подобенъ раю. Но прошептавъ: «Ахъ, все равно, Катя!» — онъ

тотчасъ понялъ, что нѣтъ, не все равно, что спасенія возврата къ тому дивному видѣнію, что дано было ему когда то въ Шаховскомъ, на балконѣ, заросшемъ жасминомъ, уже нѣтъ и не можетъ быть, и тихо заплакалъ отъ боли, раздирающей его грудь. Она, эта боль, была такъ сильна, такъ нестерпима, что, не думая, что онъ дѣлаетъ, не сознавая, что изъ этого выйдетъ, страстно желая только одного — хоть на минуту избавиться отъ нея и не попасть опять въ тотъ ужасный міръ, гдѣ онъ провелъ весь день и гдѣ онъ только что былъ въ самомъ ужасномъ и отвратительномъ изъ всѣхъ земныхъ сновъ, онъ нашарилъ и отодвинулъ ящикъ ночнаго столика, поймалъ холодный и тяжелый комъ револьвера и, глубоко и радостно вздохнувъ, раскрылъ ротъ и съ силой, съ наслажденіемъ выстрѣлилъ».

Что это такое? Какъ уразумѣть эту столь трагически кончившуюся Митину любовь?

Я употреблялъ слова, говоря о Митѣ и объ его любви, характерныя для опредѣленія чисто патологическихъ состояній человѣка — многія изъ нихъ употреблены и самимъ авторомъ. И, конечно, нельзя уразумѣть Митиной любви, не обращаясь мыслью къ патологіи. Но таково воздѣйствіе на читателя гипнотической силы Бунинскаго слова, что читатель какъ бы самъ переживаетъ Митину одержимость, въ которую вовлеченъ весь окружающій, въ веснѣ расцвѣтающій міръ, и самъ незамѣтно для себя переходитъ завѣтную черту, столь зыбкую и неуловимую, отдѣляющую «нормальное» и «ненормальное» въ жизни человѣка. А между тѣмъ, такъ ли далеко Митино душевное состояніе отъ душевнаго состоянія знакомаго намъ помѣщика Хвощинскаго, который все, что происходитъ въ мірѣ, приписывалъ

вліянію Лушки?! И, если есть разница между Митей и Хвощинскимъ, то не столько ли ее надо искать въ относительной силѣ одержимости ихъ, сколько въ томъ, что для Мити это былъ такъ сказать острый пароксизмъ сексуальной одержимости, изъ котораго онъ нашелъ выходъ въ смерти, а для Хвощинскаго — хроническое состояніе?

А самый этотъ пароксизмъ, охватившій съ такой силой Митю — есть это само по себѣ нѣчто исключительное въ своей болѣзненности — или въ сущности «нормальное» явленіе, каждому мущинѣ свойственное, и только въ данномъ случаѣ съ особой обостренностью пережитое?

Вѣдь тотъ возрастъ, который переживаетъ Митя — не есть ли это «возрастъ роковой, время страшное, опредѣляющее человѣка на все будущее? Обычно переживаетъ человѣкъ въ это время то, что медицински называется зрѣлостью пола, въ жизни—первой любовью, которая разсматривается почти всегда только поэтически и въ общемъ весьма легкомысленно. Часто эта «первая любовь» сопровождается драмами, трагедіями, но совсѣмъ никто не думаетъ о томъ, что какъ разъ въ это время переживаютъ люди нѣчто гораздо болѣе глубокое, сложное, чѣмъ волненія, страданія, обычно называемыя обожаніемъ милаго существа: переживаютъ, сами того не вѣдая, жуткій расцвѣтъ, мучительное раскрытіе, первую мессу пола».

Первая месса пола! Вотъ слово, которое даетъ намъ ключъ къ пониманію того, что испыталъ и чего не перенесъ Митя. Но не перенесъ только ли потому, что на пути его оказалась незначительная Катя, не способная понять и оцѣнить силы его, Митиной, любви? Или въ

самой природѣ любви, которая имъ владѣла, гнѣздится отрава — пусть сладкая, но тѣмъ болѣе губительная, и подлинно обреченъ былъ Митя на то, чтобы пасть ея жертвой? Въ «Митиной любви» въ одинъ узелъ переплетены двѣ темы — одна универсальная, тема первой мессы любви», и другая, болѣе узкая — тема «бѣдныхъ Азровъ», которые «полюбивъ, умираютъ», И вся острая прелесть восхитительнаго бунинскаго произведенія и заключается въ неразличимости этихъ двухъ существенно разныхъ, но органически во едино слившихся темъ.

Но поставимъ себѣ вопросъ такъ: представимъ себѣ, что Митя или нѣкто, подобный ему съ точки зрѣнія сексуальной экзальтированности, встрѣтилъ бы на своемъ пути женщину, которая была бы ему въ этомъ смыслѣ «по плечу» — какъ бы сложились между ними отношенія? Не повело ли бы съ фатальной неотвратимостью общеніе между ними къ катастрофѣ, столь же страшной, а можетъ быть и еще болѣе страшной, чѣмъ та, которая разразилась въ итогѣ нераздѣленной Митиной любви? Этотъ вопросъ ставитъ и разрѣшаетъ Бунинъ въ томъ своемъ, на мой взглядъ еще болѣе замѣчательномъ произведеніи, изъ котораго я извлекъ приведенныя выше слова о «первой мессѣ пола» — въ написанномъ годомъ позже «Дѣлѣ корнета Елагина».

Я не берусь приводить изъ него цитатъ — его надо прочесть цѣликомъ. Это мастерской анализъ банальнаго — на первый взглядъ — дѣла, въ которомъ, однако, нащупывается самое дно человѣческой души — анализъ сдѣланный сердцевѣдомъ, передъ которымъ, какъ передъ учителемъ, должны склониться не только прокуроръ, адвокатъ и судьи государственнаго суда, но и экс-

перты психіатріи. На жизненномъ пути встрѣтились двое: корнетъ Елагинъ, внѣшне не замѣтный, но душевно одаренный, впечатлительный, музыкальный, экзальтированный двадцатидвухлѣтній гусаръ и актриса-полька, молоденькая, талантливая—и вся являющаяся воплощеніемъ сексуально-женскаго. Ихъ встрѣча мгновенно смыкаетъ ихъ въ какомъ-то магическомъ токѣ — они обручены другъ другу судьбой и ею одновременно обречены. И совсѣмъ не существенно, что ни для того ни для другой сближеніе ихъ не есть «первая» месса любви — все равно та любовь, которая ихъ связываетъ ни на что не похожа изъ того, что составляло или даже продолжаетъ составлять ихъ иной любовный опытъ: они въ мірѣ одни. И выхода имъ нѣтъ изъ ихъ любви внѣ катастрофы: жить такой любовью нельзя. Отъ нея можно только умереть. Елагинъ убиваетъ Марію, покоряясь ея просьбѣ.

«Какъ я именно сдѣлалъ это? Я, кажется, обнялъ ее лѣвой рукой — да, конечно, лѣвой — и прильнулъ къ ея губамъ. Она говорила: «Прощай, прощай... Или нѣтъ, здравствуй, и теперь уже навсегда... Если не удалось здѣсь, то тамъ, наверху...» Я прижался къ ней и держалъ палецъ на спускѣ револьвера... Помню я чувствовалъ, какъ дергалось все мое тѣло.. А потомъ какъ-то самъ собой дернулся палецъ... Она успѣла сказать по польски: «Александръ, мой возлюбленный».

И въ этотъ же моментъ магическій кругъ разомкнулся.

«Почему я не застрѣлился? Но я какъ то забылъ объ этомъ. Когда я увидѣлъ ее мертвой, я забылъ все въ мірѣ. Я сидѣлъ и только смотрѣлъ на нее. Потомъ въ какомъ то дикомъ безсознаніи сталъ прибирать ее и

Ivan Bunin
Paris, 1920

комнату... Я не могъ бы не сдержать слова, которое я далъ ей, что послѣ нея я убью себя, но мной овладѣло полное безразличіе... Такъ же безразлично отношусь я и теперь къ тому, что живу. Но я не могу примириться съ тѣмъ, что думаютъ, будто я палачъ. Нѣтъ, нѣтъ! Можетъ быть, я виноватъ передъ закономъ, виноватъ передъ Богомъ, но не передъ ней».

Сосредоточенный на раздумьи все о той же вѣчной темѣ, Бунинъ опять и опять возвращается къ ней, причемъ иногда въ варіантахъ, уже въ прежнее время слегка имъ затронутыхъ. Теперь онъ подходитъ къ нимъ во всеоружіи своего мастерства и создаетъ двѣ небольшія прозаическія пьесы, которыя могутъ по праву числиться между самыми совершенными его произведеніями. Я имѣю въ виду «Солнечный ударъ» и «Иду».

Только ли люди особой психофизической конституціи подвержены опаляющему дѣйствію любви, «паническому» покоренію ея магической силѣ? На Волгѣ встрѣчаются два совершенно обыкновенныхъ человѣка — скромный офицеръ и провинціальная дама, встрѣчаются и въ какомъ то полусознательномъ порывѣ, охваченные заревомъ какого то предстоящаго имъ нечеловѣческаго счастья спускаются на берегъ на одной изъ пристаней, въ какомъ то невѣдомомъ для нихъ маленькомъ городѣ, ѣдутъ въ гостиницу и проводятъ тамъ ночь. Что съ ними было? На утро дама снова проста, весела и уже разсудительна.

«Нѣтъ, нѣтъ, милый, — сказала она въ отвѣтъ на его просьбу ѣхать дальше вмѣстѣ: — нѣтъ, вы должны остаться до слѣдующаго парохода. Если поѣдемъ, все будетъ испорчено. Мнѣ это будетъ очень непріятно. Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы

могли обо мнѣ подумать. Никогда ничего даже похожаго на то, что случилось со мной, не было, да и не будетъ больше. На меня точно затменіе зашло. . . Или вѣрнѣе, мы оба получили что-то вродѣ солнечнаго удара».

Поручикъ легко и беззаботно соглашается и все въ томъ же счастливомъ состояніи отвозитъ ее на пристань — онъ даже не знаетъ ни ея имени ни ея адреса. Она уѣзжаетъ и постепенно онъ приходитъ въ себя въ мірѣ, совершенно опустѣвшемъ, гдѣ некуда итти и нечего больше дѣлать. «Онъ лежалъ, подложивъ руки подъ затылокъ и пристально глядѣлъ въ пространство передъ собой. Въ головѣ стояла смутная картина далекаго юга. . . — и зрѣла упорная мысль о самоубійствѣ. Онъ закрылъ вѣки, чувствуя, какъ по щекамъ катятся изъ подъ нихъ острыя, горячія слезы, — и наконецъ заснулъ». Вечеромъ онъ «сидѣлъ подъ навѣсомъ на палубѣ, чувствуя себя постарѣвшимъ на десять лѣтъ».

Магическій кругъ разомкнулся безъ катастрофы — но представимъ себѣ, что на пути этихъ опаленныхъ солнечнымъ ударомъ людей стояло бы какое-то препятствіе или что въ какихъ то иныхъ условіяхъ совершился бы этотъ разрядъ — не могла ли бы, не должна ли была бы произойти катастрофа съ этими спокойными, обыденными людьми? И не счастье ли для нихъ, что «счастье», которое ихъ постигло, только коснулось ихъ и ушло?

Бываетъ и такъ, что уходитъ это «счастье», вовсе не коснувшись. Господи, какъ замѣчательно, какъ упоительно объ этомъ разсказываетъ Бунинъ въ своей «Идѣ»! Нѣтъ фабулы въ этомъ фантастически прекрас-

номъ разсказѣ, нечего передавать — а какъ онъ драматиченъ, какъ онъ динамиченъ, какъ онъ насыщенъ чувствомъ катастрофы — и какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпически, элегически спокоенъ, какъ преисполненъ внутренней музыки, какъ упоительно реалистиченъ — достаточно вспомнить описаніе закусокъ того завтрака, за которымъ композиторъ описываетъ своимъ друзьямъ происшествіе, постигшее его — или, какъ онъ выражается, его «пріятеля» — и какъ онъ, этотъ разсказъ, одновременно глубоко символиченъ, символиченъ весь — вплоть до этого тяжкаго великолѣпнаго удара колокола, раннимъ утромъ потрясшаго морозную Москву, когда послѣ кутежа, за которымъ композиторъ «плясалъ молча, свирѣпо и восторженно», онъ несся въ тройкѣ и при звукѣ колокола сорвалъ съ себя шапку и что есть силы и со слезами закричалъ на всю Страстную площадь: — «Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!» Этимъ ударомъ колокола разряжается то почти нестерпимое напряженіе, которымъ оказался заряженъ и завороженъ весь міръ, подъ впечатлѣніемъ спокойнаго разсказа о томъ, какъ нѣкій мужчина прошелъ мимо нѣкой женщины, которая его любила и которую онъ любилъ, и какъ она ему объ этомъ сказала — уже по иному «счастливая», замужемъ за другимъ, блестящимъ и прекраснымъ человѣкомъ, на вѣки для него утраченная.

Я не знаю, не могу себѣ представить другого произведенія, въ которомъ съ такой силой было бы показано то неуловимое, что отдѣляетъ въ жизни человѣческой «ладъ» отъ «катастрофы». Всѣ въ сущности счастливы и все благополучно и прекрасно въ этомъ такомъ прекрасномъ, такъ непосредственно осязаемомъ мірѣ — и

все же только маленькая прозрачная пленка отдѣляетъ этотъ такой ладный и упорядоченный космосъ отъ страшнаго хаоса, способнаго въ одно мгновенiе взорвать весь этотъ космосъ, чтобы потомъ, послѣ катастрофы, люди въ страшномъ пробужденiи увидѣли его въ обломкахъ...

Дивны пути Твои, Господи!

VII

«ХОРАЛЪ МОЕЙ ЖИЗНИ».

Рѣзецъ, органъ, кисть! Счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не вступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! — блѣднѣетъ жизнь земная.

Боратынскій.

Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Обезсмысленная вѣчность!

Боратынскій.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубровы мирныя, священный сердцу кровъ,
Я возвращуся къ вамъ, священныя иконы.

Боратынскій.

Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

Боратынскій.

Бунинъ писалъ въ 1912 году:

Такъ говоритъ Господь: «Когда, Мой рабъ любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ Моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшонъ врагамъ Мой сладкозвучный стихъ».

И сокровенныхъ чувствъ и думъ и пѣсенъ много
Отъ васъ я утаилъ: никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога,
Онъ самъ насъ раздѣлилъ завѣсою Своей.

Это восьмистишіе, оставаясь вѣрнымъ и до настоящаго времени, особенно, конечно, характерно для эпохи предвоенной. Въ своемъ творчествѣ поэтъ отодвинулся было самъ отъ себя и своему «раздумью» надъ вопросами бытія придалъ форму до конца ««опредмеченнаго» художественнаго вымысла. Теперь за рубежомъ, первый разъ въ своей жизни осѣвшій, умудренный страшнымъ опытомъ русской революціи, еще полный силъ физическихъ и душевныхъ, но такъ многое уже испытавшій, Бунинъ, окруженный природой Приморскихъ Альпъ, съ ея моремъ, горами и солнцемъ, снова позволяетъ себѣ обратиться къ читателю въ первомъ лицѣ.

Бунинъ отнюдь не оставляетъ своего до такого совершенства доведеннаго прозаическаго «писательства». Онъ создаетъ, какъ мы уже знаемъ, цѣлый рядъ новыхъ прозаическихъ пьесъ, а для новаго изданія за границей просматриваетъ и на ново редактируетъ свои лучшія прежнія, выбрасывая изъ нихъ отжившее, лишнее, случайное, внося иногда новое — какое нибудь слово, какую нибудь деталь, то маленькое, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительное, что придаетъ вещамъ окончатель-

ную отдѣлку. Для примѣра: мы помнимъ, какія слова произнесла Любка, отводя отъ своей головы занесенный было надъ нею топоръ мужа. Вся значительность этихъ словъ заключается въ томъ, что онѣ совершенно нелѣпы: своей можно было бы сказать геніальной интуиціей, если бы не было здѣсь просто звѣриной подсознательной смѣтливости, Любка почуяла, что нужно какимъ то однимъ увѣреннымъ жестомъ дать не надъ своей головой разрядиться напряженію, въ которомъ находился Игнатъ — и она мгновенно это сдѣлала, направивъ ударъ Игната на купца. Въ словахъ, которыя говоритъ Любка согласно первой, намъ извѣстной редакціи, есть все таки какой то смыслъ: «Мой грѣхъ. Добивай скорѣе. Богаты будемъ. Тебѣ ничего не будетъ. Скажешь захватилъ меня. Скорѣе». Теперь вмѣсто словъ «скажешь — захватилъ меня», Бунинъ ставитъ: «скажемъ, что его ударъ хватилъ», и выбрасываетъ слова: «тебѣ ничего не будетъ». Раньше былъ такъ: захватилъ съ женою чужого — убилъ его изъ ревности — ничего тебѣ не будетъ. Теперь интонаціей и в и д и м ы м ъ смысломъ своихъ словъ Любка дѣлаетъ Игната сообщникомъ своимъ — скажемъ, что его ударъ хватилъ —, а внутренняго смысла вообще нѣтъ уже никакого. Вѣдь для того, чтобы можно было сказать, что «купца ударъ хватилъ», именно не нужно ничего дѣлать, не нужно его во всякомъ случаѣ трогать, по нему бить! Въ тотъ моментъ, когда Любка направляла на голову купца ударъ Игната, она одновременно и себя спасала отъ смерти и подводила Игната подъ обвиненіе въ убійствѣ — освобождала себя отъ него. Сложное, дьявольское заданіе, мгновенно рожденное утонченнымъ животно-женскимъ инстинктомъ Любки и столь

же мгновенно выполненное грубымъ, беззащитнымъ и безпомощнымъ мужскимъ простачествомъ Игната.

Бунинъ не только не утрачиваетъ вкуса къ «вымыслу» — онъ доводитъ его до еще большаго совершенства, чѣмъ прежде. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и его новыя произведенія. Но онъ теперь не ограничивается жанромъ чистаго вымысла, до конца опредмеченнаго: онъ создаетъ новый. Если въ періодъ своего писательскаго «дѣтства», «отрочества» и «юности» Бунинъ такъ описывалъ предметы имъ наблюдаемые, что рядомъ съ ними не могъ не говорить о своихъ личныхъ мысляхъ и переживаніяхъ; если въ періодъ своей писательской зрѣлости онъ полностью оторвалъ изображеніе предметовъ отъ своей эмпирической личности, съ ея моральными запросами и религіозными вопросами, то теперь, въ періодъ полнаго цвѣтенія своего генія, Бунинъ предметомъ своего художественнаго изображенія беретъ самого себя, свои чувства, свои мысли, свой моральный и религіозный опытъ.

И раньше Бунинъ порой приближался къ этому жанру — я имѣю въ виду его путевые очерки, которые въ значительной степени представляютъ собой цѣпь предметныхъ описаній и личныхъ размышленій. Но въ этихъ очеркахъ все же первое мѣсто занимали «предметы», наблюдаемые авторомъ, а размышленія автора къ нимъ лишь внѣшне примыкали. Отказавшись отъ того, чтобы свои размышленія вводить въ прозаическій художественный вымыселъ, поэтъ какъ бы душу отводилъ на томъ, что размышленіямъ предавался въ связи съ описаніемъ Божьяго міра, въ его географической конкретности. Теперь Бунинъ идетъ дальше. Онъ свои

размышленія какъ таковыя возводитъ въ твореніе художественной прозы!

Этимъ самымъ Бунинъ дѣлаетъ послѣдній шагъ въ направленіи встрѣчи поэзіи и прозы. Не случайно именно съ этого момента какъ бы замираетъ постепенно стихотворно-поэтическое творчество Бунина. То, что раньше требовало стихотворнаго оформленія теперь начинаетъ выливаться въ прозаическихъ произведеніяхъ, которыя съ полнымъ правомъ можно назвать «стихотвореніями въ прозѣ».

Замѣчательнымъ образчикомъ этого новаго жанра является отрывокъ, который далъ названіе одному изъ самыхъ значительныхъ сборниковъ, выпущенныхъ Бунинымъ за границей, и который вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ ему какъ бы эпиграфомъ. Я имѣю въ виду «Розу Іерихона».

«Въ знакъ вѣры въ жизнь вѣчную, въ воскресеніе изъ мертвыхъ клали на Востокѣ въ древности Розу Іерихона въ гроба, въ могилы.

Странно, что назвали розой, да еще розой Іерихона этотъ клубокъ сухихъ и колючихъ стеблей, подобный нашему перекати поле, эту пустынную жесткую поросль, встрѣчающую только въ каменистыхъ пескахъ ниже Мертваго моря, въ безлюдныхъ синайскихъ предгорьяхъ. Но есть преданіе, что назвалъ ее такъ самъ Преподобный Савва, избравшій для своей обители страшную Долину Огня и Смерти, нагую и знойную тѣснину, надъ желтыми обрывами которой съ безпощадной яркостью вѣчно блещетъ полоса небесной сини: что для него могло быть прекраснѣе и пышнѣе розы, царственнѣе и роскошнѣе садовъ іерихонскихъ, именовавшихся нѣкогда, во времена ихъ ветхозавѣтной сла-

вы, Садомъ Господнимъ? Онъ восторженно ухватился за символъ воскресенія, данный ему въ видѣ дикаго и убогаго волчца, и украсилъ его наиболѣе сладчайшими изъ вѣдомыхъ ему земныхъ сравненій.

Ибо онъ, этотъ волчецъ, воистину чудесенъ. Сорванный и унесенный благочестивымъ странникомъ за тысячи верстъ отъ своей родины, онъ многіе годы можетъ лежать сухимъ, сѣрымъ, мертвымъ. Но будучи положенъ въ воду, онъ быстро начинаетъ оживать — зеленѣть, распускаться, давать мелкіе листочки и блѣдно-розовый цвѣтъ. И бѣдное человѣческое сердце радуется, утѣшается: нѣтъ въ мірѣ смерти, нѣтъ гибели тому что было, чѣмъ жилъ и дышалъ кто-то. Нѣтъ разлукъ и потерь, доколѣ жива моя душа, моя Любовь и Память.

Такъ утѣшаюсь и я, воскрешая въ воспоминаніяхъ тѣ далекія свѣтоносныя страны Востока, гдѣ нѣкогда ступала и моя нога, тѣ благословенные дни, когда на полуднѣ стояло солнце моей жизни, когда въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, рука объ руку съ той, кому Богъ судилъ быть моей спутницей до гроба, совершалъ я свое первое дальнее странствіе, брачное путешествіе, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и паломничествомъ во святую землю Господа нашего Іисуса Христа. Въ великомъ покоѣ вѣковой тишины и забвенія лежали предъ нами ея палестины — полодоносныя долины Галилеи, кремнистые холмы іудейскіе, соль и жупелъ пятиградія. Но была весна, и на всѣхъ путяхъ нашихъ, даже на самыхъ скорбныхъ и суровыхъ, весело и мирно цвѣли все тѣ же вѣчно-юные анемоны и маки, что цвѣли и при Авраамѣ, красовались тѣ же лиліи полевыя и пѣли тѣ же птицы небесныя, блаженной беззаботности которыхъ

учила евангельская притча. И сіяли синимъ эфиромъ неоглядныя солнечныя дали и только о радости и молодости говорила среди этого простора, свѣта и блеска голубая вуаль шляпки, бѣлое легкое платье. . .

Роза Іерихона! Въ живую воду сердца, въ чистую влагу любви, печали и нѣжности погружаю я корни и стебли моего прошлаго — и вотъ опять, опять дивно прозябаетъ мой завѣтный злакъ. Отдались неотвратимый часъ, когда изсякнетъ эта влага, оскудѣетъ и изсохнетъ сердце — и уже навѣки покроетъ прахъ забвенія и тлѣна Розу моего Іерихона».

Сборникъ «Роза Іерихона» содержитъ въ себѣ произведенія цѣлаго семилѣтія, съ 1916 по 1923 годъ — того семилѣтія, на которое пришлось почти полное молчаніе Бунина. Очень разнообразны эти произведенія. Многія изъ нихъ намъ знакомы — «Сны Чанга», «Петлистыя уши», «Сооотечественникъ», «Постъ», «Исходъ», «Неизвѣстный другъ», «Въ ночномъ море». Говорили мы и о замѣчательныхъ стихотвореніяхъ первыхъ лѣтъ революціи — они заняли почетное мѣсто въ этомъ же сборникѣ. Наибольшій интересъ для насъ въ данномъ случаѣ представляютъ, однако, произведенія послѣреволюціонныя — тѣ, которыми началось творчество Бунина за рубежомъ. Предисловіе, которое мы привели in extenso, обозначая новый жанръ творчества Бунина, не является характернымъ для всего сборника. Тѣмъ не менѣе, на всемъ, что написалъ Бунинъ за первые годы своего зарубежнаго существованія, лежитъ явная печать того новаго, что мы увидимъ въ Бунинѣ потомъ, въ позднемъ Бунинѣ.

Съ внѣшней стороны привлекаетъ вниманіе стремле-

ніе писателя писать все короче и короче. Чѣмъ опредѣляется это желаніе?

У Бунина вообще не было никогда очень крупныхъ вещей. «Деревня»? Но и она представляетъ собой какъ бы фрески, изображающія одну изъ сторонъ русской жизни, и ни въ какой мѣрѣ не похожа на то, что въ литературѣ носитъ названіе романа или повѣсти. Въ «Деревнѣ» нѣтъ фабулы. Да есть ли вообще «фабула» въ другихъ призведеніяхъ Бунина? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно лишь съ большими оговорками. Мы нигдѣ не встрѣтимъ свободнаго и широкаго развертыванія событій, вольнаго теченія жизни, сложнаго переплетенія судебъ ряда отдѣльной жизнью живущихъ личностей въ мірѣ, созданномъ писателемъ — въ мірѣ, который полонъ случайностей и неожиданностей, но въ которомъ постепенно обнаруживается какая то линія сцѣпленія крупныхъ и мелкихъ событій, связывающая всѣхъ показанныхъ людей въ нѣкое цѣлое — «Фабула». Для Бунина подобный подходъ къ дѣйствительности неинтересенъ. Характерно, что «Дѣло корнета Елагина» родилось изъ желанія автора написать нѣчто вродѣ «авантюрнаго романа», который могъ бы итти въ газетѣ въ качествѣ ряда послѣдовательныхъ фельетоновъ. А что получилось? Художественно-философскій анализъ преступленія, исполненный глубочайшаго смысла, но не содержащій въ себѣ никакой «фабулы». Чѣмъ же должно быть объяснено это отсутствіе интереса у Бунина къ элементу фабулы?

Бунинъ самъ въ одномъ позднѣйшемъ своемъ произведеніи далъ на этотъ вопросъ, правда, косвенный, но, на мой взглядъ, исчерпывающій отвѣтъ. Въ своемъ размышленіи «Цикады», являющемся однимъ изъ замѣча-

тельнѣйшихъ проявленій того жанра «стихотвореній въ прозѣ», который начатъ былъ предисловіемъ къ «Розѣ Іерихона», мы находимъ слѣдующее многозначительное мѣсто.

«Есть два разряда людей. Въ одномъ, огромномъ, — люди своего опредѣленнаго момента, житейскаго строительства, дѣланія, люди какъ бы безъ прошлаго, безъ предковъ, вѣрныя звенья той Цѣпи, о которой говоритъ индійская мудрость: что имъ до того, что такъ страшно ускользаютъ въ безграничность и начало и конецъ этой цѣпи? А въ другомъ сравнительно очень маломъ, — не только не дѣлатели, не строители, а сущіе разорители, уже познавшіе суету, тщету дѣланія и строенія, люди мечты, созерцанія, удивленія себѣ и міру, люди «умствованія», уже втайнѣ откликнувшіеся на древній зовъ: «Выйди изъ цѣпи!» — уже жаждущіе раствориться, исчезнуть, тоскующіе о всѣхъ тѣхъ ликахъ, воплощеніяхъ, въ коихъ пребывали они, особенно же — о каждомъ мигѣ своего настоящаго. Это люди, одаренные великимъ богатствомъ воспріятій, полученныхъ ими отъ безчисленныхъ предшественниковъ, чувствующіе безконечно далекія звенья Цѣпи, существа дивно (и не въ послѣдній ли разъ?) воскресившія въ своемъ лицѣ силу и свѣжесть своего райскаго праотца, его тѣлесности. Это люди райски чувственные въ своемъ міроощущеніи, но, увы, Рая уже лишенные. . . Отсюда и великое ихъ раздвоеніе: мука ухода изъ Цѣпи, разлука съ ней, сознаніе тщеты ея — и сугубаго страшнаго очарованія ею. И каждый изъ этихъ людей съ полнымъ правомъ можетъ повторить древнее стенаніе: «Вѣчный и Всеобъемлющій. Ты нѣкогда не зналъ желанія, не зналъ жажды. Ты пребывалъ въ великомъ покоѣ, но Ты самъ нару-

шилъ его: Ты началъ и повелъ безмѣрную цѣпь воплощеній, изъ которыхъ каждому надлежало быть все безплотнѣе, все ближе къ блаженному Началу. Нынче все громче звучитъ мнѣ Твой зовъ: «Выйди изъ Цѣпи! Выйди безъ слѣда, безъ наслѣдства, безъ наслѣдника!» — Такъ, Господи, я уже слышу тебя. Но еще горько мнѣ разлученіе съ обманной и горькой сладостью Быванія. Еще страшитъ меня Твое безначаліе и Твоя безконечность. . .»

Да, «если бы запечатлѣть это обманное и все же несказанно сладкое бываніе хотя бы въ словѣ, если ужъ не въ плоти!»

Если такой зовъ уже достигъ до внутренняго слуха поэта, то какой интересъ представляетъ для него, «познавшаго тщету дѣланія и строенія», послѣдовательно, подробно, внимательно, любовно изображать это «обманное» дѣланіе и строеніе? Жизнь, внѣ непосредственнаго стыка «быванія» съ вѣчностью, внѣ нѣкой магической пляски пола и смерти, внѣ мистическаго предстоянія Богу, естественно остается за предѣлами художественнаго взора Бунина. Поэтому не случайно то, что въ его художественномъ вымыслѣ въ сущности нѣтъ «дѣйствія», какъ чего то текучаго, длящагося, становящагося. У Бунина есть что-то, что одновременно есть и развязка и завязка и что вмѣстѣ съ тѣмъ есть неизмѣнно въ той или иной формѣ осуществившійся прорывъ въ вѣчность. Сочетать мгновенное и вѣчное — вотъ, въ сущности, единственная художественная задача Бунина, и къ ней онъ возвращается во всякомъ проявленіи своего артистическаго «строенія и дѣланія».

Этимъ свойствомъ Бунина опредѣляется, въ частности, и та его совершенно особенная внутренняя музыкальность, о которой я въ свое время говорилъ.

Эта музыкальность въ отдѣльныхъ случаяхъ обнаруживается съ нарочитой силой — въ такихъ случаяхъ она ощущается просто внѣшне осязательно. Такой подчеркнуто, демонстративно музыкальной пьесой являются, напримѣръ, «Косцы», о которыхъ одинъ недавно умершій русскій критикъ, Андрей Левинсонъ, писалъ съ полной убѣдительностью, какъ о Великорусской рапсодіи, и которую онъ детально проанализировалъ въ терминахъ музыкальныхъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда музыкальность композиціи во внѣ такъ показательно не проявляется, она на лицо: ц ѣ л о с т н о с т ь произведенія дана именно въ планѣ музыкальномъ, въ планѣ нѣкой символики, присущей наблюденному и воспроизведенному поэтомъ «быванію», какъ нѣкой модальности «вѣчнаго». Не случайно другой русскій проницательный критикъ, П. М. Бицилли, прибѣгаетъ къ музыкальнымъ терминамъ для оцѣнки всей вообще бунинской манеры письма и сопоставляетъ его стилистически съ Шуманомъ, а тематически съ Вагнеромъ.

Эта неизмѣнная оріентировка писателя на «вѣчное» при изображеніи «преходящаго» обусловливаетъ и еще одно свойство бунинскаго творчества, которое иначе остается не только необъяснимымъ но въ какой то мѣрѣ способно быть воспринимаемо, какъ нѣчто обидное, я бы сказалъ даже оскорбительное: для Бунина нѣтъ ничего въ мірѣ, что было бы болѣе значительно, чѣмъ другое — и это не только въ жизни человѣка, но въ мірѣ вообще. Все, всякое «бываніе» отдѣльно, индиви-

дуально, неповторимо, все живетъ и дышетъ въ Богѣ и въ этомъ качествѣ своемъ одинаково дивно, чудесно — самая ничтожная тварь, самая послѣдняя пылинка. И все это въ то же время ничтожно передъ лицомъ вѣчности, передъ лицомъ Бога. Бунинъ далекъ отъ того пониманія міра, въ свѣтѣ котораго человѣкъ является чѣмъ то качественно отличнымъ отъ всякой другой твари въ мірѣ. Богъ во всемъ. И къ чему въ сущности сводится задача поэта? Къ тому, чтобы запечатлѣть съ возможной яркостью нѣкое мгновеніе въ мірѣ — то мгновеніе, которое оказалось просвѣтомъ въ вѣчность, и запечатлѣть его во всей его монголикой, многокрасочной конкретности.

Но въ этомъ ли вообще и все доступное человѣку счастье?

О счастьѣ мы всегда лишь вспоминаемъ.
А счастье всюду. Можетъ быть оно —
Вотъ этотъ садъ осенній за сараемъ
И чистый воздухъ, льющійся въ окно.

Въ бездонномъ небѣ легкимъ бѣлымъ краемъ
Встаетъ, сіяетъ облако. Давно
Слѣжу за нимъ. . . Мы мало видимъ, знаемъ,
А счастье только знающимъ дано.

Окно открыто. Пискнула и сѣла
На подоконникъ птичка. И отъ книгъ.
Усталый взглядъ я отвожу на мигъ.

День вечерѣетъ, небо опустѣло.
Гулъ молотилки слышенъ на гумнѣ. . .
Я вижу, слышу, счастливъ. Все во мнѣ.

Поэтъ, на вопросъ женщины, его любящей, въ моментъ очень серьезной встрѣчи: былъ ли онъ когда либо счастливъ, начинаетъ разсказывать объ одномъ чудесномъ вечерѣ въ морѣ — съ подробностями мельчайшими: какъ онъ видѣлъ небо, волны, лакеевъ, присѣдавшихъ съ тяжелыми тарелками, двухъ нѣмцевъ, въ узкихъ модныхъ костюмахъ и въ высокихъ воротничкахъ, разсказываетъ, какъ эти два нѣмца разсматривали счеты и съ трудомъ поворачивали головы... Женщина его перебиваетъ: «нѣтъ, да вы серьезно разсказывайте... мнѣ сейчасъ не до нѣмцевъ» — А безъ нѣмцевъ я не могу — отвѣчаетъ поэтъ. И продолжается разсказъ, какъ наступила ночь, какъ «она» сказала: «темно», подняла довѣрчивые глаза и схватилась за его руку, покачнувшись отъ качки, какъ они пошли въ рубку, какъ вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ дверь и оглушилъ ихъ смѣшаннымъ шумомъ волнъ и снастей. «И такъ, далѣе, и такъ далѣе» кончаетъ онъ на этомъ свой разсказъ... «— А потомъ, спросила она. — Что-жъ потомъ? Конечно, будни, ссоры, непониманіе другъ друга...»

Вотъ это «потомъ» — а вѣдь въ немъ вся жизнь человѣческая! — поэта ни въ какой мѣрѣ не интересуетъ. Зато моментъ, составляющій какъ бы зарубку, на которой произошло замыканіе тока между «мгновеннымъ» и «вѣчнымъ», поэта интересуетъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, и тутъ все для него одинакого важно.

Ясно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть интереса автора къ тому, что называется «фабулой». Ясно и другое: по мѣрѣ роста бунинскаго мастерства и внутренняго созрѣванія поэта, размѣръ произведеній дол-

женъ имѣть тенденцію не увеличиваться, а, напротивъ, сокращаться. Дѣйствительно, не должно ли было восхожденіе поэта и мыслителя найти выраженіе въ его растущей способности увѣреннѣе и быстрѣе, съ меньшей затратой усилій и средствъ показать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тотъ «прорывъ въ вѣчность», который составляетъ единственную тему его творчества и единственное содержаніе его жизни?

Тенденцію Бунина укорачивать свои произведенія мы обнаруживаемъ уже въ сборникѣ «Роза Іерихона», причемъ обнаруживаемъ не только въ произведеніяхъ послѣреволюціонныхъ, но и относящихся ко времени войны и революціи. Намѣчается нѣсколько жанровъ короткихъ прозаическихъ произведеній, которымъ предстоитъ впослѣдствіи либо достичь полнаго совершенства, либо остаться безъ дальнѣйшаго примѣненія. Къ послѣднимъ долженъ быть отнесенъ жанръ народнаго бытового сказа. Повидимому, этотъ жанръ есть явленіе случайное въ Бунинскомъ творчествѣ. Что касается первыхъ, то общимъ для всѣхъ элементомъ нужно признать элементъ метафизическаго раздумья, давнишняго раздумья передъ «тайной зеркала». Иногда оно облекается въ форму притчи — этой наиболѣе чистой формы морализированія, примѣнимой въ художественной литературѣ. Таковы «Третьи пѣтухи» — притча христіанская, повѣствующая о святителѣ Фокѣ, спасшемъ разбойниковъ отъ гнѣва Господня, и «Готами», притча буддійская, повѣствующая о бѣдной дѣвушкѣ, избранной царскимъ сыномъ, смиренно пріявшей его къ ней охлажденіе — и тѣмъ ставшей равной тѣмъ блаженнымъ, кто «живутъ въ обители высокой радости, ничего въ этомъ мірѣ не любящіе и подобные птицѣ, ко-

торая несетъ съ собой только крылья». Иногда это раздумье облекается въ форму записи о пережитомъ самимъ поэтомъ — записи безхитростной, трогательно интимной. Таковъ извѣстный намъ «Постъ».

Иногда это раздумье принимаетъ форму бытовыхъ зарисовокъ. Такъ разсказываетъ намъ Бунинъ объ одной «глупой уѣздной старухѣ», которая плачетъ-заливается въ святочную ночь изъ-за того, что ее хотятъ разсчитать хозяева. Эту глупую старуху съ ея слезами Бунинъ, однако, вдвигаетъ въ огромную раму: предъ нами перспектива, объемлющая всю Россію! Старуха плакала — а «по темной снѣжной улицѣ брелъ къ дальнему фонарю, задуваемому вьюгой, оборванный караульщикъ, всѣ сыновья котораго, четыре молодыхъ мужика, уже давно были убиты изъ пулеметовъ нѣмцами, въ непроглядныхъ поляхъ, по смраднымъ избамъ, укладывались спать бабы, старики, дѣти и овцы, а въ далекой столицѣ шло истинно разливанное море веселія». И поэтъ рисуетъ намъ обличительную картину этого столичнаго веселія, которое въ сопоставленіи съ плачемъ глупой уѣздной старухи пріобрѣтаетъ жуткій характеръ подлинной пляски смерти. Если въ разсказѣ «Старуха» раздумье овладѣваетъ авторомъ въ планѣ такъ сказать «гражданскомъ», въ планѣ соціальныхъ контрастовъ и нелѣпицы столичной суеты предъ лицомъ войны, то въ разсказѣ «Преображеніе» раздумье обращается къ любимой темѣ Бунина — къ смерти. Въ богатомъ крестьянскомъ дворѣ умираетъ старуха-мать. Объ ней уже почти забыли въ домѣ — смерть ея заставила ее вспомнить. Какъ всегда въ деревнѣ, спокойно и дѣловито готовятся къ ея похоронамъ. Псалтирь надъ ней читаетъ сынъ ея Гаврилъ. И вотъ съ нимъ про-

исходитъ что-то совершенно неожиданное. Ночью его объялъ страхъ? Нѣтъ, случилось нѣчто гораздо болѣе дивное, случилось чудо. «Развѣ то, что лежитъ и молчитъ въ этомъ новомъ гробу. . . развѣ это та, что еще позавчера ютилась на печкѣ? Нѣтъ, совершилось съ ней нѣкое преображеніе — и все въ мірѣ, весь міръ преобразился ради нея. И онъ одинъ, одинъ въ этомъ преображенномъ мірѣ». Преображеніе совершилось и надъ нимъ, надъ Гавриломъ. Онъ передаетъ хозяйство брату, а самъ становится ямщикомъ. «Онъ всегда въ дорогѣ, и дорога, даль, мѣняющіяся по времени года картины неба, полей, лѣсовъ, облучокъ тѣлежки или саней, бѣгъ пары вѣрныхъ ему, умныхъ лошадей, звукъ колокольчиковъ и долгій разговоръ съ пріятнымъ сѣдокомъ — счастье никогда не измѣняющее ему. Онъ простой, ласковый. Лицо у него чистое, худощавое, сѣрые глаза правдивы и ясны. Онъ не говорливъ, но охотно разсказываетъ достойному человѣку то трудно передаваемое, похожее на святочный разсказъ, а на дѣлѣ истинно дивное, что пережилъ онъ у гроба матери, въ ея послѣднюю ночь среди живыхъ».

Таковъ же и чудесный разсказъ «Темиръ-Аксакъ-Ханъ» — разсказъ о пѣснѣ нищаго, который въ этой пѣснѣ передаетъ притчу о могущественномъ ханѣ, кончившемъ тѣмъ, что сидѣлъ ханъ въ пыли на камняхъ базара, цѣловалъ лохмотья проходящихъ калѣкъ и нищихъ и говорилъ имъ: «Выньте мою душу, калѣки и нищіе, ибо нѣтъ въ ней болѣе даже желанія желать». Эту пѣсню слушаетъ дама, пріѣхавшая на автомобилѣ. Глаза ея горятъ отъ слезъ, но у нея такое чувство, что никогда не была она такъ счастлива, какъ въ эту минуту, послѣ пѣсни о томъ, что все суета и скорбь подъ

солнцемъ... Таковы же разсказы «Звѣзда любви» о «порченой» дѣвкѣ-горбуньѣ и «Огнь пожирающій», о кощунственномъ обрядѣ сожженія труповъ въ современномъ крематоріи.

Но не всегда поэтъ считаетъ необходимымъ прислонять свои размышленія къ бытовому остову. Иногда передъ нами въ чистомъ видѣ философическая поэзія, проникновенная, огнедышащая. Такова «Ночь отреченія». Бурная сказочная ночь на берегу тропическаго океана:

«Валы океана, съ огненно-кипящими гривами, въ ревѣ и въ гулѣ бѣгущіе къ берегу, вспыхиваютъ передъ тѣмъ, какъ рушиться, столь ярко, что озаряютъ зеленымъ отблескомъ человѣка, стоящаго въ лѣсу надъ берегомъ. Человѣкъ этотъ босъ, съ обрѣзанными волосами, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ, въ рубищѣ отшельника... Твердо и звучно, преодолѣвая и этотъ грохотъ и слитный гулъ лѣсовъ и урагана, возглашаетъ онъ:

— Слава Возвышенному, Святому, Всепросвѣтленному, Побѣдившему желаніе.

Вихремъ несутся вмѣстѣ съ ураганомъ, въ черной лѣсной тьмѣ миріады какъ бы огненныхъ глазъ. И восторженно-страстно звучитъ голосъ человѣка стоящаго на берегу:

— Тщетно, Мара. Тщетно, Тысячеглазый, искушаешь ты меня. Отступись, Мара. Какъ дождевая капля съ тугого листа лотоса, скатывается съ меня желаніе.

Но побѣдно, съ визгомъ и хохотомъ, въ ливнѣ сыплющихся листьевъ мчится вихрь несмѣтныхъ огненныхъ глазъ, озаряя подъ чернымъ навѣсомъ какъ бы исполинское Изваяніе: Сидящаго на землѣ, главой своей

возвышающагося до самыхъ верхушекъ пальмъ... И страшный голосъ Его, голосъ, звучащій безъ напряженія, по силѣ же подобный грому, величаво катится изъ глубины лѣсовъ къ Человѣку, стоящему на берегу:

— Истинно, истинно говорю тебѣ, ученикъ: снова и снова отречешься ты отъ меня ради Мары, ради сладкаго обмана смертной жизни, въ эту ночь земной весны».

Я не исчерпалъ содержанія сборника «Роза Іерихона», но далъ, мнѣ кажется, достаточное представленіе о направленіи бунинскаго творчества, отразившемся въ этомъ сборникѣ. Онъ останавливается на 1923 году. Въ позднѣйшіе годы это направленіе только расширяется и углубляется. Вотъ передъ намъ сборникъ «Митина Любовь», получившій свое названіе отъ помѣщенной на первомъ мѣстѣ извѣстной уже намъ большой повѣсти. Въ немъ мы находимъ рядъ разсказовъ сравнительно большаго объема — и между ними два примѣчательныхъ очерка, дающихъ описаніе двухъ типовъ большевицкихъ дѣятелей, одного вырасшего въ поднимающейся полуинтеллигентной средѣ крестьянской («Товарищъ Дозорный»), другого даннаго опускающейся средой дворянской («Красный генералъ»). Находимъ мы въ немъ нѣсколько мастерскихъ стихотвореній. Но главную прелесть и главную значительность сборника составляютъ маленькія прозаическія произведенія, отчасти дающія новые болѣе совершенные и гораздо болѣе короткіе варіанты тѣхъ образцовъ, съ которыми мы уже познакомились по сборнику «Роза Іерихона, отчасти знаменующіе еще нѣчто новое. Новыми являются разсказы, темой имѣющіе сны или полусны поэта. (Именины. Скарабеи. Музыка.) Поэтъ переда-

етъ намъ содержаніе своихъ во снѣ происшедшихъ перевоплощеній въ самого себя, но въ другой моментъ своего земнаго существованія! Новая форма стыка мгновеннаго и вѣчнаго, призрачнаго и реальнаго...

Я не могу подробно останавливаться на изложеніи всего богатства мыслей, наблюденій и чувствъ, которыя нашли отраженіе въ очаровательныхъ миніатюрахъ и болѣе крупныхъ пьесахъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ. Отмѣчу только два обстоятельства. Съ одной стороны, хочется указать на замѣчательныя по мягкости и теплотѣ изображенія русской души. Вотъ описаніе Успѣнія Святителя: вечеромъ пѣснопѣнія, до полуночи разсказъ любимѣйшему черноризцу о трудахъ и мечтахъ юности, о первыхъ молитвенныхъ восторгахъ — а утромъ, на разсвѣтѣ, «Онъ на колѣняхъ передъ божницей, закинувъ назадъ свой тонкій и блѣдный ликъ, уже хладный и безгласный... Такъ и пишется Онъ на одномъ древнемъ образѣ. И былъ этотъ образъ самымъ завѣтнымъ у одного святого, намъ почти современнаго, простого тамбовскаго мужика. И молясь передъ нимъ, такъ обращался онъ къ великому и славному Святителю: — Митюшка, милый! — Только одинъ Господь вѣдаетъ мѣру неизреченной красоты русской души.

«Книга». Поэтъ на гумнѣ, съ книгой.

«По сухой фіолетовой дорогѣ, пролегающей между гумномъ и садомъ, возвращается съ погоста мужикъ. На плечѣ блестящая, бѣлая желѣзная лопата съ прилипшимъ къ ней синимъ черноземомъ. Лицо помолодѣвшее, ясное. Шапка сдвинута съ потнаго лба.

— На своей дѣвочкѣ кустъ жасмину посадилъ! — бодро говоритъ онъ, проходя мимо меня. Добраго здоровья. Все читаете, все книжки выдумываете?

Онъ счастливъ. Чѣмъ? Только тѣмъ, что живетъ на свѣтѣ, то-есть совершаетъ нѣчто самое непонятное и дивное въ мірѣ».

«Лапти». Вьюга. Въ хуторскомъ домѣ мальчикъ въ бреду — все плачетъ, все проситъ дать ему какіе то красные лапти. Мать въ отчаяніи. Узнаетъ объ желаніи больнаго ребенка Нефедъ, принесшій соломы на топку. «Мотнулъ шапкой, задумался. Шапка, борода, старый полушубокъ, разбитые валенки, — все въ снѣгу, все обмерзло. . . И вдругъ совсѣмъ неожиданно и твердо:
— Значитъ надо добывать. Значитъ душа желаетъ».

И вотъ онъ идетъ въ деревню за шесть верстъ за фуксиномъ, которымъ можно было бы покрасить лапти въ красный цвѣтъ — идетъ въ бѣлое куда то бѣшено несущееся степное море. . . На разсвѣтѣ мужики привезли замерзшаго Нефеда—сами заплутались и только тѣмъ и спаслись, что, нашедъ Нефеда, узнали его и сообразили, что недалеко хуторъ. За пазухой Нефеда лежали новенькіе ребячьи лапти и пузырекъ съ фуксиномъ. . .

Второе обстоятельство, которое я хотѣлъ бы отмѣтить, это какое то нарочитое чувство радости жизни, прорывающееся въ самые неожиданные моменты и въ условіяхъ весьма далекихъ отъ того, что намъ кажется благополучіемъ.

«Мухи». Прокофій лежитъ на нарахъ подъ палатями уже третій годъ съ отнявшимися, высохшими ногами. Чѣмъ же онъ занимается? Мухъ ловитъ — и тому радъ! Его пожалѣлъ поэтъ — онъ бодро и спокойно отвелъ это сожалѣніе: «Вы вотъ наровите какъ бы что придумать получше, а я какъ бы побольше мухъ помять. И все одна честь, одно удовольствіе. И смерть

то-же самое. Кабы она ужъ правда была такъ страшна, никто и не умиралъ бы, никогда бы Господь такой муки не допустилъ. Нѣтъ, это только одно мнѣніе. . .» Поэтъ покидаетъ Прокофія съ «сознаніемъ какой-то глупой легкости ко всему окрующему» — и все ему кажется особенно хорошо кругомъ. Думаетъ онъ о Прокофіи: «Мудрость ли это, или же просто какой то ясноокій идіотизмъ? Блаженство нищихъ духомъ, или безразличіе отчаянія? Ничего не понимаю, ѣду и смотрю въ даль».

«Скарабеи». Сонъ о томъ, какъ въ Каирѣ въ Булакскомъ музеѣ осматривалъ коллекцію скарабеевъ, извлеченныхъ изъ гробницъ — скарабеевъ, лежавшихъ на груди царскихъ мумій. «Пять тысячъ лѣтъ жизни и славы, а въ итогѣ — игрушечная коллекція камешковъ. И камешки эти символъ вѣчной жизни, символъ воскресенія. Горько усмѣхаться или радоваться? Все таки радоваться. Неистребима вѣра человѣка въ жизнь, въ ея побѣду надъ смертью. И съ какой-то восторженной твердостью говорилъ я себѣ во снѣ, что все таки «надо радоваться».

«Богиня». Разсказъ о судьбѣ Терезы Анжелики Обри — Богини Разума, выступавшей въ этой роли въ Парижѣ 10 ноября 1793 года. Поэтъ посѣщаетъ ея заброшенную, забытую могилу и вспоминаетъ объ ея трагической судьбѣ. Но и тутъ не находитъ поэтъ словъ горечи и печали. «Одно хорошо, говоритъ онъ въ заключеніе: отъ жизни человѣчества, отъ вѣковъ поколѣній остается на землѣ только высокое, доброе и прекрасное, только это. Все злое, подлое и низкое, глупое въ концѣ концовъ не оставляетъ слѣда. А что осталось, что есть? Лучшія страницы лучшихъ книгъ, преданія о че-

сти, о совѣсти, о самопожертвованіи, о благородныхъ подвигахъ, чудесныя пѣсни и статуи, великія и святыя могилы, греческіе храмы, готическіе соборы, ихъ райски-дивныя стекла, органные громы и жалобы, Dies irae и «Смертью смерть поправъ»... Остался есть и во вѣки будетъ Тотъ, Кто со креста любви и страданія, простираетъ своимъ убійцамъ неизмѣнно нѣжныя объятія, и Она, Единая, Богиня богинь, Ея же благословенному царствію не будетъ конца».

Но только ли это драгоцѣнное прекрасно, изъ всего того, что сохранило намъ прошлое? Не надо ли признать, что вообще все сохраненное памятью значительно и прекрасно? Цѣлый трактатъ на эту тему произноситъ старичекъ-сенаторъ въ разсказѣ «Надписи». Онъ доказываетъ, что, въ сущности, нѣтъ никакой разницы между самыми знаменитыми произведеніями письменности и скромными записями какихъ нибудь скромныхъ туристовъ на какихъ нибудь колоннахъ... Старичка трогаютъ и надписи на зеркалахъ, и инициалы на скамейкахъ и деревьяхъ — и ему все равно чьи тутъ имена — Гете или Фрица, Лизы изъ «Дворянскаго Гнѣзда» или ея горничной...

Но и дальше — только ли то, что касается человѣка прекрасно и значительно? Нѣтъ. Прекрасно все — самое ужасное! Вотъ изумительный по экспрессіи отпечатокъ пережитаго — разсказъ о томъ, какъ принесли съ охоты только что убитаго русака. Съ изумленіемъ и восторгомъ смотритъ на него поэтъ! Дивное чудо! «Часъ тому назадъ, всего часъ тому назадъ, шевеля этими усами, прижавъ вотъ эти длинные уши и чутко, зорко кося за спину стекломъ глазъ, золотистыхъ вну-

три, онъ лежалъ въ мерзлой ямкѣ подъ сугробомъ въ полѣ, наполняя эту ямку своимъ жаркимъ тепломъ, блаженствуя въ буйномъ дыму вьюги. . . . Нѣтъ словъ выразить то непонятное наслажденіе, съ которымъ я чувствую и эту гладкую шкурку, и закаменѣвшую тушку, и самого себя, и холодное окно прихожей, занесенное, залѣпленное свѣжимъ, бѣлымъ снѣгомъ, и весь этотъ вьюжный блѣдный свѣтъ, разлитый въ домѣ. . .»

Радость, радость — къ ней неизмѣнно возвращается поэтъ, къ ней призываетъ. Но какъ близка, какъ погранична эта радость печали! Пусть безмѣрна эта радость — радость о жизни всякаго живущаго существа, она умножена у человѣка въ миріады разъ силой памяти, способной воскресить былое, ставшее уже жертвой смерти. Однако, смерть все еще есть — и траурнымъ флеромъ мгновенно подергивается вся эта радость, превращаясь въ какое то заклинаніе смерти, въ какое то именно нарочитое, напряженное, экстатически-подхлестнутое восхваленіе жизни — только бы отогнать страшный, неотвратимый призракъ смерти. Восторгъ жизни неустранимо оборачивается скорбнымъ взираніемъ на бренное, обреченное на уничтоженіе «бываніе», оказывающееся лишь блистательнымъ покровомъ Небытія. И не мудрѣе ли погрузиться въ это небытіе въ сознательномъ актѣ самоотреченія? Этотъ неустранимый, ничѣмъ не преодолѣнный разительный контрастъ экстатической радости бытія и меланхолическаго пріятія небытія не составляетъ ли онъ подлинное существо бунинскаго міросозерцанія? Его съ замѣчательной силой, одновременно и философской и поэтической, Бунинъ выразилъ въ своей, можно сказать, метафизической исповѣди, вошедшей въ слѣдующій имъ изданный

сборникъ, названный по имени извѣстнаго намъ разсказа «Солнечный ударъ».

Я говорю о «Цикадахъ», о которыхъ уже говорилось выше.

Это думы подъ хрустальный звонъ цикадъ — думы о великомъ счастьи, испытываемомъ поэтомъ отъ великаго покоя и великой гармоніи ночи, и о великой его тоскѣ... «Чѣмъ страстнѣе пѣвецъ Пѣсни Пѣсней, тѣмъ вѣрнѣе кончаетъ онъ Экклезіастомъ!» Думы о томленіи своимъ счастьемъ, о растущемъ въ душѣ безуміи своей отдѣленности отъ міра и даже отъ самого себя. «Такъ въ дѣтствѣ смотрѣлся я въ зеркало: что это такое, кто же это тотъ, котораго я вижу, который есть я и о которомъ я-же и думаю, и кто на кого смотритъ?» Думы о томъ, что нѣтъ для сознанія человѣка ни начала ни конца. «Я помню, что когда то миріады лѣтъ тому назадъ, я былъ козленкомъ». И я самъ испыталъ однажды (какъ разъ въ странѣ Того, Кто сказалъ это, въ индійскихъ тропикахъ) ужасъ необыкновенно остраго ощущенія, что я уже былъ когда то среди этого райскаго тепла и райскихъ богатствъ». Думы о смерти. «Я не понимаю, не чувствую емерти... Я всю жизнь живу подъ страшнымъ знакомъ смерти — и все таки у меня такое чувство, будто я никогда не умру». Думы о томъ, что́ такое «поэтъ», не человѣкъ ли, который обладаетъ способностью перевоплощенія и кромѣ того особенно образной (чувственной) памятью? «А для того, чтобы быть однимъ изъ такихъ людей, надо быть особью, прошедшей въ цѣпи своихъ предковъ очень долгій путь существованій и вдругъ явившей въ себѣ особенно полный образъ своего дикаго пращура со всей свѣжестью его ощущеній, со всей образностью

его мышленія и съ его огромной подсознательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ особью, безмѣрно обогащенной за свой долгій путь и уже съ огромной сознательностью. Великій мученикъ или великій счастливецъ такой человѣкъ? Непремѣнно и то и другое. Проклятіе и счастье такого человѣка есть особенно сильное Я, жажда вящаго утвержденія его и вмѣстѣ съ тѣмъ вящее (въ силу огромнаго опыта во время пребыванія въ огромной цѣпи существованій) чувство тщеты этой жажды, обостренное чувство Всебытія. И вотъ Будда, Соломонъ, Толстой. . .» Думы о преодолѣніи смерти, о вѣчности. «Не разъ чувствовалъ я себя не только прежнимъ собой, но и своимъ отцомъ, дѣдомъ, прадѣдомъ: въ свой срокъ кто-то долженъ и будетъ чувствовать себя — мной». То, что человѣкъ можетъ сказать себѣ: «вѣрь спокойно, не пропала и никогда не пропадетъ ни единая даже самая малѣйшая частица твоего существованія» — не есть ли это преодолѣніе смерти? Вѣнецъ каждой человѣческой жизни это память о ней — не является ли самое стремленіе сохранить о себѣ память стремленіемъ преодолѣть смерть? Но все же стоитъ она, смерть, передъ сознаніемъ человѣка — и неустанно, всѣмъ существомъ кричитъ человѣкъ: «Стой, солнце.» И кричитъ тѣмъ страстнѣе, чѣмъ въ немъ больше близости къ Всеединому, къ Всебытію или — что же самое — къ Небытію. . . А цикады все поютъ и поютъ. «Чего же, наконецъ, достигнетъ это звенящее молчаніе? Но вотъ — легкое движеніе воздуха, морской свѣжести и запаха цвѣтовъ. И я точно просыпаюсь. Я оглядываюсь кругомъ и встаю съ мѣста. Я сбѣгаю съ балкона, иду, хрустя галькой, по саду, потомъ бѣгу внизъ, по обрыву. Я иду по песку, сажусь у самого края, воды и съ упое-

ніемъ, сладострастно погружаю въ нее руки, мгновенно загорающіяся миріадами свѣтящихся капель, несмѣтныхъ жизней... Нѣтъ, еще не насталъ мой срокъ. Есть еще нѣчто, что сильнѣе всѣхъ моихъ умствованій. Еще какъ женщина вожделѣнно мнѣ это водное ночное лоно... Боже, оставь меня!»

Я въ краткихъ извлеченіяхъ познакомилъ читателя съ «Цикадами». Всякій, кто захочетъ ближе подойти къ явленію Бунина, долженъ прочесть это произведеніе полностью и продумать до конца его — Бунинъ въ немъ какъ бы приподнялъ завѣсу, которой отдѣлилъ его Богъ отъ другихъ людей. Въ свѣтѣ заключающихся въ этой метафизической исповѣди признаній все творчество Бунина какъ бы получаетъ свое истинное и окончательное истолкованіе. Что есть это творчество, какъ не величественное единоборство поэта со смертью? Ранѣе объ этомъ поэтъ говорилъ иносказательно — наиболѣе ясно въ замѣчательномъ его очеркѣ, описывающемъ борьбу со смертью великаго пророка, которому за его мудрость и смиреніе Богъ далъ великую награду — отойти въ вѣчность такъ, чтобы въ сознаніе его не проникла смерть: и онъ покинулъ жизнь, исполненный радости ея. Теперь Бунинъ говоритъ объ этомъ прямо и просто, съ той серьезной и честной правдивостью, которая свойственна его природѣ писателя и человѣка.

Смерть? Не есть ли путь преодолѣнія ея — творческая память? Память чья и о чемъ? Только ли память человѣчества въ цѣломъ о далекомъ? Не есть ли путь преодолѣнія смерти и творческая память отдѣльнаго человѣка о себѣ? Тайна зеркала! Мы знаемъ уже въ какой мѣрѣ она владѣла сознаніемъ поэта.

Не было ли бы величайшей побѣдой человѣка надъ небытіемъ творческое овладѣніе самимъ собой — тѣмъ вторымъ «я», которое смотритъ на себя въ зеркало и которое столько разъ мѣняется съ момента перваго проблеска сознанія въ немъ?

И вотъ Бунинъ берется за гигантскую задачу: перевоплотиться въ самого себя, въ своихъ прошлыхъ «бываніяхъ» и наново пережить свою жизнь сознательнымъ актомъ творческой памяти. Зачѣмъ останавливаться на стадіи размышленій надъ міромъ? Зачѣмъ прикрываться художественнымъ вымысломъ? Не проще ли, не естественнѣе ли отбросить все промежуточное и случайное и прямикомъ пойти къ разрѣшенію основной, нѣтъ, не основной — единственной проблемы, которая передъ художественнымъ взоромъ поэта, проблемы предстоянія его, поэта, Богу въ мірѣ? Себя чувствуетъ онъ во всемъ мірѣ. Весь міръ чувствуетъ онъ въ себѣ. Зачѣмъ же обращаться къ обходнымъ путямъ? Не исполнитъ ли онъ свой задачу, свою миссію, свое призваніе въ мірѣ, если прямо и просто дастъ, такъ сказать, художественный отчетъ о своемъ жизненномъ пути въ мірѣ, если перевоплотится въ самого себя и, наконецъ, — мечта всей жизни! — оглянется, стоя передъ зеркаломъ, такъ, чтобы увидѣть и себя и «комнату» какъ то со стороны?

Такъ, мнѣ кажется, родилась «Жизнь Арсеньева» — произведеніе, вѣроятно, единственное въ міровой литературѣ. Это не художественная автобіографія, въ которой переплетается вымыселъ и правда, а именно опытъ метафизическаго перевоплощенія въ самого себя, опытъ воплощенія въ творческомъ словѣ этого метафизическаго перевоплощенія. Что правда, что вымыселъ въ

этомъ произведенiи? Это не существенно. Поэтъ не связанъ фактами — онъ подчиняется не бiографической, позитивной правдѣ, а правдѣ художественной, метафизической. Существовала ли Лика? Такой, какъ она изображена въ романѣ — никогда. Но, переживая на ново свою жизнь, поэтъ именно такъ ее увидалъ — создалъ ее, и наново влюбился въ этотъ созданный имъ образъ — влюбился такъ, что испытывалъ блаженство и страданiя любви и ревности. Въ поискахъ сырого «подлиннаго» бiографическаго матерiала изслѣдователь вообще гораздо больше найдетъ въ раннихъ произведенiяхъ «беллетристическихъ», въ которыхъ неопытная еще рука писателя въ нѣкой черезполосицѣ перемежала, «правду» и «вымыселъ». Въ «Жизни Арсеньева» все бiографическое безъ остатка перегорѣло въ пламени художественнаго творчества, переплавилось въ сплошную массу ковкаго металла, изъ котораго поэтъ отливаетъ, формуетъ свои незабываемые горельефы. Какъ назвать это произведенiе? Какъ опредѣлить жанръ этого перваго большого бунинскаго творенiя, отвѣчающаго по своему формальному строенiю заданiю романа? Можетъ быть это покажется удивительнымъ читателю, но единственный отвѣтъ такой: передъ нами стихотворенiе въ прозѣ. Это опредѣляетъ форму «Жизни Арсеньева». Что касается содержанiя, то отвѣтъ будетъ не менѣе удивителенъ. Передъ нами религiозно-философская поэма, раздумье надъ судьбами человѣка — но раздумье не абстракто-интеллектуальное, а, какъ прекрасно выразился одинъ критикъ, сказавшiй вообще много вѣрнаго и мѣткаго о Бунинѣ, Ф. А. Степунъ, «созерцанiе мiра умными глазами», причемъ, прибавлю я, такое созер-

Ivan Bunin
1925
Paris

цаніе, въ результатѣ котораго возникаетъ реалистически-чувственное и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозно истолкованное воспроизведеніе этого, умными глазами созерцаемаго, міра.

Надо ли снова говорить о совершенствѣ бунинскаго реализма, о разительномъ многообразіи и пронзительной яркости присущей ему чувственности? Надо ли говорить о глубинѣ и возвышенности того созерцательнаго раздумья, которымъ обвѣяна эта принимающая символическій характеръ, но неизмѣнно плотная реалистическая ткань? Надо ли говорить о магической силѣ слова и образа, которой заряжено это, самое выношенное, самое близкое, самое отвѣтственное бунинское твореніе? Оно какъ бы куполомъ покрываетъ все дѣло писательской жизни Бунина, охватывая все, что выросло въ его душѣ, что отпечатлѣлось въ его памяти.

Непередаваемо впечатлѣніе, вызываемое чтеніемъ этого произведенія. Точно идешь въ разрѣженномъ воздухѣ горъ, вдыхаешь его полной грудью и съ горделивымъ сознаніемъ своего человѣческаго величія, отнюдь не умаляемаго космическимъ величіемъ окружающаго Божьяго міра, упиваешься красотой раскрывающихся передъ тобой панорамъ. Во истину печать Бога Живаго лежитъ на этомъ мірѣ! Гимномъ красотѣ и правдѣ звучитъ торжествующее бунинское слово. Самая жизнь Арсеньева, самое его существованіе — не есть ли оно хвала, возносящаяся къ Престолу Всевышняго? — «Сказка моей жизни» назвалъ когда то свою автобіографію Андерсенъ, этотъ безсмертный глашатай добра, другъ дѣтей всего міра. «Хоралъ моей жизни» — могъ бы по справедливости назвать біографію своего литературнаго двойника Бунинъ.

И вотъ что замѣчательно, что воистину дивно и отрадно. Въ процессѣ писанія «Жизни Арсеньева» ощущается знаменіе какого то новаго, просвѣтленнаго и умиротвореннаго духовнаго сдвига. Впервые въ бунинскомъ сознаніи и творчествѣ съ такой яркостью появляется человѣческая личность, предстоящая личному Богу.

Гдѣ безрадостная мудрость, пронизывающая прежнія, столь недавнія философическія поэмы? Гдѣ скорбная жажда небытія и жажда утвержденія своей радости лишь какъ протеста, какъ заклинанія противъ безсмысленности, противъ безобразія смерти? Смерть! Она по прежнему владѣетъ сознаніемъ поэта. Но наряду съ прежними мотивами читатель, обладающій внутреннимъ слухомъ, безъ труда ощутитъ и новые. И прежде всего читатель ощутитъ то, что было ранѣе чуждо бунинскому творчеству въ его цѣломъ — онъ ощутитъ величіе человѣка, его качественное отличіе отъ всякой иной твари земной, ощутитъ въ образѣ человѣка образъ Бога Живаго, Промыслителя Міра. Не чудно, не дивно ли это? Твореніе, которое было задумано, какъ актъ богоборчества, какъ вызовъ смерти; какъ попытка преодолѣть ея ужасъ утвержденіемъ примата творческой «памяти» человѣка, соединяющей его пращуровъ съ отдаленнѣйшими потомками, надъ безобразнымъ и безсмысленнымъ явленіемъ личной смерти; какъ уничтоженіе жалкой отдѣльной человѣческой личности во имя рода; какъ реакція индивидуально-чувственнаго «райскаго» сознанія противъ грядущаго, непреоборимаго, уже нависшаго исчезновенія въ Сверхличномъ; какъ послѣдній отвѣтъ Мары на зовъ выйти изъ Цѣпи — это самое твореніе, силой какой то внут-

ренней логики, опрокидывающей умыслы и замыслы художника-мыслителя, увело его въ направленіи совершенно иномъ — къ Богу Личному, соединенному личной связью съ личностью человѣка, по Его образу и подобію созданнаго. . .

Какъ это произошло? Это — тайна, на которую поэтъ могъ бы отвѣтить снова словами: «никто моихъ путей, никто моей души не знаетъ кромѣ Бога». Одно можно сказать съ полной увѣренностью: путь поэта идетъ черезъ Россію.

Война уже заставила почувствовать Бунина себя русскимъ. Но это было въ планѣ такъ сказать земномъ, политическомъ, національномъ. Теперь, за рубежомъ, переживая на ново свою жизнь въ условіяхъ гибели русскаго государства и предъ лицомъ глубочайшаго паденія русскаго народа, Бунинъ наново перечувствовалъ и передумалъ все таящееся въ немъ русское, все то, что отобразилось въ немъ отъ Россіи и русскихъ. И наряду съ «Жизнью Арсеньева» начала расти въ этомъ произведеніи эпопея Россіи.

Господи, какъ она, эта Россія, непохожа на ту, которую мы знаемъ по прежнимъ бунинскимъ произведеніямъ! Мракъ владѣлъ почти безъ остатка той Россіей, прежней, — теперь свѣтъ струится отъ ея образа, воскрешеннаго геніемъ поэта. Гдѣ правда? Правда была и тамъ — пусть не вся правда, не все таки правда, и то, что мы сейчасъ переживаемъ, есть лучшее тому доказательство. Но правда высшая сіяетъ въ «Жизни Арсеньева»: тутъ запечатлѣнъ ликъ Россіи не временный и искаженный, а вѣчный, метафизически просвѣтленный. Въ соотвѣтствіи со всѣмъ тоносомъ изложенія и

Россія Арсеньева какъ бы одухотворена, спиритуализирована.

«Одухотворена»?

Да, одухотворена! Это то именно слово, которое я хотѣлъ употребить. И то, что его можно съ извѣстнымъ правомъ употребить уже свидѣтельствуетъ о громадномъ сдвигѣ, который знаменуетъ собой въ творческомъ и человѣческомъ пути Бунина это его произведеніе. Вся сила бунинской чувственности осталась, но она начинаетъ пріобрѣтать существенно новый оттѣнокъ, она лишается своей такъ сказать агрессивности, своей родственности Марѣ, своего «райскаго» характера: міръ во всѣхъ его краскахъ, звукахъ, запахахъ, вкусахъ именно одухотворяется — становится земнымъ подножьемъ Бога — и это прежде всего въ обличьи Россіи — той Россіи, которая есть родина православнаго Бога. Прочтите описаніе православнаго богослуженія въ церковкѣ Воздвиженія — не возвращеніе ли это подъ сѣнь родной церкви? И какимъ глубокимъ смысломъ и значеніемъ проникнуты слова, слѣдующія за этимъ описаніемъ. «Нѣтъ, это неправда — то, что я говорилъ о готическихъ соборахъ, объ органахъ: никогда не плакалъ я въ этихъ соборахъ такъ, какъ въ церковкѣ Воздвиженія въ эти темные и глухіе вечера, проводивъ отца съ матерью и войдя истинно какъ въ отчую обитель подъ ея низкіе своды, въ ея тишину, тепло и сумракъ, стоя и утомляясь подъ ними въ своей длинной шинелькѣ и слушая скорбно-смиренное «Да исправится молитва моя», или сладостно-медлительное «Свѣте Тихій — Святыя славы безсмертнаго — Отца небеснаго — святого блаженнаго — Іисуса Христа. . .» мысленно упиваясь видѣніемъ какого то мистическаго Заката, кото-

рый представлялся мнѣ при этихъ звукахъ: «Пришедше на западъ солнца видѣвше свѣтъ вечерній. . .» или опускаясь на колѣни въ тотъ таинственный и печальный мигъ, когда опять на время воцаряется глубокая тишина во всей церкви, опять тушатъ свѣчи, погружая ее въ темную ветхозавѣтную ночь, а потомъ протяжно, осторожно, чуть слышно зачинается какъ бы отдаленное, предразсвѣтное: «Слава въ вышнихъ Бога и на земли миръ — въ человѣцѣхъ благоволеніе. . .» съ этими страстно-горестными и счастливыми рыданіями въ серединѣ: «Благословенъ еси, Господи, научи моя оправданіемъ Твоимъ». Что вызывало на мои глаза эти горячія и возвышенныя слезы, которымъ я отдавался съ такимъ упоеніемъ, хотя даже и въ ту пору было во мнѣ уже много крѣпости, сдержанности, скрытности? Можетъ быть, больше всего нѣкое скорбное прозрѣніе, тайно въ тѣ минуты осѣнявшее меня, прозрѣніе не только моей собственной будущей судьбы, но и всякой судьбы земной. . .»

И здѣсь послѣдній аккордъ печаленъ, горестенъ. Печаль неотрывна отъ облика Арсеньева. «Жизнь печальнаго счастливца» озаглавилъ я свою статью, посвященную первому отрывку изъ «Жизни Арсеньева», появившемуся въ русской печати. Но печаль Арсеньева свѣтла и лучиста. И, не смотря на эту печаль, радость струится со страницъ «Жизни Арсеньева», не та радость жизни, которая есть экстатическій протестъ противъ смерти, а радость умиленная и возвышенная — во истину хоралъ Богу въ мірѣ, отдѣльныя ноты котораго раньше лишь эпизодически звучали въ Бунинской поэзіи. «Какъ лань стремится къ потокамъ водъ, такъ душа моя стремится къ Тебѣ, Боже!» — написалъ Бунинъ въ пре-

дисловіи къ англійскому изданію «Жизни Арсеньева». И правъ русскій критикъ Глѣбъ Струве, когда онъ эти слова псалма Давида беретъ эпиграфомъ ко всему творческому дѣлу Бунина.

«Жизнь Арсеньева» не кончена еще, и рано говорить объ ней въ полномъ объемѣ. Не конченъ и творческій путь Бунина — не время еще подводить итоги. Послѣ первой части «Жизни Арсеньева» появился новый и тоже въ высокой степени замѣчательный сборникъ «Божье древо». Въ немъ звучатъ разные мотивы. Тутъ прежде всего еще «старый», поздній Бунинъ доводитъ до окончательнаго совершенства иные изъ своихъ начатыхъ имъ за рубежомъ «жанровъ». Серія миніатюръ, изъ которыхъ каждая есть притча или мимолетный художественный бликъ, исполненный экспрессіи часто потрясающей, неизмѣнно въ короткомъ замыканіи соединяющій «мгновенное» и «вѣчное» — нѣсколько иногда лишь словъ, полъ страницы и того меньше — но какъ бы молнія озаряетъ и разсѣкаетъ окружающій насъ міръ, падая въ вѣчность. Въ этомъ же сборникѣ извѣстныя намъ «Странствія», памятникъ физическаго прощанія съ Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обрѣтенія ея поэтомъ на путяхъ духовнаго сближенія съ нею. Тутъ же одно замѣчательное произведеніе, давшее названіе всему сборнику — разсказъ «Божье Древо» — вещь спокойная, внѣшне умиротворенная, не содержащая въ себѣ никакихъ ужасовъ, подобныхъ тѣмъ, которые намъ извѣстны по прежнимъ произведеніямъ Бунина, относящимся къ циклу «Россія» — и тѣмъ не менѣе способная привести вдумчиваго читателя въ состояніе самаго скорбнаго раздумья о судьбахъ русскаго народа и о свойствахъ его характера. Разсказъ этотъ воспроизво-

дитъ бесѣды съ крестьяниномъ — человѣкомъ не только не плохимъ, но въ какихъ то отношеніяхъ подобнымъ знаменитому мужицкому мудрецу, воспѣтому въ «Войнѣ и мирѣ» Толстымъ — Платону Каратаеву. И что же? По мѣрѣ развертыванія житейской философіи этого человѣка жуть охватываетъ читателя: передъ нимъ нѣчто морально безпозвоночное, способное въ любомъ направленіи катиться по линіи наименьшаго сопротивленія и во всякомъ случаѣ неспособное ни къ какому моральному сопротивленію, нѣчто вегетативное: «Я, какъ говорится, Божье древо: куда вѣтеръ, туда и она. . .» — вотъ философія этого существа! Типъ этотъ, который то и дѣло мелькалъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ Бунина, теперь очищенъ отъ всего лишняго и усложняющаго и до послѣдней возможной степени облагоображенъ — тѣмъ болѣе онъ жутокъ. Загадка Россіи и великая, величайшая задача, ей поставленная на путяхъ ея возстановленія!

Есть въ сборникѣ еще маленькая пьеса, которой онъ и окончивается. Называется она «Бернаръ» и говоритъ она о другѣ Мопассана — морякѣ изъ Антибовъ. Этотъ морякъ умеръ въ 1928 году и послѣднія слова его были: «Думаю, что я былъ не плохой морякъ». Бунинъ видитъ въ этихъ словахъ глубокій смыслъ. Богъ, когда сотворилъ небо и землю, «увидѣлъ, что это хорошо». Все въ этомъ непостижимомъ мірѣ д о л ж н о б ы т ь хорошо, д о л ж н о о т в ѣ ч а т ь Божьему намѣренію, и каждый изъ людей долженъ выполнять не за страхъ, а за совѣсть скромный долгъ, на него возложенный Богомъ. Если кто можетъ, подобно Бернару, сказать въ моментъ своей смерти: «Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего, и вотъ я осмѣливаюсь сказать тебѣ и лю-

дямъ: я думаю, что я не былъ плохой морякъ» — это значитъ что онъ выполнилъ свое назначенiе въ мiрѣ. «Каждый изъ насъ долженъ заслужить себѣ право сказать въ нѣкiй часъ то, что сказалъ съ такой радостной гордостью, умирая, Бернаръ».

Не новый ли это мотивъ въ трактовкѣ проблемы «смерти въ мiрѣ», и не находится ли онъ въ полномъ противорѣчiи съ «буддистскимъ« мiроощущенiемъ, такъ было овладѣвшимъ душей поэта и съ такой силой и убѣдительностью имъ многократно выраженнымъ? Мнѣ чудится, что это отзвуки глубокаго процесса, который происходитъ въ душѣ автора «Жизни Арсеньева». — Поэтъ какъ бы обрѣлъ Архимедову точку въ своей личности, которую онъ въ планѣ Россiи сдѣлалъ центромъ своей не метафизической, а художественной исповѣди. И какъ многозначителенъ тотъ фактъ, что содержанiе художественной исповѣди не совпало съ содержанiемъ исповѣди метафизической? Какъ многозначителенъ тотъ фактъ, что «Цикады» и «Жизнь Арсеньева» оказались явленiями не одного порядка, что вѣнецъ художественнаго творчества Бунина оказался антидотомъ его же безподобной философической поэмы! Бунинъ продолжаетъ писать «Жизнь Арсеньева», появились уже въ печати первыя главы второй ея части — творенiе это растетъ и ширится. Всѣ отдѣльные потоки бунинской души получили въ немъ обостренное выраженiе — но особую, ранѣе поэту недоступную, силу получило устремленiе къ душевной умиротворенности, слабые, сравнительно, слѣды котораго мы видѣли и раньше. Въ своемъ исканiи разгадки зеркала поэтъ въ амплитудѣ колебанiя достигъ за послѣднiе годы крайнихъ предѣловъ, въ полной мѣрѣ

использовавъ свой дивный даръ метафизическаго перевоплощенія. Онъ долженъ, наконецъ, найти самого себя и онъ находитъ себя — черезъ раздумье надъ своей жизнью, раздумье, принявшее форму художественнаго творенія красоты незакатной. И, повторяю, не дивно ли, что это его самое возвышенное и самое человѣческое твореніе получаетъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше значеніе нѣкоего опроверженія ранѣе съ такой волшебной силой возвѣшанной поэтомъ безрадостной мудрости, согласно которой «нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ немъ нѣтъ?»

«Пути Мои выше путей вашихъ и мысли Мои выше мыслей вашихъ».

ЭПИЛОГЪ.

«Слѣдовать за Пушкинымъ... труднѣе и отважнѣе, нежели итти новою собственной дорогой».

Баратынскій.

Толстой говорилъ, что и Пушкинъ и Тургеневъ и Гончаровъ были литераторами. На ряду съ собой онъ только одного Лермонтова признавалъ «не литераторомъ». Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? То, что и въ немъ и въ Лермонтовѣ было нѣчто качественно отличное, нѣчто иноприродное по сравненію съ тѣми писателями, которыхъ онъ назвалъ. Это нѣчто качественно отличное была устремленность къ вопросамъ нравственной правды, захваченность, чтобы не сказать, одержимость, этими вопросами.

Если бы Толстой могъ обозрѣть писательскій путь Бунина, онъ бы, надо думать, далъ и ему мѣсто рядомъ съ собой и Лермонтовымъ. И онъ былъ бы правъ въ отношеніи всѣхъ трехъ. Дѣйствительно, и Толстой, и Лермонтовъ, и Бунинъ не просто писатели, а нѣчто

большее и во всякомъ случаѣ качественно иное: они моралисты.

Это опредѣленіе можетъ, вызвать недоумѣніе, поскольку оно примѣняется къ Лермонтову и Бунину. Однако, оно совершенно точно и вполнѣ оправдано: надо только условиться заранѣе, что мы будемъ понимать подъ словомъ «моралистъ» и, въ частности, какое содержаніе мы будемъ вкладывать въ понятіе «писателя-моралиста».

Каждый человѣкъ, не являющійся духовнымъ уродомъ, въ той или иной мѣрѣ реагируетъ на то, что происходитъ какъ въ цѣломъ мірѣ, такъ и въ немъ самомъ по признаку «морали» — то-есть примѣнительно къ антитезѣ добра и зла. Существуютъ, однако, люди, которые ощущаютъ какъ бы нѣкое особое моральное призваніе, обладаютъ своего рода моральнымъ талантомъ, моральнымъ дарованіемъ. Это не означаетъ, что они должны быть «клириками», профессіоналами морали — философами, священнослужителями, пророками, проповѣдниками. . . Каждый человѣкъ и въ любой профессіи можетъ осуществлять свое моральное призваніе, можетъ проявлять свое моральное дарованіе, свой моральный талантъ. Нужно лишь, чтобы этотъ человѣкъ все, какъ внѣ себя, такъ и въ себѣ самомъ воспринималъ прежде всего подъ угломъ зрѣнія антитезы добра и зла; чтобы онъ свою роль въ мірѣ воспринималъ прежде всего, какъ нѣкое моральное призваніе, какъ моральную миссію.

Въ частности, писатель-моралистъ совсѣмъ не обязанъ для того, чтобы быть таковымъ, писать моральные трактаты въ духѣ Спинозы, поэтическія проповѣди въ стилѣ Ницше или нравственныя максимы въ родѣ

Ларошфуко. Онъ вообще можетъ быть далекъ отъ мысли, что онъ морализируетъ. Больше того — онъ, въ сущности, долженъ даже быть далекъ отъ этой мысли. Дѣйствительно, если онъ поставитъ передъ собой задачу кого то въ чемъ то убѣдить или разубѣдить, съ кѣмъ то бороться, кого то обличать или обращать — онъ будетъ, конечно, дѣйствовать въ планѣ моральномъ, но это не значитъ еще, что онъ будетъ дѣйствовать, какъ писатель. Съ другой стороны, представимъ себѣ человѣка, который съ большимъ литературнымъ мастерствомъ будетъ изощряться на нравственныя темы, не будучи проникнутъ подлиннымъ моральнымъ паѳосомъ — онъ, можетъ быть, получитъ право называться писателемъ, и даже большимъ, но онъ не станетъ отъ этого моралистомъ.

Для того, чтобы на лицо былъ писатель-моралистъ, необходимо сочетаніе въ одномъ лицѣ подлиннаго писательскаго призванія и таланта и подлиннаго моральнаго призванія и таланта. Нужно, чтобы человѣкъ былъ Божіей милостью писателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ настоящимъ моралистомъ, то-есть такимъ человѣкомъ, который и весь міръ и себя въ мірѣ воспринимаетъ прежде всего подъ угломъ зрѣнія антитезы добра и зла. Такой писатель, оказываясь моралистомъ, не совершаетъ надъ собой никакого насилія и не допускаетъ въ своемъ творчествѣ никакой тенденціозности. Онъ даетъ свободу своей душевной устремленности и она неустранимо и неотмѣнимо приводитъ его въ упоръ къ проблемѣ добра и зла. Его моральнымъ призваніемъ, его миссіей въ мірѣ является только одно: съ лояльностью человѣка и съ безстрашіемъ художника воплотить въ своемъ творчествѣ свое пониманіе, свое видѣ-

ніе міра. Это художественное изображеніе міра въ силу органической устремленности, въ силу неотвратимой обращенности писателя къ проблемѣ добра и зла не можетъ не быть моральнымъ по преимуществу.

Есть два типа моралистовъ. Однихъ можно назвать свѣтлыми по преимуществу, другихъ, по преимуществу темными, въ зависимости отъ того, какое начало, доброе или злое, является исходнымъ началомъ ихъ духовной природы. Въ моралистахъ темныхъ основная ихъ стихія — зло; его имъ приходится преодолѣвать, противъ него бороться всѣми силами души. Въ ихъ душѣ происходитъ тотъ поединокъ сатаны съ Христомъ, о которомъ говорилъ съ такой силой Достоевскій — самое можетъ быть величественное обнаруженіе зла, которое только знаетъ человѣчество.

Творчество такихъ писателей доставляетъ страданіе, на которое они и сами обречены — и тѣмъ больше это страданіе, чѣмъ сильнѣе въ нихъ злое начало. Вѣдь и въ тѣхъ даже случаяхъ, когда они оказываются жертвами въ поединкѣ между добромъ и зломъ, который происходитъ въ ихъ сердцѣ, они не престаютъ быть «моралистами!»

Писателей-моралистовъ порой обвиняютъ въ томъ, что они говорятъ только о себѣ: напрасно! Именно говоря о себѣ, писатель-моралистъ выполняетъ и свое писательское и свое моральное призваніе. Ибо призваніе его и какъ писателя и какъ моралиста въ томъ и состоитъ, чтобы воплотить въ своемъ художественномъ творчествѣ моральную трагедію человѣчества, въ немъ разыгрывающуюся, и сдѣлать это съ максимальной объективностью и съ максимальной силой.

Дѣйствуя въ художественномъ планѣ, писатель-моралистъ оказывается тѣмъ самымъ воинствующимъ моралистомъ: онъ борется со зломъ, укорененномъ въ его душѣ. Въ отношенiи къ писателямъ-моралистамъ можно сказать, что ихъ подлинное существо въ гораздо большей степени обнаруживается въ ихъ творчествѣ, чѣмъ въ ихъ «жизни». Ихъ бiографiя есть нѣчто менѣе подлинное, чѣмъ ихъ сочиненiя. А къ своимъ современникамъ они часто обращены лицомъ, которое только скрываетъ ихъ подлинную сущность. . .

Въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько замѣчательныхъ писателей-моралистовъ.

Писателемъ-моралистомъ былъ Гоголь. «Вся жизнь наша есть служба», говорилъ онъ. Службой было для него и его «словесное поприще». «Дѣло мое душа и прочное дѣло жизни», утверждалъ онъ, и все его «словесное поприще» только въ мѣру соотвѣтствiя этому «прочному дѣлу жизни» прiобрѣтало для него значенiе окончательное. Однако, хотя Гоголь тянулся къ добру, изобразительной силой въ планѣ моральномъ обладалъ онъ только по отношенiю къ явленiямъ человѣческой подлости и пошлости. Онъ палъ жертвой своей неспособности творчески осилить зло, противупоставивъ ему что нибудь положительное, свѣтлое. Тщетно взывалъ онъ: «Боже, дай полюбить еще больше людей! Дай собрать въ памяти своей все лучшее въ нихъ, пропомнить ближе всѣхъ ближнихъ и, вдохновившись силой любви, быть въ силахъ изобразить! О, пусть же сама, любовь будетъ мнѣ вдохновенiемъ-» Онъ не могъ побороть своего «безсилiя любви».

Обладатель изумительнаго музыкальнаго и архитектурнаго дара, дѣлающаго его произведенiя не поддаю-

щимися переводу на иностранные языки, онъ затратилъ этотъ необыкновенный даръ на созданіе геніальныхъ гротесковъ — единственныхъ въ своемъ родѣ, ибо сочетающихъ разительное внутреннее и внѣшнее уродство изображаемаго съ несравненными по совершенству архитектурно-музыкальными формами. Почему «Мертвыя души» поэма? Это трудно объяснить, но это непосредственно почувствуетъ всякій, кто прочтетъ это произведеніе въ подлинникѣ.

Несомнѣнно Гоголь былъ настоящимъ писателемъ-моралистомъ, въ томъ смыслѣ, который я придаю этому понятію. Въ наиболѣе значительныхъ произведеніяхъ художественныхъ онъ былъ пронизанъ сознаніемъ своего моральнаго призванія. То, что въ попыткахъ изобразить правду и добро, онъ оказывался безпомощнымъ, а въ изображеніяхъ человѣческой подлости и пошлости геніальнымъ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ былъ моралистомъ темнымъ. Тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ быть свѣтлымъ — онъ переставалъ быть писателемъ.

Замѣчательнымъ писателемъ-моралистомъ былъ Лермонтовъ. Почти каждое его слово морально окрашено. Свѣтоносность его моральной природы ослѣпительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находится подъ обаяніемъ зла, онъ одержимъ его демономъ.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильной
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя,

За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ тебѣ жъ приникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не тебѣ молюсь!
Но угаси сей чудный пламень —
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ.
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь, —
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

Лермонтову не нужно было, подобно Гоголю, угашать чудный пламень своей поэтической страсти для того, чтобы обращаться духомъ къ Богу. «Воздухъ тамъ чистъ, какъ молитва ребенка» — писалъ онъ въ юношескомъ стихотвореніи, посвященномъ Кавказу. Въ самый разгаръ своего таланта, въ произведеніи, давшемъ образъ одержимаго зломъ Печорина, Лермонтовъ могъ сдѣлать аналогичное сравненіе: «Тихо было на небѣ и землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы». Не только могъ Лермонтовъ до конца своихъ, такъ безжалостно рано оборванныхъ, юныхъ дней носить въ своемъ сердцѣ образъ молитвы, какъ что-то неотрывное отъ его существа: Лермонтовъ

могъ самъ говорить ангельскимъ языкомъ; нѣкоторыя его произведенія суть подлинныя молитвы — явленіе въ изящной литературѣ единственное. И все же этотъ ангелъ во плоти находился подъ властью злыхъ чаръ, и когда онъ говорилъ о Демонѣ еще въ самыхъ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ, какъ о «собраньи золъ», которое давитъ въ немъ «звукъ высокихъ ощущеній» — это не просто поэтическій образъ и не только дань подражанію моднымъ вѣяніямъ вѣка: это свидѣтельство о нѣкой реальности его метафизической природы. Шестнадцати лѣтъ онъ записалъ: «Я помню одинъ сонъ; когда я былъ еще 8 лѣтъ, онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ ѣхалъ въ грозу куда то; я помню облако, которое, небольшое, какъ бы оторванный клочекъ чернаго плаща, быстро неслось по небу: это такъ живо предо мной, какъ будто вижу». Этотъ призракъ висѣлъ надъ душой Лермонтова всю его короткую жизнь. Только смерть сорвала съ него черный плащъ, въ который онъ драпировался съ такимъ мучительнымъ сладострастіемъ духа и который въ своихъ складкахъ скрывалъ его поистинѣ ангельскія черты.

Замѣчательнымъ писателемъ-моралистомъ былъ Достоевскій. Это подлинное воплощеніе зла въ самыхъ острыхъ, самыхъ глубинныхъ, метафизически бездонныхъ его проявленіяхъ. Зло въ изображеніи Достоевскаго достигаетъ убѣдительности потрясающей, способной буквально отравить человѣческое сознаніе, вызвавъ изъ подъ него и ожививъ присущее ему, въ нѣкоемъ анабіозѣ пребывающее, первозданное зло. Этотъ исполинскій образъ зла заполняетъ, ошеломляетъ, приводитъ въ оцѣпеніе сознаніе жертвы Достоевскаго —

его читателя. Но въ тотъ моментъ, когда бездна зла готова уже кажется сомкнуться надъ его головой, раздается спасительная Осанна, своимъ побѣднымъ звукомъ разсѣкающая нависшую было безисходную тьму. Чудомъ любви къ Христу повержена въ прахъ циклопическая громада зла и льется на изъязвленную, измученную, обезсиленную, душу читателя свѣтъ правды восторжествовавшаго Бога. . .

Совершенно особое положенiе занимаетъ Толстой. Онъ замѣчательный писатель. Онъ замѣчательный моралистъ. Однако для Толстого характерно, что онъ въ раздѣльности великъ какъ моралистъ и какъ писатель.

Къ чему сводится существо «толстовства?» Къ превращенiю христiанства въ ученiе чисто моральное, устанавливающее правила земного поведенiя. Толстовство есть обмiрщенное, обезцерковленное, безблагодатное христiанство — христiанство безъ личнаго Бога, безъ молитвы, безъ таинствъ; христiанство, низведенное на землю и въ своемъ ригористическомъ максимализмѣ практически убивающее, обрекающее на уничтоженiе всѣ человѣческiя учрежденiя, самое человѣческую жизнь; христiанство, въ предѣлѣ упирающееся въ небытiе. . .

Надо ли удивляться, что, поскольку это ученiе становится для Толстого руководящимъ, оно обрекаетъ на уничтоженiе и результаты его собственной писательской дѣятельности и самое эту писательскую дѣятельность, которая есть не что иное, какъ художественное преображенiе жизни подлинной, реальной, движимой человѣческими мотивами во всей ихъ множественности и протекающей въ рамкахъ нормальныхъ человѣче-

скихъ учрежденій. Сначала Толстой какъ бы двоится и его произведенія представляютъ своеобразную черезполосицу страницъ, написанныхъ Толстымъ-художникомъ и Толстымъ-моралистомъ. Со временемъ моралистъ беретъ все больше верхъ надъ художникомъ, и если послѣдній не окончательно упраздняется, то только въ мѣру человѣческой слабости великаго художника.

Замѣчательнымъ моралистомъ является и Бунинъ. Онъ въ этомъ своемъ качествѣ обнаруживаетъ черты глубокаго и внутренняго родства съ Толстымъ и съ Лермонтовымъ: не даромъ сохранилъ Бунинъ на всю свою жизнь культъ Толстого, а въ молодости чуть было не сталъ толстовцемъ, и не случайно задумывалъ и одно время уже подготовлялъ онъ художественную біографію Лермонтова.

Въ чемъ родство Бунина съ Толстымъ? Въ чемъ его отличіе отъ него?

И Бунинъ какъ бы внутренне противится признанію неба, какъ сферы абсолютнаго духа, къ которой человѣкъ принадлежитъ какими то частицами своего внѣземнаго естества: онъ стремится снять антитезу неба и земли, поднять землю до небесъ и тѣмъ снизить небо до земли — низвести Бога на землю. Однако въ отличіе отъ Толстого Бунинъ воспринимаетъ «Бога въ мірѣ» не разумомъ, не раціоналистически, не въ планѣ моральныхъ правилъ поведенія — а чувствами. Именно поэтому въ немъ моралистъ не упраздняетъ писателя, а, напротивъ, сливается съ нимъ нераздѣльно, неразличимо. Бунинъ-моралистъ видитъ «доброе» въ каждомъ проявленіи бытія въ мірѣ, онъ міровое «все» воспринимаетъ, какъ Правду, какъ Красоту, какъ Бога Живого и своимъ художественнымъ даромъ въ сво-

ихъ твореніяхъ воспроизводитъ этотъ пантеистически зримый и преображаемый имъ міръ.

Однако, какъ и Толстой, Бунинъ не можетъ удержаться на этой позиціи: какъ и Толстой онъ неудержимо соскальзываетъ отъ Всебытія къ Небытію. Отъ признанія всего въ мірѣ одинаково значительнымъ всего лишь одинъ шагъ къ тому, чтобы признать все одинаково незначительнымъ — и это передъ лицомъ одного явленія, которое своимъ безобразіемъ, своей нелѣпостью, своей неотвратимостью все ниспровергаетъ, все низводитъ до уровня призрачности: явленія смерти. Идею личнаго Бога и идею личнаго безсмертія — этого знаменія связи человѣка съ небомъ, какъ сферой чистаго духа, отличной отъ видимаго чувственнаго міра — не носитъ Бунинъ въ душѣ своей, и именно потому смерть для него не тайна и таинство, а несказанный Ужасъ, отъ котораго можно уйти только цѣной сознательнаго растворенія себя въ безличномъ, цѣной сознательнаго паденія въ Небытіе. Различіе Бунина отъ Толстого въ томъ, что Бунинъ приходитъ къ «всеотрицанію» — которое есть прямой и непосредственный результатъ, точнѣе даже оборотная сторона «всеутвержденія» — не на пути мысли, а на пути образовъ, на пути писательски-чувственнаго пантеизма, — другими словами, на пути писательскаго, а не внѣписательскаго «умствованія».

Этимъ, однако не исчерпывается Бунинъ: въ вящее отличіе отъ Толстого у него есть еще и другая ипостась, роднящая его съ Лермонтовымъ.

Толстой умомъ своимъ, ограниченнымъ человѣческимъ умомъ хотѣлъ найти и понять Бога въ мірѣ; этого открытаго имъ своимъ умомъ Бога онъ хотѣлъ по-

казать людямъ, объяснить черезъ Него людямъ міръ и ввести Его въ человѣческія отношенія, тѣмъ ихъ доведя до райскаго совершенства. Въ этомъ смыслѣ Толстой — духовный близнецъ Руссо — представляетъ въ единомъ своемъ лицѣ русскій XVIII вѣкъ. Былъ ли, однако, Толстой такъ же религіозно бездаренъ, какъ этотъ европейскій восемьнадцатый вѣкъ? Если бы мы на слово повѣрили Толстому, какъ моралисту, и если бы мы не знали его, какъ художника, мы могли бы думать, что онъ просто лишенъ того чувствилища, которымъ человѣкъ религіозно-мистическій воспринимаетъ Бога. Трагедія Толстого, однако, заключалась именно въ томъ, что свое моральное призваніе онъ видѣлъ въ томъ, чтобы преодолѣть въ себѣ, искоренить несомнѣнно въ какой то, хотя и слабой мѣрѣ, присущее ему религіозно-мистическое естество. И не въ томъ ли заключается мистическій смыслъ его бѣгства, что въ послѣдній моментъ побѣдила въ немъ его религіозная природа и въ молитвенномъ порывѣ впервые склонился смирившійся великій старецъ передъ отвергнутымъ имъ было въ его человѣческой гордынѣ Богомъ?

Во всякомъ случаѣ морализмъ Толстого не имѣлъ религіознаго корня: онъ не только былъ без-чувствененъ, но и без-духовенъ. Онъ былъ поверхностенъ. Какой былъ Толстой моралистъ — темный или свѣтлый? Никакой! Его морализмъ — риторика, до метафизическаго корня сознанія человѣческаго не доходящая. Трагедія Толстого — личная его трагедія, а не трагедія метафизическаго боренія добра и зла въ его творчествѣ.

Не то у Бунина. Онъ человѣкъ въ религіозномъ отношеніи очень одаренный и его писательскій путь есть

путь прежде всего религіознаго мыслителя; его творчество есть замѣчательное обнаруженіе человѣческаго религіознаго опыта. Въ этомъ именно отношеніи и необходимо поставить Бунина въ непосредственную связь съ Лермонтовымъ — самымъ религіозно одареннымъ русскимъ писателемъ.

Пусть насъ не смушаетъ подъ этимъ угломъ зрѣнія пресловутая бунинская чувственность. Донъ Жуанъ (не банальный, плоскій и пошлый его варіантъ житейскій, а настоящій, метафизическій Донъ Жуанъ!), который въ поискахъ недосягаемаго идеала женщины не можетъ остановиться ни на одной изъ нихъ, и готовъ любить послѣдовательно всѣхъ женщинъ, которыя попадаются на его жизненномъ пути, сдѣланъ изъ того же тѣста, какъ и дѣвственникъ, который въ поискахъ того же недосягаемаго идеала женщины не можетъ остановиться ни на одной изъ тѣхъ, кто попадается на его жизненномъ пути. Какъ цѣломудріе можетъ быть погранично цинизму, такъ и аскетизмъ можетъ быть пограниченъ чувственности. Совсѣмъ не случайно въ раннемъ отрочествѣ Бунинъ, подъ впечатлѣніемъ смерти своей маленькой сестры, испыталъ тягу къ религіозному подвижничеству и, можетъ быть, только примѣръ и вліяніе отца отвлекли Бунина отъ мистическаго аскетизма. Въ этомъ планѣ пріобрѣтаетъ особую значительность наслѣдственность его, сочетающая богатырскую жизненную силу и острую, въ частности, сексуальную чувственность по линіи отцовской съ не менѣе напряженнымъ аскетическимъ устремленіемъ по линіи материнской.

Можетъ ли вызывать сомнѣніе возвышенность бунинской чувственной восторженности передъ красота-

ми міра? Это какъ бы месса «Богу въ мірѣ», въ которой магическое дивно сопрягается съ мистическимъ. Мы ощущаемъ въ бунинскомъ воспріятіи міра что-то подымающее, волнующее, что-то порой тревожное, порой умиляющее, въ чемъ мы въ большей или меньшей мѣрѣ осязаемъ вѣяніе потустороння́го.

Тутъ подходимъ мы къ самому центральному моменту, нащупываемъ какъ бы наиболѣе чувствительный нервъ бунинскаго естества. Не есть ли таинственная сопредѣльность магическаго и мистическаго вообще самая существенная черта Бунина? Не стоитъ ли онъ весь на зыбкой грани магіи и мистики? Не этимъ ли опредѣляется и катастрофичность его творческой фантазіи и самый внутренній звукъ его поэтическаго голоса? Не въ этомъ ли существо его какой то внутренней близости съ Лермонтовымъ?

Что такое магія? Что такое мистика? Магія есть выходъ въ потустороннее, опредѣляемый стремленіемъ человѣка овладѣть потусторонними силами, поставить ихъ себѣ на службу, подчинить ихъ себѣ, пріобрѣсти власть надъ ними. Мистика, напротивъ, есть самоотреченное отданіе себя высшимъ силамъ, есть ощущеніе духомъ духа и — въ предѣлѣ — сліяніе человѣка съ Богомъ въ любовномъ порывѣ къ Нему. Въ мистикѣ какъ бы сплавлены два чувства: страхъ Божій и молитвенная Любовь, причемъ первое чувство постепенно вытѣсняется вторымъ. Въ магіи все, въ конечномъ счетѣ, сводится къ жаждѣ могущества, къ вознесенію своего бытія надъ міромъ. Напротивъ того, мистическое общеніе съ Богомъ не совмѣстимо съ устремленіемъ къ личному могуществу, къ вознесенію своего «я»: черезъ человѣка, мистически связаннаго съ Богомъ, дѣйству-

ѣтъ сила божественная, и это такъ и сознаетъ мистикъ. Онъ смиренно воспринимаетъ этотъ даръ свыше, какъ результатъ таинственнаго, любовнаго, благодатнаго общенія съ Богомъ.

Едва ли гдѣ Бунинъ явственнѣе выразилъ свою тягу къ магическому вознесенію своей личности, своего бытія надъ міромъ, какъ въ стихотвореніи: «Памяти друга». Вотъ оно цѣликомъ.

Вечернихъ тучъ надъ моремъ шла гряда,
И золотисто-свѣтлыми столпами
Сіяла безграничная вода,
Какъ небеса лежавшая предъ нами.
И ты сказалъ: «Послушай, гдѣ, когда
Я прежде жилъ? Я странно боленъ — снами,
Тоской о томъ, что прежде былъ я Богъ. . .
О, еслибъ вновь обнять весь міръ я могъ!»

Ты вѣрилъ, что откликнется мгновенно
Въ моей душѣ твой бредъ, твоя тоска.
Какъ помню я усмѣшку, неизмѣнно
Твои уста кривившую слегка,
Какъ эта скорбь и жажда быть вселенной,
Полями, моремъ, небомъ — мнѣ близка!
Какъ остро мы любили міръ съ тобою
Любовью неразгаданной, слѣпою!

Тѣ радости и муки безъ причинъ,
Та сладостная боль соприкасанья
Душой со всѣмъ живущимъ, что одинъ
Ты раздѣлялъ со мною, — нѣтъ названья,
Нѣтъ имени для нихъ, — и до сѣдинъ

Я донесу порывы возсозданья
Своей любви, своихъ плѣненныхъ силъ...
А ты ихъ вольной смертью погасилъ.

И правъ ли ты, не превозмогшій тѣсной
Судьбы своей и жребія творца,
Лишеннаго гармоніи небесной,
И для чего я мучусь безъ конца
Въ стремленьи вновь дать нѣкій видъ тѣлесный
Чертамъ ужъ безтѣлеснаго лица,
Зачѣмъ я этотъ вечеръ вспоминаю,
Зачѣмъ ищу ничтожныхъ словъ — не знаю.

Въ этомъ стихотвореніи необыкновенно выразительно показана и тяга Бунина къ магическому и вмѣстѣ съ тѣмъ его какъ бы оглядка, которая не позволяетъ ему погрузиться въ эту бездну. Чѣмъ опредѣляется эта оглядка? Именно глубокой религіозной одаренностью Бунина, его устремленіемъ къ мистическому. Любовно-молитвенное устремленіе къ Богу въ мірѣ очень выразительно показано въ стихотвореніяхъ и прозаическихъ отрывкахъ, которые въ достаточномъ количествѣ разбросаны въ настоящей книгѣ. Приведу еще одно стихотвореніе, въ которомъ съ необыкновенной силой выраженъ мистическій страхъ Божества.

Какъ дымъ пожара туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятный не земному слуху,

А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклыя, въ пыли,
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна — рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдые крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И выростали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью —
Въ грядущемъ страхѣ Божества.

Сопредѣльность магическаго и мистическаго была характерна и для Лермонтова. Но есть необыкновенная разница между Бунинымъ и Лермонтовымъ въ этомъ отношеніи. Лермонтовъ, по природѣ своей принадлежа по истинѣ къ лику ангельскому, всю жизнь прожилъ подъ знакомъ магической одержимости зломъ. Печать этой одержимости лежитъ и на всемъ его творчествѣ. Самая его смерть носитъ характеръ очистительной катастрофы, освобождающей его мистическую сущность отъ оболочки его земнаго, магически зачарованнаго зломъ, естества. Обѣ силы, и сила магическаго начала и сила мистическаго начала въ одинаковой и огромной степени напряжены въ Лермонтовѣ, и можно съ извѣстнымъ правомъ говорить о немъ одновременно, какъ о моралистѣ темномъ и какъ о моралистѣ свѣтломъ — не случайно критика, въ зависимости отъ того, съ какой стороны она подходитъ къ Лермонтову, и совре-

менники его, въ зависимости отъ того, какимъ лицомъ къ нимъ поворачивался Лермонтовъ, то готовы его чернить краской темной, то одѣвать въ ризы свѣтлыя. Поэтому по отношенію къ Лермонтову правильнѣе даже говорить не о сопредѣльности магическаго и мистическаго, а о нѣкой антиномичности магически-темнаго и мистически-свѣтлаго. Не то у Бунина. У него мы именно наблюдаемъ сопредѣльность магическаго и мистическаго. Въ Бунинѣ огромный зарядъ магическій, но магическое не овладѣваетъ имъ и неизмѣнно, такъ сказать, на короткѣ обрывается мистической оглядкой на Бога, мистическимъ ощущеніемъ, вѣрнѣе сказать — мистическимъ исканіемъ Бога и взлетомъ къ нему. Именно эта постоянная пограничность магическаго и мистическаго и лежитъ въ основѣ той катастрофичности бунинской творческой фантазіи, которую мы отмѣчали.

Магія въ конечномъ счетѣ неизмѣнно и неизбѣжно ведетъ къ катастрофѣ. Но это не очищающая катастрофа, это — катастрофа каинская, вѣрнѣе — гибель, то нисхожденіе во адъ, которое самъ Бунинъ воспроизвелъ въ своемъ переводѣ байроновскаго Манфреда, въ сценѣ его смерти. В и д и м о с т ь каинскаго могущества и каинской свободы, которая одно время, какъ мы знаемъ, тревожила воображеніе поэта, рано или поздно оборачивается страшной реальностью, страшнымъ пробужденіемъ, которое есть не что иное, какъ низверженіе въ рабскую зависимость отъ силъ зла. Напротивъ, катастрофичность бунинской творческой фантазіи есть катастрофичность очищающая, укорененная въ его мистическомъ чувствѣ Бога, которое его никогда не покидаетъ и которое неизмѣнно размыкаетъ смыкающіеся было магическіе круги. Поэтъ, все творчество котораго

стоитъ, какъ мы знаемъ, подъ знакомъ постояннаго уловленія таинственнаго стыка мгновеннаго и вѣчнаго и облеченія его въ плоть слова, въ этомъ дивномъ процессѣ какъ бы изживаетъ тотъ вѣчный поединокъ между магическимъ и мистическимъ, который въ немъ происходитъ и который составляетъ существо его религіознаго «я».

Это религіозное «я» поэта не есть нѣчто неизмѣнное, неподвижное. Въ процессѣ постояннаго смыканія магическаго круга и неизмѣннаго и мгновеннаго его мистическаго разрыва, о которомъ мы только что говорили, растетъ и развивается, крѣпнетъ и мужаетъ религіозная личность поэта. Въ высокой степени знаменателенъ и поучителенъ этотъ ростъ. Едва ли мы найдемъ что либо хотя бы отдаленно похожее въ какой либо другой фигурѣ міровой литературы. Дѣйствительно, къ чему подъ угломъ зрѣнія задачи исканія Бога сводится весь творческій путь Бунина? Къ повторенію на своемъ религіозномъ опытѣ какъ бы всей исторіи рода человѣческаго. Въ томъ и заключается метафизическій смыслъ той черты Бунина, того его дивнаго, единственнаго, страшнаго и благодатнаго дара, который мы неоднократно наблюдали и отмѣчали—дара метафизическаго перевоплощенія. Это не просто благодарное свойство его художественной природы, это нѣчто большее и существенно иное.

Это — образъ религіознаго восхожденія поэта.

Это — ростъ и мужаніе его религіозной личности.

Это — путь его къ Богу.

Для того, чтобы понять этотъ путь, надо понять, что у Бунина ростъ религіозной личности есть не просто ростъ религіознаго его чувства въ планѣ какой то одной

религіи, а есть именно нѣкое восхожденіе въ планѣ сложнаго, отчасти послѣдовательнаго, отчасти одновременнаго, переживанія и изживанія разныхъ религій. Это напряженный, внутренній, владѣющій всѣмъ существомъ поэта, процессъ. Направленіе его мы въ извѣстной мѣрѣ можемъ угадывать и даже отчасти непосредственно видѣть, но въ своей основѣ онъ для насъ непроницаемъ. Бунинъ, при всей раскрытости житейскаго его естества, цѣломудренъ и скрытенъ. И это цѣломудріе и скрытность выражается между прочимъ въ томъ, что достояніемъ даже литературныхъ его откровеній является лишь то, что уже вышло изъ тайниковъ его души. Поэтому всякій, кто въ каждый данный моментъ по его твореніямъ захотѣлъ бы создать себѣ представленіе объ его внутреннемъ мірѣ, — о томъ, что происходитъ «за завѣсой», рискнулъ бы очень отстать отъ дѣйствительности. Не буду я и пытаться проникнуть за эту завѣсу, пока поэтъ самъ ея не пріоткроетъ въ той формѣ, которую подскажетъ ему его художественная и религіозная совѣсть. Но одно, мнѣ кажется, можно уже съ достаточной рѣшительностью подчеркнуть, какъ нѣчто достаточно наглядно обозначившееся. Это то, что по мѣрѣ роста бунинскаго религіознаго «я» въ творчествѣ Бунина все съ большей и съ большей отчетливостью обозначается пушкинское начало.

Что это такое: пушкинское начало?

Въ одной публичной рѣчи, сказанной мной по случаю годовщины смерти Пушкина, я лѣтъ десять тому назадъ высказалъ мысль о томъ, что въ русской литературѣ можно установить два большихъ теченія. Одно отличается максимализмомъ въ отношеніи къ привычнымъ формамъ жизни, къ традиціонному укладу ея, къ то-

му, что на русскомъ языкѣ передается непереводимымъ, кажется, ни на одинъ иностранный языкъ словомъ «бытъ». Очень различны формы этого «бытоборчества». У Толстого оно пріобрѣтаетъ образъ сознательно-разрушительной работы. У Достоевскаго мы наблюдаемъ другое: онъ просто не замѣчалъ быта, нормальныхъ формъ жизни, пренебрегалъ ими, ко всему подходилъ въ планѣ, такъ сказать, эсхатологическомъ, интересовался исключительно такъ называемыми «вѣчными вопросами». Достоевскій, конечно, огромная положительная сила, но это преимущественно въ планѣ борьбы съ атеизмомъ и соціализмомъ. Устраните, однако, изъ игры врага, воинствующее безбожіе, — для Достоевскаго больше ничего не интересно и не важно. Для того, чтобы жить, надо повѣрить въ Бога Живаго, это Достоевскій установилъ на своемъ страшномъ душевномъ опытѣ, какъ непререкаемую аксіому. Но какъ жить? Эта проблема находится внѣ его сознанія; единственное, что онъ могъ сказать объ ней — это указать въ своей предсмертной пророческой рѣчи на Пушкина. Нѣчто опять совсѣмъ иное мы наблюдаемъ у Чехова. Онъ чувствуетъ, какъ никто, и мастерски описываетъ бытъ, его окружающій, но онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ пошлости, онъ выноситъ изъ жизни ощущеніе скуки, тоски и желаніе бѣжать отъ нея, или, по крайней мѣрѣ, забыться въ мечтахъ о какой то другой жизни, иной, которая наступитъ невѣдомо какъ и невѣдомо когда. Еще нѣчто иное мы видимъ у Блока. Онъ вообще ничего не видитъ и не хочетъ видѣть въ планѣ быта. Онъ «звучитъ». Онъ исходитъ въ звукахъ, откликаясь на смутные зовы, которые идутъ къ нему изъ пространства, изъ сферъ, и съ пренебреженіемъ

смотритъ на дѣйствительность — въ бытѣ видитъ онъ только мѣщанство и съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, готовъ прислушиваться даже къ «музыкѣ революціи», которая смететъ этотъ бытъ до основанія. . .

Я могъ бы дать цѣлую галлерею писательскихъ типовъ, вложившихся въ большей или въ меньшей степени въ дѣло разрушенія быта — разрушенія, идущаго подъ знакомъ мечтательства и максимализма разныхъ видовъ и окрасокъ. Я выбралъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто и по объективному своему вѣсу и по значенію, какъ властители думъ, являются наиболѣе крупными. Этому максималистскому и мечтательскому радикализму противустоитъ теченіе другое, которое, напротивъ, можетъ быть по праву названо строительнымъ, бытоутверждающимъ. Красота и правда освященныхъ временемъ формъ жизни, духовная сила вѣчныхъ ея устоевъ, благодать внутренняго религіознаго свѣта, который свѣтится за ними и который придаетъ глубокій смыслъ самымъ скромнымъ житейскимъ явленіямъ, иногда въ своей будничной скромности сопредѣльнымъ съ лучшимъ и прекраснѣйшимъ, что наблюдается въ мірѣ человѣческихъ отношеній — вотъ неисчерпаемая тема творчества, проникнутаго уваженіемъ къ быту, одухотвореннаго паѳосомъ религіозно осмысленнаго бытоутвержденія.

Нѣтъ, вѣроятно, писателя, достойнаго этого имени, который бы нигдѣ и никогда не проявилъ себя, какъ носитель этой тенденціи, но у многихъ это есть лишь нѣчто случайное, эпизодическое; для иныхъ же это — существо ихъ писательской личности. Это послѣднее можно сказать даже относительно нѣкоторыхъ изъ тѣхъ писателей, которые были мной только что указаны въ

числѣ «бытоборцевъ». Надо ли говорить, что Толстой, въ своемъ качествѣ художника, есть — вопреки Ерошкѣ и Платону Каратаеву, — столпъ и утвержденіе быта? Въ извѣстной мѣрѣ то же самое можно сказать и о Чеховѣ. Чеховъ самъ о себѣ говорилъ, что онъ не имѣетъ міровоззрѣнія (это свойство особенно подчеркнулъ у Чехова по поводу двадцатипятилѣтія со дня его смерти П. Струве!) Этимъ опредѣлилось то, что Чеховъ, при всемъ горячемъ желаніи, никогда не написалъ ни одного большого романа или повѣсти. Этимъ же опредѣлилось и то, что я отмѣчалъ по поводу той же даты — именно то, что Чеховъ одновременно является и самымъ веселымъ и самымъ грустнымъ русскимъ писателемъ. Тамъ, гдѣ Чеховъ не задумывается надъ дѣйствительностью, онъ рѣзвится, какъ дитя, какъ «молодой теленокъ или жеребенокъ» (по его собственному сравненію) — именно поэтому, вѣроятно, нѣтъ писателя, который такъ хорошо понималъ бы дѣтей и животныхъ, какъ Чеховъ. Такой беззаботной нутряной веселостью, какая была у Чехова, никто, кромѣ Чехова, въ русской литературѣ похвастаться не можетъ. Но, зато стоитъ Чехову задуматься — нѣтъ предѣла его грусти, ибо нѣтъ никакого утѣшенія человѣческому горю кромѣ слабаго человѣческаго слова сочувствія, и нѣтъ ничего, что бы помогло человѣку понять и оправдать страшное, безсмысленное, безобразное явленіе смерти. Чеховъ скептикъ и позитивистъ. Но на счастье его, это его отношеніе къ міру не стало его прочнымъ міровоззрѣніемъ. На счастье, онъ, человѣкъ широкій и умный, жилъ не разумомъ, а теплыми человѣческими чувствами, которыя, додумай онъ доктринерски до конца и доведи до состоянія твердаго міровоззрѣнія свой по-

зитивизмъ и свой скептицизмъ, должны были бы выдохнуться. Онъ любилъ и, главное, жалѣлъ людей; его доброта была существомъ его природы, и жалѣя и любя людей, онъ такъ изображалъ ихъ жизнь, что доставлялъ имъ радость и утѣшеніе. И то обстоятельство, что Чеховъ былъ человѣкомъ невѣрующимъ, дѣлало въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его слова утѣшенія особенно дѣйствительными, особенно доходящими до сердца. Это можетъ показаться удивительнымъ, но Чехова можно до настоящаго времени называть евангеліемъ людей невѣрующихъ: никто такъ не способенъ утѣшить и успокоить невѣрующаго человѣка, какъ невѣрующій Чеховъ, который съ ласково сострадательно улыбкой, какъ старшій братъ, показываетъ читателю жизнь, какъ она есть, съ ея плохими и хорошими сторонами, съ ея большими и маленькими радостями и печалями — показываетъ ее такъ, что читателя заражаетъ и умиляетъ чеховская доброта и его любовь къ людямъ. Но вѣдь что это такое? Это и есть утвержденіе быта въ его какихъ то вѣчныхъ, положительныхъ устояхъ. Именно потому, что Чеховъ былъ человѣкомъ «безъ міровоззрѣнія» — то есть безъ предвзятости! — могло случиться такъ, что его непогрѣшимый художественный вкусъ, укорененный въ самыхъ глубинахъ его чистой и прекрасной души — въ тѣхъ глубинахъ, куда не проникалъ ни его скептицизмъ, ни его позитивизмъ — способенъ былъ направлять его творчество по линіи бытоутвержденія. И «вѣчный» Чеховъ — а мало есть большихъ писателей, у которыхъ такъ относительно много было бы временнаго и преходящаго — есть именно этотъ Чеховъ-утѣшитель, съ правдивостью суровой и жестокой изображавшій самыя неприглядныя и мелкія явленія жиз-

ни, но, вопреки своему скептицизму и позитивизму, умѣвшій согрѣть изнутри всѣ эти явленія тепломъ любви и освѣтить ихъ свѣтомъ правды нездѣшней.

Есть, однако, писатели, которые по преимуществу должны быть отмѣчены какъ бытоутвердители. Я ограничусь тѣмъ, что назову двухъ — Тургенева и Пушкина.

Тургеневъ имѣетъ много общаго съ Чеховымъ. Онъ тоже былъ человѣкомъ исключительно добрымъ и тоже былъ скептикомъ. Но онъ былъ еще умнѣе Чехова, былъ человѣкомъ универсально образованнымъ, и — главное — онъ не былъ позитивистомъ. Онъ, правда, не былъ и человѣкомъ вѣрующимъ, но у него было очень сильно развито чувство потусторонняго, и свое отсутствіе вѣры онъ принималъ, не какъ знакъ своего превосходства, а какъ крестъ, имъ несомый. Сочетаніе всѣхъ этихъ свойствъ порождало то, что у Тургенева образовался необыкновенно широкій и теплый взглядъ на жизнь. Онъ не просто былъ артистъ, какъ его часто изображаютъ. Онъ, конечно, былъ артистъ изумительный, въ нѣкоторыхъ своихъ свойствахъ неповторимый и никѣмъ въ Россіи ни до него ни послѣ не превзойденный, но силу его и прелесть его составляло то, что въ силу широты его натуры и разносторонности его писательскихъ интересовъ, его артистическое или художественное чутье должно было сливаться съ чувствомъ нравственной правды. Онъ не былъ моралистомъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ я выше истолковалъ это понятіе, но въ немъ артистъ глядѣлъ глазами моралиста — солнечнаго моралиста чистой воды, рядомъ съ которымъ можно поставить Диккенса, Альфонса Додэ и Андерсена. Он не ощущалъ никакого особаго моральна-

го признанія и не обладалъ особымъ моральнымъ талантомъ, но все, что предносилось его взору, онъ хотѣлъ любовно и добросовѣстно понять и, руководствуясь своей писательской (артистической) совѣстью, все изображалъ такъ, что одновременно оказывался и объективнымъ лѣтописцемъ-бытописателемъ и судьей съ непогрѣшимой вѣрностью моральныхъ оцѣнокъ и съ предѣльной смѣлостью сужденій — которая, кстати сказать, получаетъ особую знаменательность и выразительность въ сопоставленіи съ женственной мягкостью и даже безкостностью его характера, столь ему повредившей въ глазахъ и современникомъ и потомства.

Совершенство тургеневскаго письма замѣчательно. Оно таково, что даже есть соблазнъ его не замѣтить и во всякомъ случаѣ не дооцѣнить. Я самъ въ этомъ считаю себя повиннымъ. Я далеко не сразу пришелъ къ правильному пониманію того уровня совершенства, на которомъ находятся творенія Тургенева. И когда я задумываюсь надъ тѣмъ, что является причиной того, что можно какъ бы пройти мимо Тургенева, ограничившись болѣе или менѣе поверхностными сужденіями о немъ, я прихожу къ заключенію, что одной изъ этихъ причинъ является именно внѣшнее совершенство его произведеній, и въ частности одно свойство ихъ, исключительное, рѣдкое вообще и особенно въ Россіи, это — архитектурная законченность ихъ. Эта архитектурная законченность, въ сочетаніи съ мягкой красочностью безподобныхъ описаній и съ совершенствомъ языка, создаетъ у читателя впечатлѣніе чего то просто красиваго — полюбовался и положилъ въ сторону, а если и остался неизгладимый слѣдъ въ душѣ, то и къ этому есть соблазнъ отнестись, какъ къ слѣдствію своей человѣче-

ской слабости или какой то сантиментальной предрасположенности, которая не имѣетъ якобы ничего общаго съ объективными достоинствами произведенія. Этой, въ сущности смѣхотворной, причиной, которая объясняетъ нѣкоторую недооцѣнку Тургенева, надо, между прочимъ, объяснить и то, что къ Лермонтову долго относились недостаточно серьезно — слишкомъ красиво онъ писалъ, и за этой красивостью не разглядывали — я говорю, главнымъ образомъ, о критикѣ, конечно, а не о публикѣ — всей значительности и формы и содержанія. Между тѣмъ, если вдуматься въ существо совершенства Тургеневскихъ произведеній и, въ частности, ихъ архитектурныхъ достоинствъ, то надо будетъ признать, что оно очень далеко лежитъ за предѣлами внѣшней красивости и свидѣтельствуетъ объ очень глубокихъ чертахъ тургеневскаго творчества. Оно свидѣтельствуетъ о томъ чувствѣ мѣры, чисто античномъ, которое именно и есть проявленіе безраздѣльной слитности моральнаго и художественнаго чутья, нравственной и артистической совѣсти. Этимъ объясняется и то, что Тургеневъ производитъ такое успокаивающее впечатлѣніе на читателя. Тургеневъ, какъ человѣкъ, могъ быть и лицепріятенъ и подверженъ вліяніямъ и увлеченіямъ. Какъ художникъ, его нельзя было ничѣмъ, ни обмануть, ни увлечь, ни купить. И это именно потому, что, поскольку онъ дѣйствовалъ въ своемъ качествѣ художника, онъ ощущалъ себя до конца связаннымъ — связаннымъ своимъ художественнымъ ремесломъ и его законами. А эти законы художественнаго ремесла оказывались для него однозначными съ законами человѣческой жизни, съ вѣчными законами человѣческой души. Темой Тургенева было вѣчно-пре-

красное въ человѣческихъ отношеніяхъ, въ человѣческомъ быту, и, никто, какъ онъ, не умѣлъ распознавать это вѣчно-прекрасное и притомъ не въ мгновенномъ его проблескѣ, а въ самомъ мѣсивѣ человѣческихъ отношеній, которое подъ руками художника, просвѣтленнаго идеей этого «вѣчно-прекраснаго», получаетъ свою артистическую формовку и превращается въ произведенія искусства, справедливо вызывающія на память античное творчество въ его лучшихъ образцахъ. Тэнъ вспоминалъ о Фидіи. . .

Представьте себѣ теперь человѣка еще болѣе умнаго, чѣмъ Тургеневъ — самаго умнаго человѣка, котораго знала Россія — человѣка, столь же, какъ онъ, образованнаго, обладавшаго, помимо таланта прозаическаго, еще величайшимъ даромъ поэтическимъ-стихотворнымъ, который только знала Россія, и къ тому же человѣка не скептическаго, а вѣрующаго, обладателя той безхитростной и простой вѣры, которая есть величайшій даръ Бога на землѣ, — и вы получите представленіе о Пушкинѣ.

Пушкина нельзя назвать моралистомъ, нельзя назвать и писателемъ, обладающимъ повышеннымъ религіознымъ дарованіемъ — нельзя потому, что къ Пушкину вообще не идутъ никакія ограничительныя или дифференцирующія опредѣленія. Онъ — человѣкъ синтетическій по преимуществу — «наше все», какъ лапидарно сказалъ о немъ одинъ большой русскій критикъ. Онъ есть чистое воплощеніе того начала, которое я назвалъ пушкинскимъ и которое уже на примѣрѣ Чехова и особенно Тургенева получило, какъ мнѣ кажется, достаточное истолкованіе. Пушкинъ есть утвержденіе и оправданіе человѣческаго быта и, въ частности, русска-

го быта, въ его вѣчныхъ морально-религіозныхъ основахъ. Эта устремленность Пушкина, какъ «бытоутвердителя», есть какъ бы органный пунктъ, который звучитъ черезъ все его творчество, во всемъ его безконечномъ разнообразіи темъ и мотивовъ, такомъ разнообразіи, которое въ другомъ смыслѣ тоже позволяетъ намъ повторить фразу Апполона Григорьева: «Пушкинъ — наше все».

Что же означаетъ по отношенію къ Бунину обнаруженіе, все болѣе отчетливое, «пушкинскаго начала» въ его творчествѣ?

Развитіе Бунина шло медленно и неуклонно. Это развитіе многогранно. Бунинъ съ каждымъ своимъ произведеніемъ писалъ все лучше и лучше, пріобрѣтая медленно и постепенно то мастерство, которое его уже давно выдѣляетъ изъ всѣхъ, но которое все еще продолжаетъ неуклонно совершенствоваться. Бунинъ испыталъ цѣлую эволюцію въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи и къ русскому. Бунинъ прошелъ своеобразный путь религіознаго развитія. Въ какомъ то нерасчлененномъ и неразвитомъ видѣ все его духовное хозяйство было на лицо съ первыхъ проявленій его сознательной жизни и онъ постепенно возвращался къ начальнымъ стадіямъ своего развитія, обогащенный и умудренный опытомъ своей жизни, прошедшій не только исполненный тревогъ и испытаній жизненный путь, но и какъ бы на своемъ личномъ опытѣ испытавшій историческій путь всего человѣчества въ цѣломъ. Это возвращеніе къ истокамъ своего бытія облеклось у Бунина въ форму художественной исповѣди, написанной въ томъ стилѣ реалистическаго символизма, о которомъ мы уже достаточно говорили. Въ этомъ возвращеніи къ

«истокамъ дней» проявилось, однако, не только возвращеніе къ Россіи, какъ къ мистической цѣнности, не только возвращеніе къ личному Богу, къ православной церкви, но сказалось и еще нѣчто, со всѣмъ этимъ органически связанное — возвращеніе къ быту, какъ къ какой то исходной религіозно-моральной цѣнности.

Въ 1925 году написалъ Бунинъ замѣчательное стихотвореніе: «День памяти Петра». Вотъ оно.

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія. . .»

О, если бъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ Градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный Градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созданный.

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья.
Россія! помни-же Петра.
Петръ значитъ Камень. Сынъ Господній

На камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней».

А что есть бытъ, какъ не этотъ «Божій ладъ и строй», о которомъ говоритъ въ прекрасномъ своемъ поминаніи Петра и Пушкина Бунинъ?

«Жизнь Арсеньева» становится религіозно-моральной реабилитаціей быта и, въ частности, русскаго быта. Это не просто реабилитація исторической Россіи въ ея конкретномъ обликѣ, въ ея индивидуальной неповторимости. Это реабилитація вѣчно-прекраснаго въ вѣчно-нерушимыхъ основахъ человѣческаго быта. И именно подъ этимъ угломъ зрѣнія сказалъ я въ своей публичной рѣчи, посвященной торжеству Бунина, какъ признаннаго міромъ русскаго писателя, слѣдующее объ универсальной значительности «Жизни Арсеньева»:

«Художникъ Бунинъ какъ бы говоритъ міру:

— Вотъ смотрите, такой была Россія въ нея неизреченной красотѣ. Мы ее потеряли. Всмотритесь въ окружающую васъ жизнь — и въ ней есть красота, берегите ее, берегите окружающій васъ бытъ. Помните — въ немъ содержится золотой вѣкъ, который можетъ уйти. Онъ слагается изъ очень простыхъ вещей: церковь, національное государство, семья, человѣческая свободная личность — вотъ изъ чего сложенъ этотъ бытъ. — Это цѣнность, которая строилась вѣками — храните ее, чтите.

Эти слова звучатъ прописью — но для этого и нужно быть Пушкинымъ или Бунинымъ, чтобы они стали образами, которые властно овладѣваютъ сознаніемъ».

Впрочемъ въ отношеніи Бунина не совсѣмъ вѣрно, что эти «слова» становятся «образами» — не только образами художественными они становятся у Бунина. Тутъ съ полной силой сказалось то свойство Бунина, которое дало намъ основаніе говорить о немъ, какъ о моралистѣ-писателѣ, и еще больше то свойство его, которое дало намъ основаніе говорить о его религіозномъ дарованіи. Такъ, какъ Бунинъ говоритъ о бытѣ и, въ частности, о русскомъ бытѣ, еще никто не говорилъ въ Россіи. Это не тотъ изнутри идущій мягкій свѣтъ подспуднаго религіознаго чувства, который сказывается въ художественной трактовкѣ бытоваго сюжета и который даетъ художественному произведенію его «бытоутверждающій» характеръ. У Бунина религіозная сторона быта оказывается на первомъ планѣ, доминируетъ надъ всѣмъ. Бытъ теперь не случайная реалистическая оболочка того прорыва въ вѣчность, который былъ основной темой Бунина, а все больше и отчетливѣе получаетъ характеръ драгоцѣнной оправы чего то еще болѣе цѣннаго, что вообще не имѣетъ названія на человѣческомъ языкѣ, чего знакомъ онъ только является. Бунинъ всегда былъ серьезенъ и правдивъ — эти свойства его, какъ писателя, вытекаютъ изъ его природы моралиста. Бунинъ всегда былъ настроенъ торжественно, всегда былъ готовъ дивиться величію и тайнамъ окружающаго его міра, всегда открытъ былъ чувству мистическаго восторга — это вытекало естественно изъ его религіозной одаренности. Эти свойства проявляются съ особой силой въ «Жизни Арсеньева». Но они пріобрѣтаютъ особый характеръ. Изъ стадіи эпизодической душевной настроенности они постепенно переходятъ въ стадію прочнаго умоначертанія, устойчиваго

душевнаго состоянія, просвѣтленнаго, умиротвореннаго. Мистика мало по малу беретъ верхъ надъ магіей. Послѣдняя достаточно сильно звучитъ еще въ обертонахъ — и это придаетъ всей вещи своеобразную музыкальность, исполненную тончайшаго шарма. Но уже едва-ли придутъ на умъ Шуманъ или Вагнеръ тому, кто хотѣлъ бы ссылкой на родственныхъ по духу композиторовъ нюансировать основной музыкальный характеръ произведенія. Теперь скорѣе можно говорить о Бахѣ. Вѣдь и у него сосредоточенная страстность мелодіи сковывается и умиротворяется возвышенно торжественнымъ ладомъ горѣ устремленной и внутренне умиленной гармоніи. Вѣдь и у него можно ощутить слѣды какой то потенціальной катастрофичности, снимаемой въ процессѣ мистическаго самоовладѣнія. Вѣдь и у него стиль хорала присущъ всѣмъ самымъ и простымъ и обыденнымъ проявленіямъ музыки.

И совсѣмъ не существенно то, что самъ Арсеньевъ остается такъ сказать внѣ-бытнымъ, что онъ бѣжитъ отъ быта, что онъ по своей природѣ все тотъ же бездомный паломникъ, «бродникъ», какимъ былъ отъ юности своей Бунинъ. Совсѣмъ не существенно, что литературный двойникъ Бунина повторяетъ его, Бунина, жизненный путь и воспроизводитъ его, Бунина, жизненную философію. То, что Арсеньевъ отдѣлился отъ Бунина и сталъ его художественнымъ порожденіемъ — поднимаетъ Бунина надъ Арсеньевымъ освобождаемъ Бунина отъ Арсеньева. Постольку Арсеньевъ становится Бунинымъ, Бунинъ перестаетъ быть Арсеньевымъ. Существенно то, что Бунинъ видитъ Арсеньева — со стороны и что онъ вставляетъ его въ рамки окружаю-

щаго его міра, въ рамки быта, въ рамки того «Божьяго лада и строя», какимъ была Россія. Этотъ обрамляющій Арсеньева «Божій ладъ и строй» уже не обманное «бываніе», не марево, а нѣкая ладная, устроенная, мистически просвѣтленная реальность. Арсеньевъ занимаетъ въ ней свое мѣсто, онъ постепенно выростаетъ, слагается въ кого-то, кто долженъ будетъ когда-то, въ свое время, получить право сказать, подобно моряку Бернару: «Я думаю, что я былъ не плохой поэтъ». И давая мѣсто поэту Арсеньеву въ этомъ устроенномъ и ладномъ мірѣ, поэтъ Бунинъ тѣмъ самымъ всѣ струны своей души долженъ естественно настроить такъ, чтобы зазвучали онѣ согласной хвалой этому устроенному и ладному міру — тому міру, создавъ который «Богъ увидѣлъ, что это хорошо».

Къ подобной «теодицеѣ», въ тягѣ къ которой юный Бунинъ когда то перевелъ наивную и въ своей наивности прелестную «Пѣснь о Гайаватѣ» Лонгфелло, и идетъ Бунинъ созрѣвшій и умудренный — тотъ Бунинъ, о которомъ можно сказать, что онъ — «мыслящій тростникъ» Паскаля, оживленный божественнымъ пушкинскимъ дыханіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON

Для Чехословакіи:
NAKLADATELSTVI
„PETROPOLIS"
PRAHA IV, Pod Bastami 295